

Рудольф Штайнер

ФОРМИРОВАНИЕ МИСТЕРИЙ

**Четырнадцать лекций, прочитанных в
Дорнахе с 23 ноября по 23 декабря 1923 года**

Одесса, 2003
Рудольф Штайнер
Формирование Мистерий
— Одесса ~~Новое~~ время:

© Составитель: Валерий Коршиков
© Издательство «НОВОЕ ВРЕМЯ», 2003
© Культурно-педагогический центр
им. Рудольфа Штайнера

Содержание Первая лекция 23 ноября 1923г.
О ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.....
Вторая лекция 24 ноября 1923г.
Созидание душевного в физическом человеке

Третья лекция 25 ноября 1923 г.
Врастание во внутрь природы через представление и волю.
Четвертая лекция 30 ноября 1923 г.
СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С ЗЕМНОЙ ПЛАНЕТОЙ.....

Пятая лекция 1 декабря 1923 г.
Минеральное и растительно-животное творение.....

Шестая лекция 2 декабря 1923 г.
Эфесские мистерии Артемиды.....

Седьмая лекция 7 декабря 1923 г.
Места мистерий Гибернии.....

Восьмая лекция 8 декабря 1923 г.
Сущность гибернийских мистерий.....

Девятая лекция 9 декабря 1923 г.
Великие мистерии гибернии.....

Десятая лекция 14 декабря 1923 г.
хтонические и элезуанские мистерии
Переход от Платона к Аристотелю.....

Одиннадцатая лекция 15 декабря 1923 г.
Тайна растительных сущностей, металлов и людей

Двенадцатая лекция 21 декабря 1923 г.
Мистерии самофракийских кабиров.....

Тринадцатая лекция 22 декабря 1923 г.
**Переход от духа древних мистерий к сущности
мистерии средневековья**.....

Четырнадцатая лекция 23 декабря 1923 г.
Человеческое душевное устремление в эпоху средневековья
Сущность розенкрейцеровских мистерий.....

Первая лекция 23 ноября 1923г.
О ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Давайте, мои дорогие друзья, время, оставшееся нам здесь для лекций внутри этого Гетеанума, до наступления Рождественских недель, используем так, чтобы те, кто смогут остаться здесь в Дорнахе в ожидании Рождества, смогли бы внести в себя как можно больше из того, что может быть внесено в человеческие сердца антропософским движением. Таким образом, именно те, кто будут находиться тут с нами до Рождества, действительно будут иметь в своих мыслях, чтобы быть в состоянии сказать о том, что теперь, я бы сказал, может произойти в последние часы. Это не значит, что я сейчас буду говорить об интернациональном Антропософском Обществе — эти вопросы будут решаться через несколько занятий на собрании самого Общества. Я же попытаюсь изложить эти рассуждения так, чтобы у вас было что внести в то настроение, которое тогда должно будет быть. Итак, мои дорогие друзья, то, что я обсуждал здесь в течение последних недель, я попытаюсь достигнуть, исходя из другого отправного пункта. И сегодня я начну с того, что из самой душевной жизни человека попытаюсь здесь перед вами прийти к раскрытию мирных тайн.

Начнем сегодня с чего-то наиболее простого. Рассмотрим, какой представляется душевная жизнь человека, осуществляющего процесс внутреннего самоосознания, несколько дальше того рубежа, который я имел преимущественно в виду в своих статьях о «Душевной жизни», опубликованной в журнале «Гетеанум». Теперь мы хотим пойти дальше внутрь душевной жизни, чем это было дано в журнале «Гетеанум». И то, что дается в журнале «Гетеанум» в четырех статьях о душевной жизни, это можно рассматривать как некое введение, некое подготовление к тому, к чему мы подходим теперь.

Выполняя упражнения в самосознании (в памятовании о себе) в большом, всеобъемлющем смысле, мы приходим к определенному укреплению душевой жизни. Самоосознание начинается с того, что мы позволяем внешнему миру воздействовать на нас — это мы делаем с детства, — и тогда образуется то, что действует в нас как внутренний мир, являясь мыслью. Ведь именно то и делает нас людьми, что мы даем впечатлениям внешнего мира позволить жить в наших мыслях, обретать внутреннюю жизнь, создавая в наших мыслях мир представлений, который в определенном смысле отображает то, что извне воздействует на нас.

Пожалуй, для душевной жизни не особенно благотворно много думать о том, как отображается внешний мир в нашей душе. Таким путем мы приходим лишь к теневой картине мира представлений в нашей внутренней самости. Лучшим видом самоосознания является тот, в котором больше внимания уделяют моменту силы, когда мы пытаемся изжить себя в мыслительном элементе так, чтобы не оглядываться на внешний мир; мы прослеживаем дальше в мыслях то, что было в нас как впечатление внешнего мира. Смотри по склонностям, один при этом придет к более абстрактным мыслям; он может построить мировые системы или же составлять схемы всего возможного, что есть в мире, и т. д. Другой, размышляя над вещами, которые произвели на него впечатление, и продолжая ткать мыслительную ткань, больше следует каким-нибудь представлениям фантазии. Мы не будем теперь рассуждать о том, как протекает в человеке это внутреннее, независимое от внешних впечатлений мышление согласно темпераменту, характеру и другим предрасположениям человека, а постараемся осознать то обстоятельство, что отвлечение от чувственных впечатлений и жизнь в мыслях, представлениях, дальнейшее развертывание их — хотя иногда и в пределах наших возможностей, — является для нас чем-то необычным.

Некоторые люди считают, например, совершенно излишним развивать по мере возможностей дальнейшее существование в мыслях. В наше тяжелое время часто встречаешь людей, проводящих весь день на службе,

занимающихся там всякими делами, очевидно необходимыми для мира, а затем собирающихся м⁰¹енькими группами за карточной игрой, за игрой в домино или за какой-нибудь другой игрой, чтобы, как говорится, скоротать время. Однако куда реже собираются люди в такие же группы для того, чтобы обменяться мыслями о том, как обернулись бы те же самые события, происходившие днем, в которых они прин⁰¹имали участие, если бы то или иное произошло по-другому. Это не развлекло бы людей так, как карточная игра, но это было бы продолжением жизни в мыслях. И если только сохранять при этом здравый смысл в отношении действительности, то нет сове⁰¹енно никакой необходимости в том, чтобы такое развертывание мыслей превратилось в нечто фантастическое.

Такая жизнь в мыслях приводит, наконец, к тому, что выст⁰¹упает перед Вами, если Вы пожелаете правильно прочесть «Фил⁰¹ософию свободы». Если Вы пожелаете правильно прочесть «Фил⁰¹ософию свободы», то Вы должны будете познакомиться с таким чувством: жизнь в мыслях. «Философия свободы» вся является чем-то таким, что пережито, исходя из действительности; и в то же время она вся является тем, что всецело проистекает из де⁰¹ятельного мышления. И в этом должны Вы видеть основное ощущение «Философии свободы». Эта «Философия свободы» была мною вчерне набросана в 80 годах, написана в начале 90 годов, и я должен сказать даже среди людей, которые задавались целью, по меньшей мере, проследить основной нерв «Философии своб⁰¹оды», я встречал повсюду непонимание ее. И причина этого за⁰¹ключается в следующем: даже, так называемые, мыслящие люди современности, — в своем мышлении достигают только лишь п⁰¹ереживания отображения в нем чувственного мира. Они говорят: Может быть, кому-то и является в мышлении нечто из сверхф⁰¹изического мира, но это должно быть совершенно аналогично вс⁰¹приятию внешних предметов; подобно тому, как эти предметы — например, столы, стулья — предполагаются заранее данными для мышления, существующими вовне, так и это мышление каким-либо образом должно быть в состоянии пережить сверхчувстве⁰¹ное, находящимся вне человека, вовне, таким же образом, как столы и стулья находятся вне физического человека. Примерно так представлял себе проблему мышления Эдуард фон Гартман.

И вот ему попадается эта книга, «Философия свободы». В ней мышление переживается таким образом, что внутри мыслител⁰¹ного переживания приходят к представлению: Когда ты правил⁰¹о живешь внутри мышления, то ты живешь — хотя сначала несколько неопределенным образом — во Вселенной. Эта связь с тайнами мира в интимнейших мыслительных переживаниях и составляет основной нерв «Философии свободы». И поэтому в этой «Философии свободы» стоит фраза: В мышлении человек схват⁰¹ывает за край мировую тайну.

Может быть, это выражено и просто, но это следует понимать так, что при действительной жизни в мыслях уже чувствуют себя не вне мировой тайны, а внутри ее, чувствуют себя не вне бож⁰¹ественного, а в божественном. Постигая в себе мышление, пости⁰¹гают в себе божественное.

Этого пункта понять не могли. Ибо, если его действительно понимают, если затрачивают усилие для того, чтобы иметь мы⁰¹слительное переживание, тогда уже не остаются в мире, в котором пребывали раньше, но тогда находятся внутри эфирного мира. Человек находится внутри мира, о котором знает: он определяет⁰¹ся не явлениями физического мира, а всей мировой сферой. Т⁰¹а находятся внутри мировой эфирной сферы.

И у того, кто охватывает мышление так, как это сделано в «Философии свободы», отпадают всякие сомнения в закономер⁰¹ности эфирной сферы. Так что здесь достигается то, что можно назвать эфирным переживанием. И вступая в это переживание, человек делает особый шаг во всей своей жизни.

Я мог бы охарактеризовать этот шаг следующим образом: Находясь в обычном сознании, думают о вещах, находящихся вовне, например, о столах,

стульях и, конечно, о людях и т. д. Итак, вовне существуют различные предметы, и человек из центра своего существа схватывает эти предметы своим мышлением. Это осознает каждый человек: он хочет охватить посредством мышления вещи в мире.

Когда же приходят к охарактеризованному выше мыслительному переживанию, тогда познают не мир; и не находятся протого в точке своего «Я», а происходит нечто совершенно иное. Переживают чувство, имеют совершенно правильное чувственное переживание, что своим мышлением, которое, собственно, не находится ни в каком определенном месте, постигают все изнутри. Человек чувствует: он ошупывает (осязает) внутреннюю человека. Как обычным мышлением, я бы сказал, словно протягивают к внешним предметам духовные щупальца чувств, так в этом мышлении, которое переживает в себе само себя, постоянно простираются в самих себя. Человек становится объектом, предметом для себя.

Это очень значительное переживание, которое можно иметь, когда знаешь: раньше ты всегда познавал мир: теперь же, имея мыслительное переживание, ты должен познать самого себя. И в ходе этого чрезвычайно сильного самопознания приходят к тому, что разрывают свою кожу. И так же, как познают себя внутренне, так изнутри познают весь мировой эфир, конечно, не в его частностях, а приходят к уверенности: этот эфир расстилается над мировой сферой, в которой мы находимся вместе со звездами, Солнцем, Луной и т. д.

рис

Второе, что человек может развить посредством своей внутренней душевной жизни, наступает тогда, когда он не развертывает мысли и не воспаряет в мыслях, вызванных извне, а отдается своим воспоминаниям. Когда человек отдается своим воспоминаниям и делает это действительно внутренним образом, тогда, опять-таки, возникает совершенно определенное переживание. Мыслительное переживание, которое я уже описал, приводит человека к самому себе; человек постигает самого себя. И это самопознание доставляет человеку определенное удовлетворение. Когда же переходят к переживанию в воспоминаниях, то, при действительно внутреннем следовании этому пути, важнейшим переживанием чувства является не приход к самому себе. Это достигается в мышлении; поэтому в протекании этого мышления и находят свободу, которая целиком зависит от личностного в человеке. Потому и должна «Философия свободы» исходить из мыслительного переживания, ибо через мыслительное переживание человек приходит к самому себе, находит себя как свободную личность. Иначе обстоит дело с переживанием воспоминаний. В переживании воспоминаний, следуя за ними со всей серьезностью, совершенно погружаясь в них, приходят, наконец, к чувству освобождения от себя, ухода от себя, Поэтому те воспоминания, которые заставляют забыть настоящее, и являются самыми удовлетворяющими. Я не хочу сказать, что это всегда наилучшие воспоминания, но во многих случаях они являются самыми удовлетворяющими.

Человек достигает правильного понимания значения воспоминаний, если может иметь такие воспоминания, которые выводят человека в мир, несмотря на то, что он мог бы быть совсем недовольным настоящим, желал бы, собственно, уйти от настоящего. Когда могут развить такие воспоминания, что чувствуют себя укрепленными в своем жизненном существе, отдаваясь своим воспоминаниям, то это, как чувство, подготавливает к тому, чем может стать воспоминание, когда оно становится во много раз более реальным.

Видите ли, воспоминание может стать более реальным, когда вы со всей возможной реальностью вызываете перед собой что-либо, что вы действительно пережили несколько лет или несколько десятков лет тому

назад. Я хочу выразить все это как есть. Представьте себе, что вы обращаетесь к старым пожиткам, пытаетесь, скажем, отыскать письма, написанные вами в связи с каким-нибудь случаем. Вы кладете эти письма перед собой и вживаетесь с помощью них в прошлое. Или, еще лучше, вы берете не те письма, которые написали вы сами или которые были написаны вам, ибо тогда всегда вмешивается слишком много субъективного; еще лучше, если вы смогли взять ваши старые школьные книги и заглянуть в них так, как вы в них заглядывали, будучи школьниками; если бы вы действительно подняли из вашей жизни нечто такое, что в действительности имело место. И примечательно: когда вы проделываете это, вы совершенно изменяете ваше душевное настроение, каким это душевное настроение является в современности. Это очень удивительно. И, видите ли, вам только нужно быть чуточку изобретательными в этом отношении, и все может послужить для этого. Предположим, некая дама в каком-нибудь углу находит платье, которое она носила двадцать лет назад, или что-то подобное, она надевает его и всецело переносится в состояние, в котором она находилась двадцать лет назад; итак, важно нечто такое, что с возможной реальностью вводит прошлое в настоящее. Это приводит к тому, что человек сильно отдаляет от себя современные переживания.

Я бы хотел сказать, что живя с обычным сознанием, являются слишком тесно связанными с переживаниями, чтобы привести их к чему-нибудь. Нужно суметь отойти дальше. Во сне человек стоит дальше, чем в бодрствующей жизни; ибо тогда со своим астральным телом и своим «Я» он находится вне физического и эфирного тел. К этому астральному телу, вышедшему из физического тела во время сна, вы подходите ближе, когда с той реальностью, которую я описал, вызываете прошедшие переживания в настоящее. Сначала вы, конечно, не поверите этому, так как не приписываете такой незначительной вещи, как оживление прошлых воспоминаний посредством старого платья, столь уж сильного действия. Но дело заключается именно в том, чтобы попробовать проделать такие вещи. Сделав попытку и действительно вызвав в настоящее давно прошедшее переживание так, чтобы жить в нем и забыть настоящее, — вы увидите, что подходите к вашему астральному телу, к вашему спящему астральному телу.

Однако, если вы ждете, что станет достаточно лишь взглянуть направо или налево, чтобы увидеть там туманную фигуру вашего астрального тела, то вы ошибаетесь; дело обстоит совсем не так. Вы должны со всей внимательностью отнестись к тому, что происходит в действительности. То, что действительно наступает в таком случае, заключается, например, в том, что Вы постепенно начнете совершенно иначе воспринимать утреннюю зарю, станете совсем по-другому воспринимать восход Солнца. На этом пути вы постепенно придете к тому, что тепло утренней зари станете воспринимать как нечто возвещающее, как нечто пророческое, содержащее в себе природную пророческую силу. Вы начнете воспринимать утреннюю зарю как нечто исполненное духовной силы и сможете связать внутренний смысл с этой исполненной пророчеством силой, в то время как обретете чувство — сначала, может быть, вы сочтете его иллюзией: утренняя заря имеет нечто родственное с вами самими. И именно через такие переживания, какими я их описал, сможете Вы привести себя в такое состояние, чтобы, взирая на утреннюю зарю, чувствовать: Да, эта утренняя заря не оставляет меня одиноким. Дело обстоит не поэтому так, что она — там, а я — тут. Я внутренне связан с ней. Это свойство моей души; в эту минуту я сам являюсь утренней зарей. И связав себя таким образом с утренней зарей, вы уже так переживаете красочное сияние и блеск, самопроявление Солнца (Sichherausentwickeln) из красочного сияния и блеска, что в вашем сердце в живом переживании восходит Солнце из утренней зари, и тогда вы обретаете представление, что вместе с Солнцем следуете по небосводу, что Солнце не там, а вы — тут, но что ваше бытие неким образом простирается до

солнечного бытия, что вы странствуете вместе со светом через день.

Когда вы разовьете это ощущение, которое, как было сказано, развивается не из мышления; из мышления к человеку не подо^Ити, а которое может быть развито указанным путем из воспом^Ианий, вернее сказать, из силы воспоминания, тогда вещи, кот^Орые до этого воспринимались вами лишь посредством ваших ф^Изических органов чувств, начинают принимать другой облик: они начинают становиться духовно-душевно прозрачными. Ибо до^Оигнув хоть однажды чувства следования за Солнцем, восприняв силы в утренней заре, чтобы странствовать вместе с Солнцем, начинают видеть по-другому все цветы на лугу. Цветы не оста^Ют при том, чтобы показывать свои желтые или красные цвета, что находятся у них сверху, но они начинают говорить, духо^Вным образом беседовать с нашим душевным. Цветок становится прозрачным. Духовное становится внутренне подвижным в ра^Ощении, и цветение как бы становится речью. Человек таким обра^Омом фактически соединяет свою душу так же и с внешним пр^Иродного бытия. И этим путем получают впечатление, что что-то стоит за этим бытием природы, что свет, с которым связали себя, несом духовными существами. И постепенно в этих духовных существах узнают черты того, что описывается Антропософией.

Возьмем теперь вместе два этапа ощущений, которые я тол^Бко что описал вам. Возьмем первое ощущение, достигаемое как внутреннее переживание, через мышление, через это пережив^Ание мы расширяемся; совершенно исчезает чувство нахождения в узком пространстве. Переживание этого расширяет человека; чувствуют со всей определенностью: В нашем внутреннем имее^Ю точка, которая выходит во весь мир, которая состоит из той же субстанции, что и весь мир. Чувствуют себя единым со всем миром, со всем мировым эфиром. Но чувствуют также, что нах^Одятся тут, на Земле, ноги, ступни человека притягиваются силой земного притяжения; чувствуют себя связанными с Землей всей совокупностью человека. И в то мгновение, когда имеют это мы^Слительное переживание, то больше уже не чувствуют эту связа^Нность с Землей, а чувствуют зависимость от далей мировых сфер. Все приходит из далей (см. рис., стрелки); не снизу, как бы из центра Земли вверх, а их мировых далей. И тогда чувствуют в связи с человеком: именно тогда, когда хотят понять человека, необходимо иметь это чувство прихода из мировых далей (см. рис. 2).

рис

Так вырастают до постижения ч^Оловеческого образа (Menschengestalt). Когда я пластически или живопи^О хочу постигнуть человеческий, образ, то на основе пространственно-внутреннего, телесно-внутренн^О человека я могу понять лишь нижнюю часть головы человеческ^О образа. Я не смогу внести исти^Ный дух в суть этого дела, не пред^Оставив верхнюю часть головы таким образом, чтобы мыслить ее привнесенной извне. Все это (см. стрелки) образовано изнутри вовне; а это (верхняя часть головы) образовано и^Вне вовнутрь.

Наш лоб, верхняя часть нашей головы, собственно, всегда приходят сверху. Кто с художественным чутьем смотрел на ж^Ипись малого купола погибшего Гетеанума, тот мог увидеть, как там это проводилось повсюду: нижняя часть лица — как нечто, в определенном смысле, выросшее из человека, верхняя часть г^Оловы — как нечто, данное Космосом. В то время, когда люди обладали ощущением подобных вещей, это было особенно де^Иственным. Вы никогда не поймете действительно греческой пла^Отической формы головы без способности внести в нее это чувство, ибо греки творили всегда на основе подобных ощущений.

И, таким образом, именно в мыслительном переживании чу^Втуют себя как бы связанными с окружением.

И можно было бы подумать, что это просто продолжается так и дальше,

что идя далее от мышления, от мыслительного переживания к переживанию воспоминания, выступают еще дальше в мир. Но это не так; в действительности происходит нечто иное. Когда вы действительно развиваете в себе это мыслительное переживание, то в конце концов через него получаете впечатление третьей Иерархии: Ангелов, Архангелов, Архаев. Подобно тому, как в тяжести, в перерабатывании пищевых продуктов благодаря пищеварению и т. д., вы можете представить себе переживание человеческой телесности здесь на Земле, так вы можете представить себе условия, в которых живут существа третьей Иерархии, когда — взамен хождения по Земле — чувствуете себя благодаря этому мыслительному переживанию несомыми силами, притекающими к вам от конца Мира.

Мыслительное переживание: третья иерархия.

Переходя от мыслительного переживания к переживанию воспоминания, возникает то, что если бы здесь был конец мировой сферы (см. на рис. верхний полукруг), то его достигали бы посредством такого переживания. Этот конец мира достижим через действительное мыслительное переживание; а затем человек не идет далее, но дело обстоит по-другому. Возьмем, к примеру, какой-нибудь предмет: кристалл, цветок, животное. Когда от мыслительного переживания переходят к тому, что дается переживанием воспоминания, тогда видят внутри этих вещей.

Взор, достигающий до мировых далей, развившись дальше переживанием воспоминаний, видит внутри вещей. Следовательно, имеет место не проникновение дальше в неопределенные абстрактные дали, а видение развитым далее взором внутри вещей; он видит духовное во всех вещах. Например, в свете он видит деятельных духовных существ света и т. д., во тьме он видит духовных существ, действующих во тьме. Так что мы можем сказать: переживание воспоминаний вводит во вторую Иерархию.

Переживание воспоминаний — вторая Иерархия.

В человеческой душевной жизни, однако, есть нечто, выходящее за пределы воспоминания. Уясним себе однажды, что же это такое, что выходит за пределы воспоминания. Видите ли, воспоминание окрашивает нашу душу. Встречаясь с человеком, судим обо всем отрицательно, изливающим кислую атмосферу на все, о чем бы с ним ни говорили, с которым, когда ему рассказывают о чем-то прекрасном, в ответ рассказывает что-то безобразное, и т. д., — о таком человеке можно сказать с полной уверенностью: это связано у него с его воспоминаниями. Воспоминания дают душе окраску.

Но, видите ли, кроме душевной окраски существует еще нечто иное. Вот мы встречаем человека. Он всегда иронически кривит рот, особенно, когда с ним заговаривают, или хмурится, или делает трагическое лицо. А вот другой, — он смотрит на нас приветливо, так что не только его разговор, но и взгляд возвышают нас. Да, очень интересно бывает одним взором окинуть все лица во время доклада при каком-нибудь значительном сообщении: края губ, лбы, окаменение одних лиц, движение на других и т. д. Тут находит выражение не только то, что осталось в душе в виде воспоминания и придало ей определенную окраску, но и то, что перешло из воспоминаний в физиономию, в нюансы жестов, во все поведение человека. Бывает и так, что ничего не переходит в человека, и он имеет лицо, ничего не воспринявшее из того, что прошло через его жизнь как боль и радость: это также характерно. Неуловимое выражение лица является столь характерным, как и то, когда глубокие складки лица выражают трагизм и серьезность жизни, или же когда лицо выражает пережитые во время жизни удовлетворения. Здесь то, что духовно-душевно остается как результат силы воспоминания, переходит в формообразование физического. И это переходит с такой силой, что тогда благодаря этому человек действительно имеет внешне, как жест — физиономию, а внутренне — темперамент. Ибо в преклонном возрасте мы редко имеем тот же темперамент, какой имели в детстве. Темперамент

взрослого во многом является результатом того, что было нами пережито в прошлом, и что внутренне, душевно превратилось в воспоминания.

То, что таким образом внутренне проникает в человека, может опять-таки, быть перенесено в реальность, хотя это и трудно. Относительно легче поставить перед нашим взором пережитое в детстве или что-либо из прошедшего, чтобы реализовать определенное воспоминание. Но уже труднее перенестись в темперамент своего детства или вообще в свой более ранний темперамент. Однако реализация именно таких упражнений может иметь огромное значение для человека. И если мы сможем проделать это внутренне, с большим душевным углублением, а не просто внешне, тогда достигаются большие результаты.

рис

Конечно, кое-чего человек достигает и тогда, когда, скажем, в сорок или пятьдесят лет — конечно, в необходимых здесь пределах — он и внешне занят играми своего детства, прыгает, как прыгал ребенком и т. д. Стараются сделать лицо таким, какое он имел в восемь лет, когда тетя давала ему конфетку и т. д. Эта перенесенность в прошлое вплоть до жеста, до выражения лица, вносит в нашу жизнь нечто такое, что преисполняет нас ощущением: внешний мир есть мир внутренний, а внутренний мир есть мир внешний.

Мы входим, например, всем нашим бытием в цветок и получаем то, что я кроме мыслительного переживания и переживания воспоминания мог бы назвать переживанием жеста в лучшем смысле слова. И благодаря этому мы приходим к представлению, как духовное повсюду и непосредственно действует в физическом.

Мы не сможем с полным сознанием внутренне охватить наше поведение двадцать лет назад, выражение лица или жест, имеющее место при том или ином обстоятельстве, без глубоко внутреннего, серьезного и энергичного усилия, а также и без постижения связи духовного и физического во всех вещах. Тогда бы мы, однако, подошли к переживанию первой Иерархии.

Переживание жеста — первая Иерархия.

Переживание воспоминаний нас самих превращает в утреннюю зарю, когда она предстает нам. Это дает нам почувствовать, внутренне пережить все тепло утренней зари. Когда же поднимаются к переживанию жеста, тогда то, что предстает нам в утренней заре — это объединяется со всем тем, что в объективности позволяет нам вообще переживать красочное, звучащее.

Когда мы просто смотрим на освещенные Солнцем предметы, находящиеся вокруг нас, то видим их такими, какими они представляются в свете. Когда же от переживания воспоминания переходим к переживанию жеста, то мы уже видим не просто утреннюю зарю: тут от всякого материального бытия высвобождается то, что является переживанием цвета. Переживание цвета становится живым, душевным, духовным, покидая пространство, в котором предстает нам внешняя утренняя заря; и утренняя заря начинает гласить нам о тайне взаимосвязи Солнца с Землей. И мы узнаем, как действуют существа первой Иерархии.

Обращая взор к утренней заре, когда она является нам еще почти так же, как при простом переживании воспоминаний, мы учимся познавать Престолов. А затем утренняя заря раскрывается нам. Тогда красочное становится существом, становится живым, душевным, духовным, становится существом, говорящим о том, в чем состоит отношение Солнца к Земле, как это было некогда, в древнее солнечное время — говорящим с нами так, что мы узнаем, чем являются Херувимы. А затем, когда, будучи окрыленными и благоговейно восхищенными этим двойным открытием утренней зари, откровением Престолов и откровением Херувимов, мы продолжаем жить в своей душе, то тогда из этой, превратившейся в живую сущность, утренней зари в наше внутреннее проникает то, что составляет сущность Серафимов.

Мыслительное переживание: третья Иерархия.

Переживание воспоминания: вторая Иерархия.

Переживание жеста: первая Иерархия.

И вот все, что я описал вам сегодня, я описал для того, чтобы показать, каким образом это возможно, чтобы человек, посредством простого следования за душевным, от мышления до вдумчивого, пронизанного душой жеста, выработал в себе ощущение — сначала это является только ощущением с духовных подоснов мира вплоть до сферы Серафимов.

Я хотел предпослать все это лишь в качестве введения к тем наблюдениям, которые в дальнейшем выведут нас из душевной жизни в дали духовного Космоса.

Вторая лекция

24 ноября 1923г.

Созидание душевного в физическом человеке

В поисках перехода от душевного, которому мы посвятили наши вчерашние рассмотрения, к созиданию душевного в физическом человеке, именно, к созиданию душевного в физическом человеке в отношении тех вещей, которые также обсуждались вчера, мы находим два пути. Ведь воспоминание сначала ведет душу назад, в прежнюю жизнь; мышление же, как я уже показывал вчера, ведет душу в эфирное существование. А то, что затем охватывает человека еще сильнее, чем воспоминание, что охватывает его так сильно, что внутренние импульсы переходят в телесность — это я вчера обозначил как жест, жестообразное. И посредством наблюдения над жестообразным мы проникаем вплоть до откровения душевно-духовного в физическом.

Видите ли, ведь вступление человека в физическую земную жизнь есть охватывание, овладение физического духовно-душевым. А воспоминание, с которого мы начинаем, состоит ведь в том, чтобы пережитое раньше в земном существовании перенести в последующий период жизни.

А теперь спрашивается, можем ли мы, исходя из человеческой жизни — ибо воспоминания возвращают нас к тому, что происходило в течение земной жизни, — можем ли мы на основе человеческой жизни проникнуть еще дальше назад? Можем ли мы проникнуть, идя назад, в то, что лежит до вступления человека в земную жизнь?

Тут мы приходим к двум вещам: первое — это то, что испытал человек духовно-душевно в доземном бытии. Оставим это для последующего рассмотрения. Однако, существует еще и другое, связанное с физической телесностью, то, что человек вносит в физическую телесность в качестве индивидуального существа. К этому относится все то, что по привычным естественнонаучным представлениям обычно причисляется к наследственности. Человек несет в себе вплоть до склонностей темперамента в нем, которые также сильно действуют в душевном, особенности, импульсы, которые смыкаются с тем, что было свойственно его физическим предкам.

Правда, сегодняшнее человечество обращается с такими вещами несколько поверхностно, даже можно сказать, несколько бездумно. Как раз сегодня утром, когда я ехал в поезде, я читал одну книгу о правителе из известного, ныне опустившегося княжеского дома. Рассматривается в этой книге и вопрос наследственных особенностей этого дома. Приводятся свойства, проследживаемые вплоть до седьмого столетия, наследуемые все вновь и вновь из поколения в поколение. И подмечается следующее: были в этом княжеском доме люди с ярко выраженной склонностью к экстравагантности, к парадоксам жизни, к излишествам и т. д.; но были и такие, у которых ничего подобного не наблюдалось. Обратите внимание: какой своеобразный способ мышления! Можно было ожидать, что тот, кто подметит такое, скажет: из подобных предпосылок невозможно выводить

вообще никаких заключений. Когда же Вы, однако, просматриваете многое из того, что в современности ведет к так называемым надежным взглядам, то найдете много подобного этому.

Но хотя взгляды, господствующие ныне относительно наследственности, и поверхностны, надо все же сказать: человек несет в себе однажды унаследованные признаки. Это одна сторона. И поэтому приходится ему бороться со своими унаследованными свойствами, чтобы прийти к тому, к чему его побуждает жизнь, преобладающая его земному существованию.

Второе, на что нам нужно указать, это то, что человек усваивает через воспитание и общение с другими людьми и с внешней природой. Современная наука привыкла называть это приспособлением человека к внешним условиям. И вам известно, что современное естествознание наиважнейшими для всех живых существ считает именно эти два импульса: наследственность и приспособление.

Однако, при непредвзятом рассмотрении именно этих моментов, чувствуют, что без пути в духовный мир невозможно прийти к их объяснению. И, таким образом, сегодня мы как раз постараемся охватить в свете духовного познания эти вещи, выступающие в жизни на каждом шагу.

Теперь нам надо обратиться к тому, чем мы не раз занимались во время наших прошлых лекций. Нам ведь уже приходилось иметь в эти рассуждениях также и с другой стороны указания на выделение Луны из Земной планеты. Некогда Луна была связана с Земной планетой и в определенное время выделилась из земной планеты, чтобы иметь возможность издали воздействовать на нее. Я говорил и о том, какое духовное явление стоит за этим выделением Луны. Я указывал на то, что некогда на Земле жили поистине сверхчеловеческие существа, которые были первыми великими учителями человечества, и от которых происходит то, что на основе нашего земного человеческого мышления можно обозначить как пра-мудрость, что всюду находится как исходный импульс, имеет глубокое значение, вызывая преклонение даже в виде тех остатков, в которых предстает нам сегодня, и что некогда составляло содержание учений сверхчеловеческих великих учителей в начале земного развития человечества.

Эти существа нашли свой путь ввысь в лунной бытие и связаны теперь с лунным бытием. В некотором смысле, они принадлежат к населению Луны.

И теперь дело обстоит таким образом, что человек, прошедший через врата смерти, поэтапно переживает то, что связано с планетарным миром, относящемуся к нашей Земле. Мы ведь уже видели, что человек после прохождения через земное бытие сначала входит в сферу влияния Луны, затем дальше — в сферу влияния Венеры, Меркурия, Солнца и т. д. Сегодня сначала нас будет интересовать вопрос, каким образом входит человек в сферу влияния Луны.

Я и тут уже указывал на то, что с помощью имажинативного созерцания можно проследить жизнь человека за вратами смерти, и что действительно в духовном предстает то, что остается от человека после того, как он слагает с себя физическое тело, передав его элементам Земли. После того, как он увидел свое эфирное тело воспринятым эфирной средой, которая связана с нашей Землей, у человека остается духовно-душевное, «Я», астральное тело и то, что затем присоединяется к «Я» и астральному телу. Но когда человек рассматривает в имажинативном созерцании то, что здесь прошло через врата смерти, то оно все же предстает в определенном облике. Это суть тот образ, который физическая материя, которую несет в себе человек, приводит к собственной форме. Эта форма в отношении физической телесности является только тенью; однако в отношении душевного ощущения и восприятия она производит сильное, интенсивное впечатление. Потускневшей предстает в этом образе для душевного восприятия голова человека; сильным же является остальное, — что постепенно при прохождении через жизнь между смертью и новым рождением,

пр⁰⁰¹вращается в голову следующей инкарнации. Однако, одно можно сказать об этой форме, которую можно увидеть в имажинативном созерцании, после того, как человек прошел через врата смерти: она несет определенное физиономическое выражение. Она, нек⁰⁰¹формым образом, является верным отображением того рода и спод⁰⁰¹а, каким человек здесь, в физической земной жизни, выступал как добрый или злой. Тут, в физической земной жизни, человек может скрывать, действует ли в его душе злое или доброе. После смерти он уже не может этого скрывать. Когда смотрят на духо⁰⁰¹ный образ, оставшийся после смерти, видят это физиономическое выражение того, чем был человек на Земле.

Тот, кто пронесет через врата смерти морально злое связа⁰⁰¹ым со своей душой, тот несет физиономическое выражение, к⁰⁰¹рое, если можно так выразиться, делает его внешне похожим на ариманические образы. И в первое, время после смерти дело обстоит исключительно таким образом, что все ощущения и вс⁰⁰¹приятия человека связаны с тем, что может человек отображать, копировать в себе. Если человек сам в себе несет физиономию Аримана, так как пронес через врата морально злое в своей душе, то он может отображать, копировать только то, что похоже на Аримана; и в известной степени он является душевно слепым в отношении тех человеческих душ, которые прошли через врата смерти с добрым настроением, с благим моральным настроением. Это является суровейшим судом, в который вводится человек после прохождения через врата смерти, что будучи злым, он может видеть только себе подобных, ибо он может отображать только то, что может быть физиономией такого же злого человека.

И вот, пройдя через врата смерти, человек приходит в область Луны. Тогда тот, кто пронесет злое через врата смерти, попадает в окружение сверхчувственных, сверхфизических существ, которые схожи с ним физиономически, следовательно, в окружение арим⁰⁰¹ических существ. Это прохождение некоторых людей через ар⁰⁰¹манический мир имеет совершенно определенное значение для всей взаимосвязи мирового свершения. И мы поймем, что же тут, с⁰⁰¹ственно, происходит, если постигают подлинный смысл обитания древних мудрых учителей в Лунной колонии Космоса.

Видите ли, кроме существ высших Иерархий, которых мы обычно обозначаем именами Ангелов, Архангелов и так далее, со всем мировым развитием связаны и те существа, которые входят в ариманическое и люциферическое царства; эти существа также действуют во всей мировой связи, как и те, которые развивались нормально. Люциферические существа действуют постоянно т⁰⁰¹ким образом, чтобы то, что несет в себе тенденцию приблизиться к физической материальности, отвести от проникновения в физ⁰⁰¹ескую материальность. В области человека люциферические с⁰⁰¹ества действуют таким образом, что они используют всякую возможность увести человека от его физической телесности. Лю⁰⁰¹иферические существа стремятся превратить человека в чисто духовно-душевно-эфирное существо. Ариманические же существа стремятся изъять из человека все, что ведет его к душевно-духо⁰⁰¹ому, которое должно развиваться в человеческой сфере. Они хотели бы подчеловеческое, то, что лежит во влечениях, инсти⁰⁰¹гах и т. д., то, что выражает себя в телесности, превратить в духовное. Одухотворить человека — это является стремлением как люциферических, так и ариманических существ. Только лю⁰⁰¹иферические существа стремятся выделить духовно-душевное из человека так, чтобы человек уже больше не заботился о своих земных воплощениях, а захотел бы жить лишь как духовно-⁰⁰¹евное существо. Ариманических же существ совершенно не з⁰⁰¹имает духовно-душевное в человеке, но то, что ему дано как оболочка, как одеяние, как орудие в физическом и эфирном — это хотели бы они высвободить и внести в свой мир.

Так стоит человек, с одной стороны, перед существами но⁰⁰¹мально развитых Иерархий, а с другой стороны, он стоит, будучи вотканым во

всеобщее бытие, также и перед люциферическими и ариманическими образами.

И дело здесь заключается в том, что каждый раз, когда люциферические существа делают усилие, чтобы приблизиться к человеку, то это связано с тем, что человек должен становиться чуждым и далеким для Земли; напротив, когда ариманические существа стремятся овладеть человеком, то они стремятся, сделать его все более и более земным, несмотря на то, что они стремятся Землю в плотных духовных субстанциях и с плотными духовными силами также одухотворить.

Рассуждая о духовных явлениях, приходится пользоваться такими выражениями, которые, может быть, выглядят гротескно относительно этих духовных явлений. Но мы ведь должны пользоваться, прежде всего, человеческой речью. И поэтому уж позвольте, дорогие друзья, для того, что свершается в чисто духовном, пользоваться обычными человеческими словами. Вы ведь поймете меня. Возведите то, что я выражаю таким способом, в духовное.

Как раз те существа, которые некогда в начале земного существования, как великие учителя принесли людям древнюю мудрость, перешли на Луну с тем, чтобы, насколько это возможно в их области, привести люциферическое и ариманическое в правильное отношение к человеческой жизни. Для чего было это нужно? Почему такие высокие существа, какими были древние учителя, должны были избрать такую деятельность, переселившись из земной сферы, в которой они действовали одно время, на внеземную Луну, чтобы, насколько это возможно, привести люциферическое и ариманическое в правильное отношение к человеку?

Видите ли, когда человек, как духовно-душевное существо, нисходит из до-земного бытия в земное, то он проходит тот путь, который я описал в курсе о «Космологии, религии и философии». Он имеет определенное духовно-душевное бытие; это он связывает с тем, что ему дается чисто наследственной линией через отца и мать с физическим эмбриональным бытием. И то и другое — физически-эмбриональное и духовное — проникают друг друга, соединяются друг с другом, и таким путем человек входит в земное бытие. Но в том, что лежит в линии наследственности, что переходит от предков к наследникам через наследственные признаки — в этом содержится то, что является для ариманических существ уязвимым местом, через которое они могут проникнуть в человеческую природу. В силах наследственности лежат ариманические силы. И, в следствии того, что человек несет в себе многое из этих наследственных импульсов, он имеет такую телесность, которую «Я» не может хорошо охватить. В этом именно и состоит тайна некоторых человеческих существ, что они несут в себе слишком много из наследственных импульсов. Сегодня это называют «дурной наследственностью». Следствием этого является то, что «Я» не может полностью проникнуть в телесность, не может преисполнить собой отдельные органы телесности, и тело, до некоторой степени, развивает собственную деятельность наряду с импульсивностью «Я», которая должна, собственно, преисполнять эту телесность. Так что ариманическими силами, которые стараются вложить как можно больше в наследственность, удается достичь того, что «Я» становится слабо соединенным с человеческой сущностью. В этом состоит одна сторона вопроса.

Но человек ведь подлжит также приспособлению к внешним условиям. Подумайте о том, как сильно человек подвержен приспособлению к внешним условиям, когда вы наблюдаете, какое воздействие могут иметь на человека климат и географические условия. Это влияние чисто природного окружения имеет чрезвычайно большое значение для человека. Были даже такие времена, когда это влияние природного окружения использовалось особым образом под руководством мудрых водителей человечества.

Например, когда мы обращаем взор на нечто замечательное в древней

Греции, на отличие спартанцев от афинян, то мы должны сказать: это различие между спартанцами и афинянами, которое в наших обычных книгах по истории изображается в очень поверхностном виде, основывается на том, что исходит из мероприятий древних Мистерий, которые различно влияли на спартанцев и афинян.

В Греции очень большое внимание уделялось гимнастике. Гимнастика была главным в воспитании ребенка, ибо окольно, именно через телесность, направляемую и руководимую определенным образом, действовали как раз в греческом роде на духовно-душевное. Но по-разному происходило это у спартанцев и афинян. Спартанцы, в первую очередь, заботились о том, чтобы посредством гимнастических упражнений так развивать мальчиков, чтобы то, что внутренне действует в теле, всецело вырабатывалось только через само тело. Поэтому спартанский мальчик привыкался делать свои упражнения независимо от погоды.

Иначе было это у афинян. Афиняне обращали очень больше внимание на то, чтобы гимнастические упражнения приспособить к погодным условиям; они обращали большое внимание на то, чтобы мальчик, выполняющий свои гимнастические упражнения, соответствующим образом подвергался воздействию солнечного света. Для спартанцев же было безразлично, проводились ли упражнения в дождь или при солнечной погоде. Афиняне требовали, чтобы имело место возбуждающее влияние, особенно возбуждающее влияние Солнца.

Спартанский мальчик подготавливался так, что его кожа становилась толстой, чтобы все, что развивалось в нем, исходило из внутренней телесности. У афинского же мальчика кожа не обрабатывалась песком и маслом, а подвергалась воздействию Солнца.

Таким путем в афинского мальчика переходило то, что может войти в человека извне, от солнечного воздействия. Афинский мальчик побуждался к тому, чтобы стать разговорчивым, он был побуждаем выражать себя в прекрасных словах. Спартанский мальчик вынуждался с помощью втирания всевозможных масел и даже путем обработки кожи песком и маслом, все развивать в себе, развивать независимо от внешней природы. Таким путем спартанский мальчик был побуждаем направить вовнутрь все, что может развить человеческая природа, и не выявлять это наружу.

Поэтому он не был так разговорчив, как афинский мальчик; поэтому он приводился к тому, чтобы быть скупым на слова, мало говорить, быть молчаливым. Когда же он говорил что-нибудь, то это должно было быть значительным, должно было иметь содержание. Спартанские выражения были известны своей содержательностью, афинские — красотой формы. Это было связано с приспособлением человека к окружению посредством соответствующих воспитательных систем.

Это вы можете увидеть вообще из того отношения, которое устанавливается между человеком и его окружением. Люди юга, которые испытывают то, чем является внешнее воздействие Солнца, становятся богатыми жестикуляцией, становятся разговорчивыми; у них развивается речь, обладающая благозвучием, поэтому что в своем тепловом развитии они связаны с внешним тепловым развитием.

Люди севера развиваются таким образом, что они становятся неразговорчивыми, ибо вынуждены сохранять в себе внутреннее телесное тепло в качестве импульсов. Посмотрите на людей севера. Они известны своей молчаливостью; они сидят целые вечера вместе и при этом не испытывают потребности произносить много слов. Один спрашивает, другой отвечает ему «да» или «нет» через два часа или на следующий вечер. Это всецело связано с тем, что люди севера вынуждены иметь в себе более сильные внутренние импульсы для выработки теплового в себе, ибо тепловое не притекает к ним извне.

Это и есть то, что можно назвать приспособлением человека к внешним

условиям уже в природном. Посмотрите, как действует все это в воспитании, в остальной духовно-душевной жизни. И точно так же ариманические существа имеют существенное влияние на то, что лежит в наследственности, таким же образом люциферические существа имеют существенное влияние на то, что является приспособлением.

Они могут проникать к человеку, когда человек устанавливает свое отношение к внешнему миру. Они втягивают, вплетают человеческое «Я» во внешний мир. Но таким путем они часто приводят это «Я» в заблуждение относительно Кармы.

Следовательно, как ариманические существа вводят человека в заблуждение, относительно взаимоотношения «Я» с физическими импульсами, так и люциферические существа вводят его в заблуждение относительно его Кармы. Ибо то, что приходит здесь из внешнего мира, совсем не всегда лежит в Карме, но должно быть сначала введено в Карму через разные нити к связи, чтобы только в будущем могло содержаться в Карме.

Так интимно связаны с человеческой жизнью ариманическое и люциферическое. Это должно стать упорядоченным; оно должно упорядочиться в общем развитии человека. Поэтому и стало нужным, чтобы эти древние мудрые учителя человечества с Земли, на которой они не могли совершать это упорядочивание — ибо оно не может быть сделано во время земной жизни человека, а вне земной жизни человек уже не находится на Земле, — поэт и возникла необходимость, чтобы эти древние мудрые учителя отошли от Земли и продолжали свое бытие на Луне. Ибо теперь, после перемещения на Луну, — и тут я прихожу к необходимости употреблять человеческую речь для того, что, собственно, хотелось бы одеть в иные словесные выражения, — теперь эти существа, эти древние мудрые учителя приходят к тому, чтобы во время своего лунного бытия искать соглашения с ариманическими и люциферическими силами. Особенно вредно было бы для человека, вступление ариманических сил в его бытие после смерти, когда эти ариманические силы действительно могли бы иметь на него влияние. Ибо, видите ли, когда человек проходит через врата смерти и в своей душе несет последствие чего-либо злого, то он попадает — как я вам уже говорил — всецело в ариманическое окружение, даже в ариманические воззрения. Он сам имеет ариманическую физиономию (Он обладает способностью восприятия только тех человеческих чувств, которые также несут в себе ариманическую физиономию.). Это должно оставаться одним лишь душевным переживанием человека. Если бы тут мог вмешаться Ариман, если бы он мог повлиять на астральное тело, то это стало бы некой силой, которую Ариман смог бы здесь и пульсировать в человеке, которая не только не стала бы постепенно выравниваться кармически, но которая бы совершенно близко сроднила человека с Землей, которая привела бы человека в слишком тесную связь с земным. К этому и стремятся ариманические силы. Они хотят проникнуть в те человеческие существа, которые проносят через врата смерти злые импульсы, когда человек еще имеет сходство с земным образом. Они хотели бы пронизать эти образы своими силами, стянуть возможно больше подобных существ к земному бытию и основать таким образом так называемое ариманическое земное человечество.

Поэтому прадревние мудрые учителя человечества, нынешние жители Луны, установили соглашение с ариманическими силами, которое было принято ариманическими силами по причинам, которые я объясню позднее, соглашение о том, что они отдадут человеческую жизнь влиянию в полном смысле этого слова, насколько это только возможно, ариманических сил до сошествия человека в земное бытие. Когда таким образом человек, при сошествии к земному бытию проходит сферу Луны, тогда, по соглашению между древними учителями человечества и ариманическими силами, эти силы могут иметь определенное влияние на человека. И это влияние

выражается в том, что стала возможна наследственность. Зато после того, как область наследственности была в определенной мере предоставлена им стараниями древних учителей человечества, ариманические существа отказываются от того, что в человеческом развитии живет после смерти.

И напротив, было установлено соглашение с люциферическими существами, что они могут иметь влияние на человека после того, как он пройдет врата смерти, а не до сошествия к земному бытию.

Таким образом были упорядочены внеземные влияния ариманического и люциферического древними мудрыми учителями человечества. Но мы ведь уже видели, и достаточно только задуматься над этим, чтобы стало очевидным: тут человек подводит к природе. Через то, что ариманические силы могут влиять на него перед сошествием на Землю, человек подвергается воздействию импульсов наследственности. А через то, что люциферические силы могут влиять на него, человек подвергается воздействию импульсов, которые лежат в физическом окружении, в климате и т. д., а также импульсов, лежащих в духовно-душевно-социальном окружении посредством воспитания, жизни и т. д. Итак, человек входит в определенные отношения со своим природным окружением и в этом природном окружении может действовать ариманическое и люциферическое.

Теперь я бы хотел поговорить с совсем другой точки зрения о бытии этих ариманических и люциферических существ опять-таки в природном окружении. При рассмотрении проблемы Мухаэля я уже указывал на эти вещи. Теперь я хочу еще более уточнить их. Представьте себе то изменение в окружающей нас природе, которое наступает, когда мы можем стоять перед поднимающимся туманом. Водные испарения Земли поднимаются вверх. Мы, пожалуй, даже живем в атмосфере, наполненной этим восхождением водных испарений Земли. Тот, кто в этом восхождении водных испарений Земли приведен к духовному видению, открывает, что в явлениях природы может жить нечто, несущее вверх, несущее ввысь земное в центробежном направлении.

Видите ли, недаром человек становится слегка меланхолическим, живя в тумане, ибо есть нечто в переживании туманного, что отягощает нашу волю. Мы переживаем отягощение воли в туманообразном.

А теперь, наряду с другими упражнениями, можно так обрывать свои имажинации, чтобы отягощать свою волю, исходя из себя самого. Это достигается посредством упражнений, которые состоят в том, что через внутреннюю концентрацию на определенных телесных органах, а именно на мышцах, вызывают некий род внутреннего мышечного чувства, мышечного ощущения. Отягощая таким образом волю посредством внутреннего мышечного чувства — чувство мышц, которое человек имеет во время ходьбы, представляет собой нечто совсем иное, чем напряжение мышц путем концентрации — когда это становится постоянным Упражнением, когда это делается так же, как и другие упражнения, описанные мной в книге «Как достигнуть познания высших миров?» — тогда отягощают волю через свою собственную деятельность. И тогда достигают видения того, что содежится в поднимающемся тумане, что делает человека мрачным и Меланхолическим, и тогда становятся видящими — духовно-душевно-видящими — живущих в поднимающемся тумане определенных ариманических духов. Так что на основе духовного познания можно сказать, в поднимающемся тумане ариманические духи поднимаются с земли в мировое пространство, расширяя таким путем свое бытие в отношении земного.

Опять же, это есть нечто другое, когда — и для этого именно здесь возле Гетеанума имеется много прекрасных возможностей — утром или вечером обращают взор вдаль и видят вдали облака, а над этими облаками находящийся там солнечный свет. Несколько дней тому назад, в поздние послеобеденные часы вы могли видеть, как прямо-таки багровое солнечное

золото воплощалось в тучи и вызывало различнейшие облики совершенно удивительным образом. Это был тот самый вечер, когда Луна сияла особо интенсивным светом. Но и в другие дни вы можете видеть тучи и лежащее над тучами сияние в чудесной сияющей игре красок. И, конечно, это можно наблюдать повсюду, — я просто указываю на то, что можно было увидеть именно здесь.

В том, что в атмосфере, как световое сияние, ложится на тучи, живут люциферические духи, как в поднимающемся тумане живут ариманические духи. И для того, кто может правильным образом, сознательно с помощью имажинации созерцать это, так что, если это ему удастся, может следовать обычным мышлением за образами и красками изменяющихся туч, когда он дает своим мыслям, вместо того, чтобы иметь четкие очертания, возможность метаморфизироваться, меняться, когда сами мысли становятся то узкими, то широкими, когда они следуют за образами туч, когда они воспроизводят образы и цвета тучевых образований, тогда человек действительно начинает смотреть на эту цветовую игру над тучами, особенно в утреннем и вечернем небе, как на красочное море, в котором движутся люциферические образы. И когда поднимающийся туман вызывает в человеке меланхолическое настроение, тогда дело обстоит таким образом, что его мысли, а тем самым и его душа, учатся в некоторой степени дышать в сверхчеловеческой свободе при виде этого люциферически струящегося светового моря. Это является особым отношением к окружению, в которое может вступить человек, ибо тут он действительно может подняться к чувству, что его мышление подобно дыханию в свете.

Человек ощущает мышление как дыхание, но как дыхание в свете. И именно тогда, когда вы захотите проделать это, вы лучше поймете то место в моих Драмах-Мистериях, где говорится о существах, которым дозволено дышать светом. Человек может получить предчувствие того, чем являются эти существа — как дышащие светом, — когда он проделает то, что я описал тут.

рис

Так приходим мы к пониманию того, каким образом вчленились ариманическое и люциферическое в явления внешней природы. И, обозревая явления наследственности и приспособления в человеческом существе, мы видим, что в них человек приближается к природе свое духовно-душевное существо. Наблюдая такие природные явления, как вздымающийся туман и тучи, покрываемые потоком света, мы видим, как связывают себя ариманические и люциферические силы с природными. Но приближение человеческого духовно-душевного к наследственности и приспособлению в природе — как я вам показывал сегодня — является лишь одним подходом к люциферическому и ариманическому. И таким образом наблюдая природное в человеке, мы находим в нем люциферическое и ариманическое, а также те природные явления, которые несут в себе то, что совершенно не занимает физику: опять-таки люциферическое и ариманическое. И, как видите, тут находится тот пункт, через который мы можем быть выведены к выходящему за пределы земного бытия действию природного на человека.

Твердо запомним сегодня следующее: мы находим Аримана и Люцифера в человеческой наследственности и человеческом приспособлении. Мы находим Аримана и Люцифера во вздымающемся тумане и в свете, струящемся на тучи и задерживаемом ими. И мы находим в человеке стремление создать равновесие, ритм между наследственностью и приспособлением. Но и во внешней природе находим мы стремление создать ритм между двумя силами, которые я обозначил как ариманическое и люциферическое в природном.

Если вы проследите весь путь природного во внешнем, то перед вами откроется удивительное зрелище. Проследите за поднимающимся туманом, проследите в нем то, как ариманические духи устремляются наружу в этом

поднимающемся тумане в мировые дали. В тот момент, когда поднимающийся туман там наверху образует тучу, они вынуждены отказаться от своего намерения и возвратиться назад на Землю. В туче находит свое завершение самонадеянное устремление вверх Аримана. В облаках прекращается туманообразное и, вместе с тем, родная среда Аримана в туманообразном. В облаках же начинается возможность для светлогообразного расположиться сверху над облаками: Люцифер, расположенный над облаками.

Охватите это во всем его полном значении. Охватите поднимающийся туман с бледно-желтыми ариманическими фигурами, закругляющийся в облака, а в том, что образуется в качестве светового потока над облаками — стремящихся вниз люциферических существ: тогда вы вписали в природу ариманическое и люциферическое.

И тогда вы поймете, что во времена, когда еще ощущали то, что лежит по ту сторону Порога, что действительно ткет и живет в светящемся облаке, что живет и действует в сгущающемся тумане, в те времена художники, например, находились в совершенно другом положении, чем в последующие времена. Тогда и то, что они знали как духовное, несло им цвет так, чтобы этот цвет ложился на соответствующее место на полотне. Поэт, сознавая, что в нем говорит божественное, духовное, мог изречь: «Гнев, о Богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына», или: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который странствуя долго...»; так начинаются поэмы Гомера. Впоследствии, когда уже не было живо сознание божественно-духовного, Клопшток поставил на это место следующее: «Пой, бессмертная душа, об освобождении грешного человека»; я не раз уже говорил об этом.

Подобно тому, как говорил поэт древности — он был в состоянии одеть это в слова и этим начать свои творения, так и художники времен Леонардо и Рафаэля могли сказать, ощущая таким же образом: «Рисуй мне, о Муза, рисуй мне, о божественная сила, води моей рукой, вложи мне душу в руки с тем, чтобы ты могла водить кистью в моей руке.

Действительно, дело заключается в том, чтобы постичь эту связанность человека с духовным во всех жизненных положениях, и в особенности — в важных жизненных положениях.

Следовательно, мы твердо запомним, что, с одной стороны, в наследственности и приспособлении мы приближаем человеческое к ариманическому и люциферическому, а с другой стороны, и в созерцании природы мы можем подвести люциферическое и ариманическое ко внешней природе. Завтра мы продолжим дальше наши рассуждения, исходя из этой точки зрения.

Третья лекция
25 ноября 1923 г.

Врастание во внутрь природы через представление и волю

Я говорил вам о том, как человек в своей жизни подвластен тому, что обычно с точки зрения естествознания называют наследственностью. Затем я говорил о том, как человек подвержен воздействию внешнего мира, приспособлению к внешнему миру, и как то, что заключено в наследственности, связано с ариманическим, а то, что является в широком смысле приспособлением к внешнему миру — с люциферическим. Я рассказал вам и о том, как во Вселенной, т. е. внутри духовных существ, пребывающих в основе Вселенной, позаботились о том, чтобы люциферическое и ариманическое могло правильно включиться в человеческую жизнь. Прибавим сегодня к тому, что уже говорилось вчера, еще некоторые рассуждения; при этом мы еще раз обратимся к сказанному позавчера.

Мы размышляли над тем, каким образом воспоминание, все то, что связано с памятью, формирует человека внутренне, душевно. Как душевные существа, мы ведь, в гораздо более сильной степени, чем думаем, созданы нашими воспоминаниями. Тот род и способ, каким наши переживания

превратились в воспоминания, и формирует, собственно, нашу душу; в большей степени, чем думают, человек является результатом жизни воспоминаний. И кто может проводить самонаблюдение настолько далеко, что может войти в жизнь воспоминаний, тот увидит, какую больше роль играют во всей земной жизни именно детские впечатления. Тот род и способ, каким мы провели именно то детство, которое затем не играет никакой роли в сознательной жизни время, когда мы учились говорить, ходить, когда у нас появились первые унаследованные зубы, впечатления, воспринятые во время всех этих моментов развития, играют большую роль в душевной жизни человека в течение всей его земной жизни. И кое-что из того, что я бы, так сказать, подчеркнул характерологически, внутренне поднимается к мыслям, связанным с воспоминаниями, — а ведь все то, что из внешних впечатлений мы не охватываем нашими мыслями, также связано с воспоминаниями — все, что таким образом вздымается, затрагивает нас внутренней радостью или внутренней болью — это обычно легкие оттенки радости или боли, которые сопутствуют свободно поднимающимся мыслям — всё то, что заключено в нас из жизни воспоминаний, наше астральное тело выносит с собой, когда мы переходим в состояние сна. И когда человека, как душевно-духовное существо, наблюдают с имажинативным видением во время сна, то видят следы, позволяющие сказать: если представить себе человеческую кожу схематически и представить, что в пределах человеческой кожи во время сна остаются эфирное и физическое тело, а снаружи ближе всего находится астральное тело — «Я» пририсую я позже — и его наблюдают, противопоставляя ему себя, то видят, что астральное тело, собственно, состоит из воспоминаний. Тогда видят, что эти воспоминания, живущие вне человека в астральном теле, как бы перемешиваются в друг друга. Переживания, которые во времени и пространстве лежат далеко друг от друга, объединяются; из одних переживаний что-то выделяется, так что вся жизнь воспоминаний совершенно изменяется во время сна. И когда затем человек видит сны, то видит он их именно потому, что эта преображенная жизнь воспоминаний выступает перед его сознанием. И именно по свойствам сновидения можно воспринять, внутренне воспринять то смешивание, которое может наблюдать извне имажинативное ясновидение.

Однако при этом происходит еще и нечто другое. То, что тут фигурирует в качестве воспоминаний от засыпания до пробуждения, что следовательно составляет основное содержание человеческой астральной душевной жизни — это соединяется во время сна с силами, стоящими за явлениями природы. Так что можно сказать: все то, что живет в воспоминаниях как астральное тело, соединяется с силами, которые стоят за минералами, собственно находятся внутри минералов, внутри растений, за облачными явлениями и т. д.

Кто прозревает этот факт, тому ужасно слышать, когда люди говорят: За явлениями природы стоят материальные атомы. Конечно, не с этими материальными атомами соединяются наши воспоминания во время сна, но с тем, что действительно стоит за явлениями природы, с духовно-деятельными силами соединяются наши воспоминания, когда мы спим; там покоятся нашей воспоминания во время сна.

Так что мы действительно можем сказать: Во время сна наша душа погружается со своими воспоминаниями во внутреннее природу. И вы не скажете нечто неистинное, недействительное, мои милые друзья, если выразитесь следующим образом: Когда я засыпаю, я передаю мои воспоминания силам, которые духовно господствуют в кристаллах, в растениях, во всех явлениях природы.

Да, вы можете гулять, смотреть на растущие по краям дороги желтые, голубые цветы, на зеленую траву, блестящие многообещающие колосья, и говорить: Когда я днем вот так прохожу мимо вас, я вижу вас снаружи; когда же я засну, я погружу мои воспоминания в вашу собственную духовную

внутренность. Вы воспринимаете то, что в течение жизни я превратил из моих переживаний в воспоминания, вы воспринимаете эти воспоминания, когда я сплю. И все же наверно прекраснейшим ощущением природы будет то, когда мы к розовому кусту будем иметь не только внешнее отношение, но говорить себе: Я особенно люблю розовый куст потому, что розовый куст имеет особенность — пространство при этом не играет никакой роли, роза может находиться и очень далеко, мы все равно находим дорогу к ней во время сна, с розовый куст имеет особое свойство воспринимать именно наши первые детские воспоминания. Люди любят розу потому — только они ничего не знают об этом, — что розы воспринимают самые первые детские воспоминания.

Когда мы были детьми, другие люди относились к нам с любовью; они часто вызывали у нас улыбку. Мы это забыли. Однако, мы носим это в нашем душевном настроении. И розовый куст воспринимает воспоминание, нами самими уже забытое, во время ночного сна в свое собственное внутреннее. Человек в большей мере, чем он думает, связан с внешним природным миром, т. е. с духом, господствующем во внешнем природном мире. И по отношению к человеческому сну это воспоминание о первых детских годах имеет особое значение еще и потому, что во время сна из детских лет до смены зубов, примерно до седьмого года, воспринимается только душевное. Мы действительно таковы, что в нас как в людях, духовное, внутреннее природы из нашего детства, по существу, воспринимает только душевное. Это, конечно, имеет значение и для другого: то душевное, которое мы развили во время раннего детства, когда мы; например, бывали жестоки — это тоже сидит в нас; это однако воспринимает в себя противополож. Конечно, все это говорится в виде сравнения. Однако, это указывает на чрезвычайно значительную реальность. То, что ребенком не воспринимается во внутреннем природы, это мы помним теперь из следующего.

Видите ли, в течение первых семи лет вся телесность является унаследованной. Все первые зубы унаследованны, ибо вообще все материальное, которое мы содержим в себе в течение первых семи лет, в своей существенной части является унаследованным. Однако, примерно через каждые семь лет вся материальная сущность выталкивается, отпадает, образуется заново. Человек остается как форма, как духовный образ. Свое материальное он выталкивает; с семи до восьми лет исчезает все, что находилось тут до семи-восьми лет. И дело обстоит так, что к девяти годам мы имеем всего нашего человека совершенно обновленным. Затем мы образуем нашего человека в соответствии с внешними впечатлениями.

И действительно, именно для ребенка в течение первых периодов жизни имеет особое значение, чтобы он попал в такое положение, чтобы свое новое тело — уже не унаследованное, а образванное изнутри, — он мог образовать из хороших впечатлений окружения, в соответствии с правильным приспособлением. Тогда как то тело, которое ребенок имеет, вступая в мир, зависит от того, даны ли ему унаследованные импульсы более лучшим или более худшим образом, более же позднее тело, которое он носит с седьмого до четырнадцатого года, чрезвычайно сильно зависит от впечатлений, воспринимаемых ребенком из своего окружения. Через каждые семь лет мы заново образуем наше тело.

Да, но видите ли, это «Я» творит тут. Хотя «Я» еще и не родилось для внешнего мира в ребенке семи лет — ведь оно рождается позже — и все же оно действует, ибо оно природно связано с телом и именно «Я» является тут строителем. И оно созидает то, о чем я говорил, оно образует то, что затем выступает в человеке как физиономия и жест, как внешнее материальное выражение душевно-духовного. Ведь вообще дело обстоит так, что тот человек, который принимает живое участие в мире, который интересуется многим и то, в чем он принимает живое участие, перерабатывает с внутренней живостью, такой человек в своем внешнем выражении лица, в

своих жестах сна выявляет материально то, что он воспринял с интересом, что он с интересом перерабатывает внутренне. У человека, который с живым интересом относится к внешнему миру, который активно перерабатывает внутренне этот свой интерес к внешнему миру, у такого человека в последующем периоде жизни в каждой морщине можно увидеть, как он образовал их сам; и много можно прочесть при этом, ибо в жесте, в физиономии, в выражении лица проявляется «Я». У такого человека, который равномерно или безо всякого интереса проходит через внешний мир, на всю жизнь остается одно и то же выражение лица. В физиономии и жесте не отпечатлеваются более тонкие переживания. На одних лицах можно прочесть целую биографию, на Других же нельзя прочесть ничего кроме того, что этот человек когда-то был ребенком, что само по себе не представляет собой ничего особенного.

Однако, то, что через каждые семь-восемь лет человек посредством материального обмена из своей формы вырабатывает свою внешность, имеет исключительно большое значение. Это означает очень многое — эта работа человека над своей внешностью, над физиономией и жестом: это опять-таки то, что спящий человек вносит во внутреннее природы.

И опять-таки, когда с помощью имагинативного ясновидения смотрят на человека, наблюдая теперь уже его «Я», которое находится сияющим снаружи, то видят это «Я», собственно, состоящий из физиономии и жеста. И именно у тех людей, которые в состоянии внести многое из своего внутреннего в свое выражение лица или в свой жест, имеется блестящее сияющее «Я». И эта выработка жеста, физиономии, опять-таки, связывается с определенными силами, во внутреннем природы. И дело обстоит таким образом, что если мы часто были в жизни в состоянии быть приветливыми, дружескими, тогда природа склонна, поскольку приветливость превратилась в выражение лица, воспринимать ее во время нашего сна в свою сущность. Наши воспоминания она воспринимает в свои силы, наши жесты — в свою сущность, в саму сущность природы. Человек находится в такой внутренней связи с внешней природой, что для внешней природы имеет чрезвычайно большое значение то, что переживает он душевно внутри себя как воспоминания, как выражает он свое внутреннее душевное в жесте, в физиономии. Ибо это продолжает жить во внутреннем природы.

Видите ли, я часто абстрактно приводил изречение Гете, которое, собственно, является критикой одного выражения Галлера. Галлер отчеканил слова: «Во внутреннее природы не проникнет никакой сотворенный дух. Блажен, кому она показывает хотя бы внешнюю скорлупу». Гете отвечает на это: О, ты, филистер! Везде и всюду находимся мы внутри. Нет внутри и нет снаружи; что есть внутри, то есть и снаружи, что есть вовне, то есть и внутри. Спроси ты лучше себя, кто ты сам: ядро или скорлупа. Гете говорил, что он слышит это выражение Галлера уже в течение шестидесяти лет и проклинает его, но украдкой; ибо Гете чувствовал — конечно, он еще не знал духовной науки, — но он чувствовал: когда кто-либо, в ком он мог видеть лишь филистера, говорил:

«Во внутреннее природы...

не проникнет никакой сотворенный дух»,

то такому филистеру ничего не известно о том, что человек по той простой причине, что он является существом воспоминания и существом жеста и физиономии — постоянно проникает внутрь природы. Мы не являемся существами, всего лишь стоящими перед воротами природы и тщетно стучащими в них. Именно тем, что является наиболее внутренним в нас, мы находимся и теснейшей связи с внутренним природы. Но поскольку до седьмого года человек имеет полностью унаследованное тело, то ничего из «Я», из жеста и физиономии не переходит во внутреннее природы. Только со сменой зубов начинаем мы проникать в сущностное природы. Поэтому только после смены зубов созреваем мы для того, чтобы думать о чем-либо

природном. До тех пор в ребенке поднимаются только произвольные мысли, которые с природой имеют мало общего, которые особенно очаровательны именно тем, что мало общего имеют с природой. Ближе всего мы подходим к ребенку тогда, когда сочиняем вместе с ребенком, когда превращаем звезды в глаза неба и т. п., когда вещи, о которых мы говорим с детьми, стоят как можно дальше от внешней физической действительности.

Только после смены зубов вырастает ребенок постепенно в природу, так что его мысли понемногу могут совпадать с мыслями природы; и, по существу, вся жизнь от семи до четырнадцати лет состоит в том, что ребенок вырастает в природу; ибо, кроме воспоминаний своей души, он теперь вносит в природу свой жест, свою физиономию. И затем это проходит через всю его жизнь. Как отдельные человеческие индивидуальности, для внутреннего природы мы рождаемся только со сменой зубов.

Поэтому с таким удовольствием слушают те существа, которых я охарактеризовал вам как элементарных существ — гномы и ундины, — когда человек рассказывает им о детской жизни до семи лет. Ибо для этих существ природы человек рождается со сменой зубов. Это необычайно интересное явление. До этого человек для гномов и ундин является потусторонним существом. И поэтому для них является несколько загадочным, каким это образом человек появляется уже в довольно законченном виде. И для педагогической и воспитательной фантазии было бы чрезвычайно оживляющим, если бы человек через приятие духовного знания и вправду смог бы перенестись в душу духов природы, чтобы воспринять их взгляды взамен того, что он может рассказать им о детях. Ибо таким путем создается прекрасная сказочная фантазия. И сказки старых времен потому и являются столь удивительно конкретными, содержательными, что сказочники могли разговаривать с гномами и ундинами, а не просто слушать их. Эти духи природы иногда очень эгоистичны. Они становятся молчаливыми, когда им не рассказывают что-нибудь, что составляет предмет их любопытства. И лучшим рассказом для них является то, когда им рассказывают о проделках малышей. Тогда узнают многое и от них, что может перейти в настроение сказки. Да, именно для практической духовной жизни может оказаться невероятно значительным то, что кажется человеку сегодня совершенно фантастическим. Но дело обстоит так, что диалог с духовными природными существами посредством условий, описанных мной, может действительно стать чрезвычайно поучительным для обеих сторон.

Однако, с другой стороны, то, о чем я рассказал, конечно, действует в некотором смысле пугающе, ибо человек во время сна все время создает отпечатки своего внутреннего существа. За явлениями природы, за цветами в поле, вплоть до эфирного мира находятся отражения наших хороших и ничемных воспоминаний. Земля повсюду так и кишит тем, что живет в человеческих душах. И в реальной действительности человеческая жизнь чрезвычайно сильно связана с такими вещами.

Итак, прежде всего мы находим духов природы в качестве существ, в которых мы проникаем с миром наших жестов. Одно, мы находим и мир Ангелов, Архангелов, Архаев. Мы вырастаем также и в это, мы погружаемся в него. Мы погружаемся в деяния ангельского мира посредством наших воспоминаний. Мы погружаемся в сущностное ангельского мира нашим, нами самими отпечатанным, физиономическим и жесткообразным. И это вживание во сне таково, что мы можем сказать: Когда мы переносим нашу жизнь в природу, то это вживание в природу предстает нам так: вот тут кожа нашего тела (это рисуется); чем дальше мы выходим за ее пределы, тем больше мы вступаем в области Ангелов, Архангелов и Архаев, по радиальным направлениям. Тут мы вступаем в третью Иерархию. И тогда мы, спящие, погружаемся с нашими воспоминаниями и нашими жестами как бы в текучее море реющих сущностей Ангелов, Архангелов и Архаев, когда мы ныряем в него, тогда с одной стороны приходит течение духовных сущностей

(см. рис.). Это вторая Иерархия: Господство, Силы, Власти. И если мы захотим привести это в созвучие с тем, что внешне находится в мире, то скажем, что это течение идет так, что движение Солнца с Востока на Запад выражает для нас тот путь, на котором вторая Иерархия перекрещивается с третьей.. Третья Иерархия — Ангелы, Архангелы, Архаи — как бы парит вверх-вниз, передавая снизу вверх «золотые ведра». В этой картине вторая Иерархия идет как бы вместе с Солнцем с Востока на Запад — теперь это не кажущееся движение, ибо тут не имеет силы коперниканское мировоззрение, а действительно с Востока на Запад идет течение, которое Солнце пробегает за день. Так что человек, в то время, когда он видит — т. е. когда он может видеть, — вырастает во сне в эту Третью Иерархию. Однако, эта Третья Иерархия постоянно милостиво пронизывается сбоку Второй Иерархией. И эта Вторая Иерархия вполне дает себя знать и в нашей душевной жизни.

рис

Я позавчера указал вам, какое значение может иметь повторное возвращение к пережитому в юности. В этом отношении вы можете получить глубоко идущее ощущение, если вновь возьмете в руки «Мистерии», и еще раз — теперь, быть может, с большим пониманием, чем прежде — прочтете то, что говорится там о событиях юности Иоанна.. Дело в том, что человек может сделать свое внутреннее особенно подвижным, интенсивно восприимчивым по отношению к самому себе, когда он действительно возвращается к своей юности. Я говорил: надо взять старые учебники, по которым человек учился или может быть и не учился когда-то, надо снова взять их в руки и перенестись в это учение или неучение — дело не в том, научился ли тогда чему-либо человек или нет, а в том, чтобы перенестись в тогдашнее состояние: тут можно иметь собственный опыт. Несколько лет назад, когда я нуждался в усилении духовного восприятия, для меня было крайне значительным перенестись в одну такую ситуацию юности: мне было одиннадцать лет и мне купили учебник. Первое, что при этом произошло — это было случайностью — было следующее: перевернулась чернильница, и так испортились две страницы, что прочесть их было уже нельзя. Это является действием. Это действие много лет назад я часто переживал заново часто, этот учебник с испорченными страницами, со всем тем, что я перенес при этом, — ибо в бедной семье учебник должен был быть заново куплен.

Это было ужасно — все то, что можно было пережить в связи с этим учебником с гигантской кляксой, — тогда это называли и по-другому! Итак, дело в том, чтобы оживить нечто в этом роде. Как было сказано, дело не в том, что надо было вести себя молодцом в той ситуации, которую вновь извлекают из забвения, а в том, чтобы это было именно тем, что было бы пережито с большой интенсивностью. Когда вы попытаетесь оживить это действительно со всей внутренней интенсивностью, тогда вы переживете еще и нечто другое. Более, чем во сне, в действительном созерцании, когда вы, будучи отрешены от впечатлений дня, лежите в постели, вы переживете некую ситуацию. В то время, как днем вы вызвали перед душой сцену, пережитую внутренне, ночью, во тьме, когда вы наедине с собой, вы переживаете, созерцая как бы в пространстве, ситуацию, в которой вы находились до или после этого. Скажем, вы вызвали перед душой сцену, которую вы пережили в одиннадцать часов. Затем вы пошли куда-то, где сидели перед людьми. Вы сидите вот тут, а вокруг сидят люди. Вы ищете из памяти что-то, что вами было пережито внутренне. И вот то, что тогда окружало вас внешне, выступает вам навстречу как совершенно пространственное созерцание. Нужно только обратить внимание на такие связи. Тут могут быть сделаны крайне значительные открытия. Скажем, семнадцатилетним молодым человеком вы каждый день столовались в пансионе, где люди постоянно сменялись. И вот вы вызываете каким-нибудь образом сцену, пережитую вами тогда внутренне. Вы живо переживаете ее. А ночью вы переживаете: вот вы

сидите за столом, и вокруг сидят люди, у которых, поскольку они менялись в пансионе, вы видели очень редко. По одному из лиц вы узнаете: ведь это имеет значение то, что я пережил тогда. Внешне пространственное присоединяется к внутренне душевному, когда вы таким образом активизируете воспоминания.

Видите ли, это действительно означает жизнь с этим потоком, идущим с Востока на Запад. Ибо вы все больше вживаетесь в чувство: в духовном, в которое вы вступаете во сне, вы живете не только так, что растворяетесь в духовном, в этом духовном происходит то, что внешне отражается в том моменте, когда вы видите людей, сидящих за пансионный стол. Вы это уже давно позабыли, но это тут. Вы видите это так, как видите людей, которые часто были охарактеризованы как находящиеся в Акаша-Хронике. В тот момент, когда вы имеете это перед собой, то вами охвачено это течение с Востока на Запад: течение Второй Иерархии. В этом течении Второй Иерархии живет нечто, что внешне отображается в дне.

В течение всего года день меняется. Весной он становится долгие, осенью — короче, летом достигает наибольшей продолжительности, а зимой он самый короткий. День метаморфозируется в течение года. Это происходит от течения, противоположного восточно-западному течению, которое идет с Запада на Восток. И это есть течение Первой Иерархии: Серафимов, Херувимов и Престолов. Проследите поэтому, как меняется день в продолжении года, перейдите от дня к году, тогда, мои дорогие друзья, тогда вы войдете в то, что вы встречаете во сне как противоположное течение. В самом деле, это обстоит так, что во сне мы растаем в духовный мир в радиальном направлении и в направлении, идущем с Запада на Восток и с Востока на Запад. И когда мы ставим это перед душой, тогда должны мы, как я вам говорил, поставить перед нашей душой пространственную зиму, если мы устанавливаем что-либо в живом воспоминании перед своей душой.

Также обстоит дело и тогда, когда мы осознаем нашу волю. Это есть именно то, что входит в жест, в физиономию: наше осознание своей воли. То, что я говорю теперь, должно иметь особое значение для тех, кто занимается эвритмией, хотя, конечно, эвритмия не задается целью применять на деле то, что я скажу теперь. Это так, что человек, действительно все больше и больше преобразующий свое внешнее, исходя из внутреннего, когда его «Я» находит все большее выражение в физиономии и жесте, получает впечатление не только от дня. Ибо впечатление дня состоит в том, чтобы от внутреннего переживания, от живой внутренней жизни воспоминания переходить к созерцанию пространства внешних вещей. Повторно переживают то, чему учились в семнадцать лет, и затем видят в отражении, как в Акаша-Хронике, людей, сидящих в пансионе. В этом состоит переживание дня.

Однако, можно пережить и год. И действительно, это возможно тогда, когда обращают внимание на то, как действует в человеке воля, когда обращают внимание на то, что человеку относительно легко привести в действие волю, если ему тепло, но ему становится труднее дать струиться своей воле через тело тогда, когда холодно; при более тонком наблюдении над собой это становится ясным. Кто может действительно пережить взаимосвязь между волей и ощущением холода или тепла, тот постепенно, выработав это чувство, получает возможность говорить о зимней и летней воле в себе.

рис

А именно, обнаруживается, что лучшее указание на эту волю можно взять от времен года. Обратим, например, внимание на волю, которая выносит наши мысли во Вселенную, которая облегчает человеку управление своим телом, так что в управлении, в жестах нашего тела, мысли как бы выносятся во Вселенную., они выскальзывают из кончиков наших пальцев; человек буквально чувствует, как ему легко развивать волю. Вот человек стоит перед

деревом, и что-то особенно нравится ему там наверху — если воля становится теплой в нас, мысли поднимаются до верхушки дерева. Да, иногда они поднимаются даже до звезд, если летней ночью чувствуют себя по-настоящему одаренными теплой волей.

Когда же воля охлаждается внутренне, тогда все наши мысли словно заключены в нашей голове, словно ничего из наших мыслей не может перейти в наши руки, в наши ноги. Все идет в голову. Голова переносит волевой холод, и если волевой холод не действует подавляюще, так что наступает чувство мороза, тогда голова становится теплой через внутреннее противодействие и тогда она развивает мысли.

Следовательно, можно сказать: Летняя воля выводит нас в мировые дали. Летняя воля, теплая воля несет повсюду наши мысли. Зимняя воля вносит мысли в нашу голову. Таким образом, можно различать свою волю. И тогда одна воля, которая выносит нас во всю Вселенную, ощущается родственной с течением лета, а воля, которая вносит мысли в голову, — родственной с зимой, и как обычно переживают день, так переживают в воле год.

И видите ли, существует возможность действительно, как реальность ощутить то, что я вам напишу теперь на доске. Можно, переживая зиму в переживании человеческой воли, пережить ее так, чтобы сказать:

О мировые образы,
Вы реете сюда
Из далей пространства.
Вы стремитесь ко мне,
Вы проникаете
В моей головы
Мыслящие силы.

Видите ли, это не просто абстракция, человек может достичь того, чтобы ощущая связанность своей собственной воли с природой, чувствовать, что с приходом зимы к нему возвращается из пространства то, что в нем самом является переживаниями, которые он сам раньше передал природе. И человек может на вещах, на которые указывается тут:

О мировые образы,
Вы реете сюда
Из далей пространства.
Вы стремитесь ко мне,
Вы проникаете
В моей головы
Мыслящие силы, —

можно почувствовать свои собственные переживания, прежде переданные природе. В этом состоит ощущение зимней воли.

Однако, можно ощутить и летнюю волю, выносящую наши мысли во вселенную;

Вы, моей головы
Строящие душевные силы,
Вы наполняете мое собственное бытие —

это значит, что мысли, которые сначала переживаются в голове, переходят во все тело, наполняют сначала тело, а затем выступают из тела,

—
Вы проникаете из моего существа.
В мировые дали,
И соединяете меня самого
С созидателями мир силами.

Это суть то, что летняя воля, — родственная лету воля в нас — даст нам выразить себя как ее сущность, так что мы можем сказать: Когда мы это ощущаем — я извлек из моего внутреннего деятельное воспоминание о каком-либо старом переживании, — то день со своей ночью несет мне это вновь

навстречу, дополняя его внешним пространственным созерцанием. И это соответствует течению, идущему с Востока на Запад. И следовательно, мы можем сказать: В нас превращается зимняя воля в летнюю волю, летняя воля в зимнюю волю. Мы больше не родственны дню с его сменой света и тьмы; мы родственны году нашей волей, а через это родственны течению Первой Иерархии, идущему с Запада на Восток: Серафимам, Херувимам и Престолам.

Из дальнейшего мы увидим, как наследственность и внешнее приспособление могут препятствовать или способствовать человеку в этом совместном следовании с внутренним природой. Ибо то, что я теперь разъяснял вам, относится к тому, что человек, когда ему в наименьшей степени препятствуют люциферические и ариманические силы, таким способом через представление и волю вырастает во внутреннее природой, воспринимается силами времени, силам дня, силами года, Третьей Иерархией, Второй Иерархией, Первой Иерархией. Однако, существенное влияние на все это имеют ариманические силы, выступающие в наследственности и люциферические силы, выступающие в приспособлении. Этот великий загадочный вопрос будет занимать нас в следующий раз.

Зимняя воля

О мировые образы,

Вы реете сюда

Из далей пространства.

Вы стремитесь ко мне,

Вы проникаете

В моей головы

Мыслящие силы.

Летняя воля Вы, моей головы Строящие душевные силы, Вы наполняете мое собственное

бытие,

Вы проникаете из моего существа В мировые дали И соединяете меня самого С созидующими мир силами.ъ

Четвертая лекция 30 ноября 1923 г.

СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С ЗЕМНОЙ ПЛАНЕТОЙ

Продолжение рассмотрений, начатых нами в прошлой лекции, приводит сегодня нас к тому, что должно затем послужить подготовлением к двум последующим лекциям. Оно приводит нас к прозрению связи человека — и притом всего человека с нашей земной планетой. Я ведь часто в различных связях говорил, что человек поддается некоему заблуждению, приписывая себе — прежде всего как физическому человеку — отдельное от земной планеты всеобъемлющее особое бытие. Независимым, индивидуальным ведь человек является как духовно-душевное существо. К Земле, в ее органической телесности, он принадлежит как физический земной человек и, в некотором отношении, также своим эфирным телом.

Сегодня я начну с описания того, как может представляться сверхчувственному видению эта связь человека с бытием Земли. Сначала я буду излагать это в подготовительной, более повествовательной форме. Предположим просто, что кто-то, обладающий импозитивным сознанием, которое я ведь часто описывал, предпринимает прогулку через древние Альпы, по горным породам, состоящим из кварцевых, следовательно, кремнекислых и тому подобных минералов и пород. Вступая в древнейшие горы, мы ведь подходим к твердейшим породам Земли, но также и к тем породам, которые выступая в своих исконных образованиях, держат нечто чистое, нечто, незатронутое обычным, повседневным Земли. Не правда ли действительно хорошо понятно то, что говорит Гёте в одном прекрасном сочинении — которое уже излагалось ведь у нас — о своем опыте относительно древних гор, он говорит о том, каким одиноким он чувствует себя, сидя на гранитной горе, запечатлевшей в себе признаки этих пород,

твердо и плотно громоздящихся из Земли. И, как к вечному сыну Земли, обращается Гёте к граниту, состоящему из кварца, кремнезема, слюды и полевого шпата.

Когда человек с обычным сознанием подходит к этим древним горным породам, то сначала он может только извне восхищаться ими, их впечатляющими формами, совершенно удивительной простой пластикой, которая, тем не менее, говорит об очень многом. Когда же затем человек с имажинативным сознанием подступает к этой твердейшей породе, он проникает под поверхность минерального. Тогда он бывает в состоянии в своем мышлении как бы срастись с камнями. Можно сказать: всюду в глубинах горных пород находит продолжение душевное существо человека, и в духе он вступает сюда как в священный храм Богов. Для имажинативного созерцания внутреннее оказывается проницаемым, а внешние границы становятся как бы стенами дворца Богов. Однако, в то же самое время познают, что внутри этих пород живет внутреннее отражение всего, что находится вне Земли, в Космосе. Звездный мир еще раз встает перед душой в своем отражении внутри этих твердых пород. Наконец получают впечатление, что в каждой такой кварцевой породе имеется как бы глаз Земли, раскрытый для Вселенной. Вспоминаются глаза насекомых, эти фасетные глаза, которые делятся на множество отделений и которые разлагают на множество отдельных частей то, что к ним приближается извне. И хочется представить, — а собственно и надо представить это себе, — что бесчисленное множество таких кварцевых и тому подобных образований на поверхности Земли является как бы глазами Земли, предназначенными для того, чтобы внутренне отражать и внутренне воспринимать космическое окружение. И постепенно получают знание, что всё кристаллообразное, находящееся внутри Земли, является космическим органом чувств Земли.

Грандиозным, величественным является в снежном покрове, а еще более в падающих снежинках, то, что каждая отдельная снежинка является отражением большей части Космоса, и, следовательно, в кристаллизованной воде на Землю повсюду падают отражения частей звездного неба.

Вы, конечно, знаете, что звездное небо имеется также и днем, только при сильном дневном солнечном свете его не видно. Если у вас случится возможность опуститься в глубокий подвал, с выходящей над ним башней, открытой сверху, то, смотря вверх из тьмы, вы сможете без помехи дневного света увидеть звезды также и днем. Такая возможность имеется, например, в Иене, где есть башня, из которой днем видны звезды. Я говорю об этом между прочим для того, чтобы вы поняли, что отражение звезд в снежинках, вообще во всяких кристаллах, само собой разумеется имеет место и днем. И это не физическое, а духовное откровение. Впечатление, которое человек может получить от этого, должно быть внутренне опосредствовано.

Однако, это еще не все. Из, я бы сказал, духовного чувственного впечатления, которое получают тут, вырастает душевное впечатление, состоящее в том, что имажинативно вливаясь в кристаллический покров Земли, сам человек срастается со всем тем, что Земля переживает в этом кристаллическом покрове от Космоса. Благодаря этому расширяют собственное бытие в Космосе; благодаря этому чувствуют себя единым с Космосом. И прежде всего теперь становится истиной, глубокой истиной для имажинативно видящего, то обстоятельство, что называемое нами нашим земным телом, со всеми его отдельностями, оно некогда, в ходе времени, рождено из Космоса. Ибо родство Земли с Космосом выступает здесь перед душевным взором в самом значительном смысле. Так что посредством этого вживания в миллионы кристаллических глаз Земли человек подготавливает себя к тому, чтобы почувствовать внутреннее родство Земли с Космосом; пережить их в своей душе.

Однако, затем благодаря этому вновь чувствуют свою связанность с

Землей как человека. Ибо — я рассмотрю этот вопрос в следующих лекциях с особой тщательностью — это рождение Земли из Космоса имело место тогда, когда сам человек являлся еще совершенно примитивным, не физическим, а духовным существом. Однако, то, что пережила Земля после своего рождения из Космоса, пережил и человек в своей сущности совместно с Землей. Земля имела такое же внутреннее родство со всем оживающим Космосом, какое имеет совсем малое, еще не рожденное человеческое существо с материнским телом. Затем, однако, начинает ребенок становиться независимым. Также и Земля начала развиваться независимо после того, как в первый Сатурнический период она была в большем соединении со Вселенной. И это независимое саморазвитие проделал и человек совместно с Землей, проделал так, что теперь может сказать себе: палец, который я ношу на себе, лишь до тех пор остается пальцем, пока он является частью моего организма; в то мгновение, когда я отрезаю его от моего организма, он перестает быть пальцем, он гибнет, пропадает. И также, стоит только представить человека отделенным от Земли всего на несколько миль, — так и он гибнет, подобно отрезанному пальцу. Заблуждение человека, воображающего, что в качестве физического существа он имеет отдельно от Земли бытие, происходит лишь оттого, что человек может свободно передвигаться по Земле, в то время как палец не может свободно гулять по организму. Если бы палец мог свободно гулять по остальному организму, то он подпал бы тому же заблуждению относительно человека, в какое впадает человек как физическое существо — относительно Земли. Именно через высшее познание становится явным эта принадлежность физического человека к Земле.

Это, я бы сказал, является первым знакомством, которое предством имажинативного сознания производят с самым твердым земного покрова.

Дальнейшее знакомство можно установить, глубже проникая в Землю, познавая в Земле все то, что является жилами или залежами металлов, и каким бы то ни было металлическим внутри Земли. Тогда проникают под поверхность Земли. Однако тут, приближаясь к металлическому, находят совершенно особое, обособленное от всего остального земного существа. Металлы содержат нечто независимое в самих себе. Металлы доступны обособленному переживанию. А это переживание имеет большое, чрезвычайно большое значение для человека.

Даже тот, кто приходит к определенному высшему знанию в имажинативном видении, еще не знает себя, тогда как переживая кварцевые и другие древние породы, соединяется с миллионами глаз Земли и таким путем переживает, чувствует, принимает себя во всем Космосе. Когда же затем он проникает ко внутреннему Земли, то первые импульсы к такому переживанию могут быть даны посредством восприятия чудесных глубоких влияний в горных рудниках. Если же, однако, уже получили эти импульсы, то тогда нуждаются только в духовном видении, чтобы быть в состоянии проследивать металлическое повсюду, даже не спускаясь в рудники.

Однако, первое чувство того, что я имею в виду, должно было бы или может быть достигнуто с особой интимностью в рудниках, где добывали металлы. Рудокопы — теперь уж такого не бывает, однако несколько десятилетий тому назад встречалось часто — тесно сросшиеся со своим ремеслом, проявляют особые свойства, которые я бы назвал глубоким чувством духовного в металлическом. Ибо металлы не только смотрят в Космическое окружение, но и говорят: они говорят духовным образом, рассказывают, беседуют.

И говорят они так, что язык, на котором они говорят, очень похож на то, что в другой сфере воспринимают как впечатление.

Видите ли, когда достигают установления душевной связи с людьми, находящимися в своем развитии между смертью и новым рождением с я часто говорил об этом — то тогда нуждаются для этого в особом языке.

Высказывания спиритов на этот счет звучат по-детски, так как мертвые не говорят на языке живых. Спириты же держатся того мнения, что мертвые говорят так, что можно записать их речь, подобно тому, как от современников получают письма. Правда то, что получают на спиритических собраниях, большей частью оказывается несколько высокопарным, однако ведь и на земле современники иногда пишут напыщенным слогом. Однако дело обстоит не так. Надо совершенно вжиться в тот язык, который не похож ни на один из земных языков, хотя и имеет гласно-согласный характер. Но этот язык, который можно воспринять только духовным слухом, является тем же самым языком, на котором металлы говорят во внутреннем Земли. И тот же язык, который приближает нас к душам, живущим между смертью и новым рождением, — этот же язык рассказывает нам о воспоминаниях Земли, о том, что пережила Земля в то время, когда проходила через Сатурн, Солнце, Луну и т. д. Надо дать металлам рассказать о судьбах Земли, о судьбах всей планетной системы, о том, что может рассказать Сатурн о той планетарной системе, в которой мы находимся. О том, что пережила Земля при этом, говорят металлы Земли.

Язык, на котором говорят земные металлы, может принимать двоякую форму. Когда этот язык имеет, так сказать, обычную форму, тогда выступает то, что проделала Земля в своем становлении, начиная со времени Сатурна. То, что вы находите в моем «Тайноведении», об этом становлении, в наибольшей части возникло именно тем способом, который я не раз описывал. Оно возникло через непосредственное духовное созерцание процессов. Это — несколько иной способ возвещения о земных процессах, чем тот, который я имею в виду теперь. Ибо металлы говорят больше о личных переживаниях Земли — если мне будет позволено употребить такое выражение; конечно, это будет сказано несколько необычно — металлы больше говорят о личных переживаниях Земли, о том, что пережила Земля как личность в Кресте. И если бы я больше использовал рассказы металлов, которые можно воспринять через духовное проникновение в недра Земли, то я должен был бы рассказывать еще много деталей из бытия Сатурна, Солнца, Луны и т. д.

Тогда бы, например, в первую очередь выявилось, что в этих образованиях Сатурна, описание которых вы находите в моем «Тайноведении», выступают образования, состоящие из дифференцированного тепла, мощные гигантские тепловые образования, которые в течение древнего периода Сатурна приходят к определенной густоте. И, грубо выражаясь, можно было бы сказать, что если бы земной человек встретил этих существ — конечно, это невозможно, — но если бы такое случилось, то земной человек почувствовал бы их, он смог бы коснуться их. Следовательно, к определенному периоду, а именно к среднему периоду Сатурна, они уже являются не только лишь духовными существами, а существами, имеющими физическое бытие; и можно было бы получить ожоги, прикоснувшись к ним. Было бы ошибкой думать, что они имели температуру в миллион градусов; этого не было, но они имели такую внутреннюю температуру, что при прикосновении к ним на коже мог бы возникнуть от ожога пузырь.

Затем можно было бы рассказать о Солнечном времени, когда в образованиях, которые я описал в связи с периодом Солнца в моем «Тайноведении», выступают другие существа, являющие чудесные превращения, метаморфозы. И при созерцании этих метаморфизирующих существ получаешь впечатление, что, например, те метаморфозы, которые описывали писатели-классики, например, Овидий, имеют нечто общее с этим переживанием сообщений металлов; конечно, имеется в виду не прямая, непосредственная связь. Без сомнения, сам Овидий не был из тех, кто сам непосредственно мог понимать речь металлов; и то, что он показывает в своих «Метаморфозах», не имеет совершенного соответствия с теми впечатлениями, которые воспринимают от металлов; однако, они

определенным образом выводятся из этого источника. И даже можно в высокой степени указать на процесс, лежащий в основе этого.

Видите ли, даже Парацельс, — личность, жившая много позднее, чем те, которых я имел в виду выше — для того, чтобы научиться самому важному из того, что он хотел узнать, не пошел в высшую школу; я не говорю, что он не ходил в высшую школу, он туда ходил, и я ничего не хочу сказать против хождения в высшую школу. Однако, чтобы познать важнейшее из того, что он хотел изучить, он не ходил в высшую школу, а туда, где ему могли рассказать о более значительных вещах. И он ходил к таким людям, как рабочие рудников, и наибольшую часть своих знаний он достиг таким путем.

Тот, кто хоть несколько знаком с техникой приобретения знаний, знает, каким невероятно светоносным может оказаться как будто самое простое замечание крестьянина, имеющего дело с посевом и уборкой урожая, и со всем тем, что происходит при этом. Вы скажете: да, но ведь сам он этого не понимает. Это вас не должно интересовать, понимает ли он то, что говорит; поймите только вы, когда слушаете его. Вот в чем дело. Без сомнения, только в редчайших случаях понимает он то, что говорит сам; это инстинкт говорит в нем. И еще более значительные вещи можно узнать от существ, которые совершенно ничего не понимают из того, что сами рассказывают: от жуков и бабочек, от птиц и т. д. Так, например, многое из того, что можно было узнать в рудниках Малой Азии из речи металлов, очень хорошо изучил во время своих странствий Пифагор, и чрезвычайно много из этого проникло затем в то, что впоследствии стало греко-римской культурой. И затем в ослабленном виде появляется это в таких вещах, как «Метаморфозы» Овидия. Итак, это является одной формой речи металлов в недрах Земли.

Другая форма этого языка — как бы гротескно это ни звучало, однако это истина — это та форма, когда язык металлов начинает развивать космическую поэзию, когда он переходит в поэтическое. Тогда в языке металлов действительно проявляется космическая фантазия. И тогда из космической поэзии звучит то, что является интимнейшим отношением между металлами и людьми. Ибо существуют такие интимнейшие отношения между металлами и людьми. Те грубые отношения, которые знает физиология, относятся, ведь, собственно, только к очень немногим металлам. Знают, что железо играет очень большую роль в крови человека; однако, из металлов этого рода таким является только железо. Затем определенную роль играют калий, кальций, натрий, магний — следовательно, некоторое число металлов. Однако, большая часть важнейших металлов, важнейших для Земли, для функционирования Земли, не играет с точки зрения грубого внешнего наблюдения никакой роли в человеческом организме. Однако, это только так кажется. Проникнув в недра Земли, изучившись там языку металлов, вы узнаете, что в действительности металлы не просто находятся в недрах Земли, но и в тончайшем распределении, можно сказать, что они в сверхгомеопатическом распределении находятся всюду в земном окружении.

И, видите ли, в грубом смысле мы не можем иметь в себе свинец; а в тончайшем смысле мы не можем существовать без свинца. Ибо чем был бы человек, если бы свинец не действовал на него из Космоса, из атмосферы, если бы в бесконечно тонком разведении он не проникал бы вместе с солнечным лучом через глаз в его кожу, если бы свинец не проникал в нас через дыхание и в бесконечно тонких дозах через пищу? Чем был бы человек без воздействия свинца?

Человек имел бы чувственные восприятия без свинца; он воспринимал бы цвета, тона, но в этих восприятиях цветов и тонов он жил бы таким образом, как если бы немного выступал из себя, становился бессильным при каждом восприятии. Человек никогда не смог бы отступить назад от этих восприятий и обдумать в мыслях, представлениях то, что он воспринял. Если бы мы не воспринимали свинец в сверхгомеопатическом утончении в нашу

нервную систему и особенно в наш мозг, то мы отдавались бы каждому чувственному восприятию как чему-то, находящемуся вне нас. Мы не смогли бы представить эти чувственные восприятия, не смогли бы удержать в себе представления памяти без чувственных восприятий. Вот что делает тонко разведенный свинец в нашем мозгу.

Если же внести свинец в человеческий организм в больших дозах, то произойдет страшное отравление свинцом. Но тот, кто знаком со взаимосвязью явлений, тот как раз из свинцового отравления может увидеть, что свинец, вводимый в больших дозах в человеческий организм, действует исключительно вредно, а в тончайших сверхгомеопатических дозах является тем, что заставляет человека каждую минуту отмирать в той мере, в какой это нужно, чтобы он мог быть сознательным существом, а не бессознательно подвергаться постоянному росту, распусканию, цветению и развитию, делаясь при этом бессильным. Ибо в росте и цветении, когда человек весь охвачен чистыми силами роста, он именно и впадает в бессилие.

Таким образом, дело обстоит так, что человек находится в отношениях со всеми металлами — также и с теми, о которых грубая физиология не говорит ничего. Знания этих отношений являются основой настоящей действительной, правильной терминологии. И интимно учить об отношениях металлов к человеку может только речь, являющаяся поэтической речью металлов в Земле. Так что можно сказать: о собственной судьбе Земли учит обыкновенная речь металлов; об оздоровительных же отношениях металлов к человеку учат металлы, становящиеся в своей речи поэтически, стихотворческими.

Это удивительная связь. В космическом аспекте медицина является космической поэзией, как вообще многие тайны мира состоят в том, что то, что на некоем уровне мира является болезненным или ведет к болезненности, на другом уровне является более высоким, совершеннейшим, прекраснейшим. Это выявляется тогда, когда инспиративное познание проникает в жилы металлов в Земле, в металлическое Земли.

Мы можем установить к металлам еще и другое отношение. Мы можем установить такое отношение к металлам, которое покажет нам, когда металлы подвергаются воздействию сил природы, например, огня или других подобных природных сил. Посмотрите-ка, как удивительно сформирована сурьма, бронза. Она так составлена из отдельных включений, что показывает этой своей формой, что следует определенным силовым течениям в своем строении, силовым течениям, действующим в Космосе. Эта сурьма, этот антимоний имеет еще и свойство при определенных процессах превращаться в антимоновое зеркало, когда после обработки огнем, после теплового процесса, присоединяется к стеклу, становится зеркалом и проявляет особую силу в этом зеркальном отражении. Она обнаруживает и другие свойства, например, свойство взрываться, если ее определенным образом обработать электричеством и затем присоединить к катоду. Все эти свойства сурьмы показывают, как ведет себя такая металлическая субстанция в окружении земных сил. Это можно наблюдать в отношении всех металлов. Все металлы можно наблюдать в огне и именно в огне; при все более и более высоких температурах они развиваются так, что переходят в то сверхгомеопатическое состояние, о котором я говорил выше. Только они не остаются самими собой при высоких температурах, а принимают совершенно отличную форму. То, что представляют себе в этой связи физики, является самым схематическим, что только можно представить. Физик, расплавляя свинец, воображает, что свинец становится все мягче и мягче. Вначале это и правда так; он становится все мягче и мягче, температура становится все выше и выше, и свинец делается все горячее и горячее, затем все газообразнее и газообразнее, и получают свинцовые пары и т. д. Однако не знают, что при этом нечто все время выделяется, нечто выступает — что вообще не переходит через определенную температуру. Именно тончайшее сверхгомеопатическое свинца постоянно переходит в общую невидимую жизнь и является тем, что

воздействует на человека.

рис

И, собственно, так обстоит дело все время. Представьте себе Землю: здесь внизу находятся разнообразнейшие металлы; одни, в тончайшем состоянии они имеются повсюду и здесь вверху; я бы сказал, тончайшим образом испаряются металлы. Здесь внизу, т. е. под землей, металлы ограничены контурами, имеют замкнутую форму; опускаясь ниже, мы находим их в огненно-расплавленном виде; а в окружении Земли они находятся в тонко расплавленном состоянии, и тут они проявляются в постоянном сиянии. Так, что, собственно, сияние выступает в мировое пространство.

Металлы сияют в мировое пространство. Но в мировом пространстве имеется внутренняя эластичность. Силы, исходящие при этом, не проникают всюду, как это представляют физики, а доходят до определенной границы и затем возвращаются назад. И силы отраженного сияния металлов надо рассматривать таким образом, что они возвращаются с периферии Вселенной назад со всех направлений. И можно заметить, что эти сияющие обратные силы действуют в том, что предстает нам прекраснейшим, удивительнейшим в человеческой жизни: когда ребенок учится ходить, говорить и думать в первое время своей земной жизни.

А именно то, как ребенок от ползания поднимается к ориентировке в мире, является самым удивительным, что можно наблюдать в земной жизни — это прихождение к себе ребенка, человека. Здесь внутренне действуют в силах, которые я часто описывал в связи с этим ориентированием ребенка, здесь действуют внутренне отраженные силы металлов. И, учась переходить от горизонтального состояния при ползании к выпрямлению, ребенок пронизывается сиянием отраженных сил металлов. Собственно, они и поднимают, выпрямляют ребенка. Проникнув в эту связь, одновременно обретают и нечто другое. А именно, познают связь человека, каким он здесь живет на Земле в своих поступках, в своем существе, с прежними земными жизнями. Одни и те же способности позволяют увидеть действие металлов в Космосе и кармическую связь следующих друг за другом земных жизней. Одно приходит с другим, и не бывает одного без другого. Это одни и те же способности. Поэтому-то в связи с другими вещами я и сказал однажды перед Вами: в этом самовыпрямлении ребенка, в его переходе от ползания к ходьбе, к стоянию, в этом обучении речи, мышлению, лежит то, что действует из предшествующих земных жизней. Тогда я это выразил следующим образом: тот, кто имеет для этого способность, видит в том, как ребенок делает свои первые шаги, как ступает, имеет ли он склонность ступать с носка или с пятки, каким образом и насколько сильно сгибает он колени — во всем этом видит тот, кто имеет для этого глаза, кармическую обусловленность, идущую из прежней земной жизни; в первую очередь это проявляется в походке. Я однажды уже говорил об этом. И это определяется тем, что вместе со способностью видеть силу отраженного сияния металлов, выступает и способность прозрения во взаимосвязь нынешней человеческой жизни с предшествующими земными жизнями.

И воистину совершенно безосновательно говорят некоторые люди: Антропософия недоказуема. Они привыкли к такого рода доказательствам, когда в качестве свидетельства приводится чувственное восприятие. Это подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал: Что ты мне рассказываешь, что Земля свободно движется во Вселенной? Это невозможно; она должна иметь опору, она должна лежать на чем-то, иначе она ведь упадет вниз. Да, мировые тела поддерживают друг друга, и только для земных условий можно сказать, что все должно иметь опору. И также только для истин, относящихся к обыкновенному сознанию, можно сказать, что надо развивать доказательства. А истины, относящиеся к духу, взаимно поддерживают друг друга. Но надо

чувствовать эту взаимную поддержку.

Несколько недель тому назад я говорил вам, как, наблюдая за тем, как ребенок или вообще человек ходит, ступает на пальцы или ступни, ступает сильно или легко, сильно сгибает колени или имеет привычку стоять вытянувшись и т. д. — что в этом видят осуществление его Кармы из предшествующей земной жизни. Сегодня я показываю вам, каким образом сила обратного слияния металлов вызывает способность познавать взаимосвязь земных жизней. Тут вы видите две истины, взаимно поддерживающие друг друга. И всегда это так: узнав одну истину, затем мы с другой стороны слышим о той же истине с другой точки зрения, а затем, может быть, и с третьей точки зрения, и эти истины Антропософии так же, как и в Космосе небесные тела, взаимно поддерживает и удерживают друг друга безо всякой опоры. Так и должно быть, когда от истин, действительных для обыкновенного сознания, поднимаются к истинам, которые сами по себе сущностно пребывают в мире. А сущностно в мире пребывает то, что должно быть постигнуто антропософским познанием.

Тут должно быть объединено то, что было сказано в самое разное время, но что поистине взаимно поддерживается, взаимно притягивается, а иногда и взаимно отталкивается, показывая в этом внутреннюю жизнь антропософского познания. Ибо антропософское познание живет через себя. Другие познания, распрощанные сегодня, живут через другое, через свои опоры, на которых они стоят. Антропософские познания же несут и поддерживают себя сами.

Пятая лекция

1 декабря 1923 г.

Минеральное и растительно-животное творение

То, что я говорил вчера, создает предпосылки для более детального рассмотрения некоторых событий, происшедших в ходе земного развития и повлиявших на внешний образ нашей Земли. Как вы помните, я говорил, что созерцая и познавая, можно вступить в определенные отношения с металлическим Землей, со всем тем, что существует в Земле благодаря тому, что Земля пронизана металлическими жилами, что эта Земля вообще содержит в себе металлическое, разнообразное металлическое. Эта родственная связь, которую можно установить с металлическим Землей, дает возможность оглянуться на то, что произошло с Землей.

Особенно интересным является созерцание того, что произошло в земном развитии во время, предшествующее атлантическому развитию, несколько внешне обозначенное мной как лемурийский период, а также созерцание того, что лежит в ближайшем предшествующем временном пространстве, когда Земля плавилась стадия Солнца. Во время лемурийской эпохи повторялась лунная стадия. Оглядываться на все эти события чрезвычайно интересно, ибо таким путем получают впечатления о том, каким изменчивым является все в сфере Земного бытия.

Мы сегодня привыкли рассматривать Землю, как замкнутую в своей форме; такой она являет себя человеку сегодня. Как люди, мы живем на континенте и окружены тем, что несет Земля на себе в виде растений, земных и воздушных животных и т. п. Мы знаем, что живем сами в воздушном океане атмосферы, окружающей Землю, что из этого воздушного океана мы впитываем в себя кислород, но что определенную роль играет также и наше отношение к азоту. Однако мы представляем себе, что нас окружает воздушный круг, состоящий из кислорода и углерода. Затем мы смотрим на океаны, моря и составляем картину того — ведь не стоит указывать на дальнейшие частности — что мы представляем себе как планету, населенную нами во вселенной. Видите ли, Земля не всегда была такой, какова она сегодня; она прошла через чрезвычайно сильные, мощные превращения. Вернемся к пространственным временам, на которые я

только что указывал, пойдём назад к лемурийскому древнему времени и ещё несколько дальше, и там мы найдём совершенно иное состояние Земли, совершенно отличное от настоящего.

Начнём с воздушной сферы, в которой мы живём теперь которую мы сами рассматриваем как неживую, лишённую жизни.

Уже и эта воздушная сфера предстает перед нами совершенно иной. И когда мы возвращаемся дальше назад, то в этом древнем периоде земного развития мы находим нечто подобное теперешнему твердому земному ядру, окруженному воздушной сферой. Такую схожую картину получили бы мы уже и для этих древнейших периодов; но не может быть и речи о том, чтобы в то далекое время в этой большой сфере, нарисованной мной, могло существовать нечто, подобное воздуху, которым мы теперь дышим. Во вдыхаемом нами сегодня воздухе значительную роль играют кислород и азот; меньшую роль играет углерод и водород; ещё меньшую — сера или даже фосфор.

И, собственно, совершенно невозможно говорить для этих древних времен о кислороде, азоте, углероде, сере и т. д. — по той простой причине, что в те древние времена совершенно не существовало того, что сегодня химики обозначают этими именами.

Видите ли, если бы сегодняшней химик заговорил с каким-нибудь духовным существом тех времен о кислороде, углероде, азоте и т. д., то оно сказало бы: ничего такого не существует. Ибо насколько истинно то, что сегодня существует возможность говорить об этих вещах, настолько же не существовало тогда возможности говорить о них. Кислород, азот, углерод в том виде, в котором они предстают перед нами сегодня, возможны только тогда, когда Земля достигает определенной плотности и имеет такие силы, какие она имеет сегодня. Кислород, азот, калий, натрий и т. д. все так называемые легкие металлы, тогда не существовали. Зато в этом окружении Земли — в этой окружности, тогда образовавшейся и на место которой мы сегодня помещаем воздушную сферу — наличествовало нечто чрезвычайно тонко-текучее, нечто среднее между теперешней водой и воздухом; оно было очень разжиженным, однако в своей разжиженности оно было подобно белку. Так что Земля тогда вся была окружена белковой атмосферой. Белок теперешних кур значительно грубее, однако все же сравнение с ним допустимо.

Это окружение Земли было образовано таким образом, что когда впоследствии уплотнилась Земля, из нее выдифференцировалось то, что мы сегодня обозначаем как углерод, водород, кислород, азот и т. д. Однако нельзя было сказать, что тогдашняя белковая атмосфера состояла из них, ибо она не содержала эти вещества в себе в качестве своих отдельных частей. Ныне принято думать обо всем так: все составлено из частей; однако, это является бессмыслицей. То, что мы знаем в качестве определенных более высокообразованных субстанций, не всегда является составленным из того, что затем предстает перед нами при их анализе; а дело обстоит так, что вещи просто прекращают свое существование в высших субстанциях. Углерод там — не углерод, и кислород — не кислород, и т. д., а просто это есть некая более высокообразованная субстанция. И, как уже говорилась его можно обозначить как чрезвычайно разжиженный белок. Однако вся эта окружающая Землю субстанция была пронизана космическим эфиром, который оживлял всю эту субстанцию. Так что космический эфир мы должны представлять себе как пронизывающий эту субстанцию и оживляющий ее.

Благодаря тому, что этот космический эфир пронизывал ее, — благодаря этому и жила эта субстанция. Однако, она не только жила, но и дифференцировалась особым образом.

В одном месте возникало большое образование, в котором могло бы задохнуться; в другом месте возникало образование, в котором человек смог бы жить особенно активным образом и т. д., и т. п. Там не было

химических элементов в теперешнем смысле, однако в нем возникали образования, напоминающие своими воздействиями сегодняшние химические элементы. Кроме того, все это было пронизано световыми отражениями, световыми вспышками, световыми сияниями, световыми искрами. И, наконец, все в целом пронизывал теплом мировой эфир.

Все это были свойства тогдашней земной атмосферы — если будет позволено употребить современное выражение. Первым из Космоса образовалось то, что я описал вам вчера: первые планеты. Они образовались из Космоса. Так что кварцы — которые мы находим в прекраснейших формах, в их относительной прозрачности в древнейших горных породах — образованы в Земле из Вселенной. Поэтому тот, кто сегодня обладает имажинативным видением и проникает в эти древнейшие горные породы, в самые твердые образования сегодняшней Земли, то они являются ему глазами, смотрящими во Вселенную. Однако, Вселенная вставила эти глаза в Землю; и там внутри находятся они теперь. Вселенная вставила их в Землю. Только это кварцеобразное, кремне-кислотообразное, проникавшее тогда во всю атмосферу и постепенно откладывавшиеся как древнейшие породы, не были столь твердыми, как сегодня. Это затверждение, в виде которого предстают сегодня горные породы, произошло позднее, благодаря более поздним условиям. Все то же, что тогда образовалось из Космоса, едва ли было в то время тверже воска.

Итак, то, что в древнейших горах вы можете увидеть как кристалл кварца — в другом месте я говорил: он так тверд, что упади на него человек, то разбилась бы голова, но никак не кварц, — тогда все это было пронизано жизнью, проникавшей всюду, и благодаря ей было мягким, как воск, действительно таким мягким, как воск, так что можно было сказать: древнейшие горные породы приходят из Космоса, как капающий воск. И все это было прозрачным и было на ощупь таким, что если бы мы могли коснуться его, то у нас было бы такое же ощущение, как при прикосновении к воску.

Таким образом откладываются из капающего из Космоса воска горные породы и затем затвердевают. Кремневая кислота также имела форму воска во время проникновения из Космоса в Землю.

И то, что теперь наличествует больше в духовном плане и что описал я вам вчера — что, перенесясь в плотные горные породы находят картины Космоса — это тогда было тут совершенно наглядно, и притом так, что когда приходила такая партия — извините за такое выражение, однако оно хорошо передает положение вещей — воскового кремня в своей прозрачности, то в нем можно было различить что-то похожее на образ растения. Тот, кто наблюдал за природой, знает ведь, что и сегодня можно найти в минеральном царстве как бы признаки прошедших времен. Можно найти камни, взять их в руки, рассмотреть и увидеть внутри как бы образ растения. Тогда же это было чем-то совершенно обычным, что входившее в атмосферу, в эту белковую атмосферу, вносилось как бы в виде образов — не только видимых, а как образов, отпечатывающихся, фотографирующихся внутри этого воскового тела, но фотографирующихся телесно — чтобы таким образом могли быть внесены эти образы из Космоса.

Затем образовывалось нечто своеобразное, этот жидкий белок заполнил эти образы; благодаря этому они становились опять несколько тверже, несколько плотнее; тогда они больше не были образами. Кремневое отпадало от них, распадалось в остальной атмосфере, и в древнейшее лемурийское время реяли могучие плавучие растительные образования, напоминающие наши теперешние водоросли, которые не были закреплены корнями в воде — таковой почвы тогда вообще не было — плавающие в этом жидком белке, из которого они образовывали свою субстанцию, которым они были пронизаны; они не только плыли, а начинали сиять, я бы сказал, вспыхивали светом, затем опять исчезали, появлялись вновь, опять исчезали. Они были непостоянны,

непостоянны в такой степени, что возникали и исчезали.

Представьте все это хорошенько себе. Это, по-существу, есть картина, чрезвычайно отличная от теперешнего нашего окружения. Если можно было в качестве нынешнего человека перенестись в то время, где-нибудь установить, скажем, этаким наблюдательный домик и самим изнутри смочь наблюдать, подобно нашим друзьям, дежурящим здесь в Гетеануме, — то увидели бы повсюду: вот всплывает растительный образ, могучее растительное образование, похожее, как мы уже говорили, на наши теперешние водоросли или даже пальмы.

рис

Однако, оно быстро поднималось — оно не вырастало из Земли весной и не увядало осенью, а быстро поднималось весной (весеннее время было чрезвычайно коротким), потом достигало своей силы и затем исчезало снова в жидком белковом элементе. Подобное зрелище постоянно зеленеющего и отцветающего имел бы наблюдатель перед собой. И он не говорил бы о растениях, покрывающих землю, а о растениях, возникающих из Космоса как воздушные облака, уплотняющиеся и затем растворяющиеся, зеленеющие в белковой атмосфере. А о том, что несколько соответствовало нашего лету, сказали бы: это есть то время, когда зеленеет окружение Земли. Однако, на зеленое больше глядели бы вверх, чем вниз. Таким образом получают представление о том, как проникает кремневое земной атмосферы в земное и притягивает к себе растительную силу, находящуюся, собственно, снаружи в Космосе — о том, как растительный мир сходит из Космоса на Землю. Однако, в период, о котором я говорю, надо было бы сказать: этот растительный мир является возникающим и исчезающим в атмосфере.

И к этому надо прибавить еще следующее: когда сегодня человек, именно благодаря родству с металлическим Земли, переносится в те времена, тогда возникает чувство, что это все относится к нему самому, что человек имеет какую-то связь с тем, что тогда зеленело и отцветало в атмосфере. Когда вы сегодня вспоминаете свое детство, то это является воспоминанием о коротком промежутке времени. Однако, когда вы вспоминаете боль, пережитую в детстве, то это уже есть нечто, принадлежащее вам. И эти, вызванные благодаря земному металлическому, космические воспоминания об этом процессе зеленения и отцветания становятся чем-то, принадлежим вам. Уже тогда, как люди, мы были с Землей, которая жила в этой белковой атмосфере — однако так, что человек тогда был еще совершенно духовным. Правильно выражаются, когда говорят (надо достичь и соответствующего представления): эти растения, видимые тут в атмосфере, для твоего времени являются выделениями, отмежеваниями человеческого. Человек выделяет это из своего существа, которое еще является единым со всей Землей. И он должен иметь такое представление еще и для совершенно другого, что он тут выделяет. А именно, тут происходит еще следующее. Все, что я описывал до сих пор, было вызвано тем, что кремневая кислота уже раньше была выделена из атмосферы в форме воска. До этого всюду была только эта белковая атмосфера. На нее воздействовал Космос, на нее воздействовали бесконечно многообразные силы, которые со всего Космоса сияли на Землю — те силы, о которых наше сегодняшнее познание ничего не хочет знать. Оттого-то наше сегодняшнее познание и не является действительным познанием; ибо многообразнейшее, происходящее на Земле, не имело бы места, если бы не было всюду подвержено космическим импульсам и космическим воздействиям. Сегодняшний ученый, совершенно ничего не говорящий об этих космических силах, — вообще ничего не говорит о действительности. Ведь он не учитывает нигде того, что тут, собственно живет. В мельчайшем препарате, который рассматривают через микроскоп, живут не только Земные, но и космические силы. И не учитывая этого, не достигают познания

действительности.

Итак, тогда действовали космические силы на жидкий белок земного окружения. И эти космические силы действовали на некоторые партии этого белка так, что как бы свертывали его — так что повсюду можно было видеть космически свернутый белок. Это плавало тут внутри: космически свернутый белок. Однако, это не было произвольными облаками, а было живым в определенных формах. Это, собственно, были животные, состоящие из этого свернутого белка, развившегося до густоты желе, до густоты нашей нынешней хрящевой массы. Такие желе-животные находились в этой текучей белковой атмосфере. Они имели форму, которая в уменьшенном виде наличествует у наших рептилий, наших ящериц и т. п., но у них не было подобной плотности, они пребывали в этой желеподобной массе и были подвижны в себе.

У них конечности то удлинялись, то втягивались внутрь и сжимались; короче, все в них было как у улитки, которая может втягивать щупальца.

И, видите ли, в то время как все это образовывалось снаружи, в землю — кроме кремневого — из Вселенной выделено было то, что вы сегодня находите как известковую часть Земли. Когда мы идем не в древние горы, а просто в Юру (*Юра — геологические отложения.*), то находим этот известняк. Этот известняк был внесен из Космоса в Землю позже, с однако тем же образом, как и кремень; так что вторым на Земле мы имеем известковое.

А это известковое постоянно просачивается во внутрь, и в основном оно и определяет то, что Земля в ее ядре становится все плотнее и плотнее. Затем в определенных местах к известковому присоединяется кремневое. Однако, это известковое содержит космические силы. Известь — это нечто совершенно отличное от грубой физической материи, какой её представляют себе сегодняшние физики. Известь всюду содержит образующие силы, существующие всюду относительно не выявленными.

И это есть нечто своеобразное: переносясь в несколько более позднее время по сравнению с возникновением и исчезновением зелени, мы находим, что вся белковая атмосфера представляет собой, собственно, постоянную циркуляцию извести. Образуется известковый туман и с другой стороны известковый дождь. В развитии Земли был период, когда то, что сегодня является при испарении воды и дождем, состояло из известковой субстанции, поднималось и снова шло вниз, поднималось и опускалось. И тут возникает своеобразное: известь проявляет особую притягательную силу по отношению к этой желеобразной, к этой хрящевой массе, Она пронизывает ее, пропитывает ее собой. И посредством земных сил, заключенных в ней — я говорил вам, что в ней заключаются земные силы — растворяет она всю желеобразную массу, которая образовалась в виде свернутого белка. Известь берет от неба то, что небо образовало в белковой атмосфере, и переносит это ближе к Земле. И из этого затем постепенно возникают животные с костями, содержащими известь. Это есть нечто, что развивается в позднее лемурийское время.

Так что в растениях в их древнейшем облике мы в первую очередь должны видеть чистые дары неба, а в животных и во всех животных образованиях нечто такое, что Земля, после того, как небо дало ей известь, взяла от Неба — поистине захватила! — и превратила в земное образование. Таковы вещи, столь замечательным образом выступающие из этих древнейших времен, с которыми мы чувствуем себя связанными таким образом, что весь этот процесс воспринимается как процесс как бы развернутого в Космосе человеческого существа.

Такие вещи звучат, конечно, парадоксально, ибо они касаются той действительности, с которой сегодняшний человек обычно не составляет себе никаких представлений. Однако, они полностью истинны. Ведь когда по памяти говорят: когда я был девятилетним мальчиком (или я была девятилетней девочкой), у меня был друг (или подруга) которого (или

которую) я иногда порябочно колотил (или колотила) — то это сегодня соответствует абсолютной действительности, не так ли? Это есть то, что внутренне поднимается в нас. Это может радовать или печалить, принимать боль — но это именно внутренне поднимается в нас. Так восходят в этом благодаря родству с металлическим, расширенным человеческом сознании, которое становится земным сознанием: это ты, образуя всю твою сущность, при нисхождении с Неба на Землю, выделил из себя растения. Они являются твоим выделением. Ты выделил и животную сущность; в форме сверхутого желе или хрящевидной массы ты пожелал в первую очередь, чтобы оно стало неким продуктом выделения. Однако, тут ты должен заметить, как уже продвинувшиеся земные силы отобрали это у тебя и образовали животные формы в другом виде, в котором они являются результатами земного образования. Это можно также узреть в космическом воспоминании как собственное переживание — это я указывал выше — как воспоминание короткой земной жизни. Чувствуют себя, как было сказано, человеком, связанным с этим. Однако, это все ведь связано с некоторыми другими процессами. Я только схематически обрисовал вам основные процессы. Тут происходит и многое другое. Ведь в то время, когда, например, происходит то, что я тут описал, вся атмосфера была еще наполнена очень тонко распределенной серой. Эта тонко распределенная сера соединяется с другими субстанциями и из этой связи возникают, я бы сказал, отцы и матери всего того, что имеется сегодня в земной руде как пирит, свинец, цинковая обманка и т. д. Итак, все это образовалось уже в древней форме — в мягкой, еще плотно-восковой форме того времени. Поэтому-то и пронизывается земное тело подобными вещами. А затем, когда эти породы — это металлическое — выводят из общей белковой субстанции и образуют твердую земную кору, тогда у металла мало что остается делать — если человек не делает с ним что-нибудь, кроме как думать о том, что произошло. И так и происходит с ними. Мы находим их в этом состоянии, когда они оживляют для внутреннего видения все то, что произошло с Землей. И тогда, имея это все в качестве собственного космического, или по крайней мере теллурического переживания, говорят себе: в то время как ты все это выделил из себя, в то время как ты выделил из себя то, что было древнейшей растительной формой и что стало образованием позднейшей растительной формы — в то время ты выделил из себя то, что является более сложным животным образованием — так как я это описал — ты этим выделил из себя то, что тебе до того мешало иметь волю в твоём собственном человеческом существе.

Все то, что я вам описал тут — было необходимо; человек должен был это выделить, подобно тому, как он сегодня должен выделять пот и что-либо другое. Это человек должен был выделить, чтобы не оставаться существом, в котором волили бы только Боги, но чтобы он мог стать существом с собственной волей, чтобы он мог иметь собственную — хотя еще не свободную — волю. Следовательно, все это было необходимо для приготовления земной природы человека.

Тем временем произошло еще многое другое, все изменилось. Естественно, что когда затем тут появилась медь, выделившись в землю, то тогда изменилась и вся атмосфера. Она стала другой — куда менее серной. Кислород постепенно начал приобретать преобладание над серой, тогда как раньше сера имела очень большое значение для земной атмосферы. Вся земная атмосфера стала другой.

В этом обновленном окружении человек мог опять выделять из себя, отделить еще и нечто другое. То, что он выделил теперь, выступает в виде потомков прежних растений и прежних животных. Теперь постепенно образовались более поздние формы растений, имеющие уже некий вид корней с однако, во все еще совершенно мягкой земной субстанции. А из того, что было рептилиями, ящерицеобразными животными, образовались сложные

животные — такие животные, какие сегодняшняя геология находит в отпечатках и т. п. От древнейшего, о котором я говорил тут, нельзя найти уже ничего. Только тогда наличествовало то, во что человек выделил более сложные образования из себя, вошедшие в более позднюю эпоху; только тогда наличествовало то, что я описал вам как постоянно возникающие и исчезающие первичные образования, зеленеющее и отцветающее, животноподобные формы из мягкой массы, которые, однако, являлись действительными животными, которые то стягивались и имели собственную жизнь, то вновь терялись во всеобщей земной жизни — ибо таково было существование всех этих существ. Из всего этого возникло нечто более устойчивое в себе.

Затем появились животные, подобные следующему, которое для того времени несколько схематически можно обрисовать так: оно имело очень большой глазоподобный орган с неким видом ауры, затем — нечто, похожее на морду, удлиненное вперед; затем — ящероподобное тело, но с могучими плавниками. Все это возникло как образование, имеющее уже больше твердости в себе. Затем мы находим животных, имеющих нечто, что я мог бы одинаково назвать как крыльями, так и плавниками. Ибо эти животные не были морскими животными; моря тогда еще и не существовало; была мягкая земная масса и еще — мягкий элемент окружения, из которого несколько была удалена лишь сера. А внутри плавало или летало — это было действием, средним между плаванием и летанием — такое животное. Наряду с ним существовали и другие животные, имеющие не такой вид конечно, а конечности, которые были сформированы больше из сил самой Земли, напоминающие уже конечности сегодняшних низших млекопитающих и т. д.

Итак, человеку, который исходя из сегодняшнего дня, отправился бы в путешествие не через пространство, а через время, и возвратился бы к тому времени, которое связывают лемурийский период с атлантическим — предстало бы особое зрелище: гигантские летучие ящеры с фонарем на голове, который и светит, и греет; внизу что-то вроде мягкой болотистой Земли, содержащее что-то очень уютное, ибо теперешнему гостю она предлагает запах, средний между запахом плесени и зеленеющих растений. Что-то искушающее, с одной стороны, и необычно привлекательное, с другой, предлагала эта тина мягкой земли. А там внутри с Другой стороны двигались другие животные, имеющие уже больше конечностей и напоминающие теперешних низших млекопитающих, которые, однако, были столь расширены к низу, что имели внизу такие могучие вещи (это рисуется) — конечно, более могучие, чем у уток.

рис

Таким имеем мы первое вегетативно-анималистическое творение, состоящее, собственно, из продуктов человеческого выделения и подготовившее то, что земное человеческое существо могло стать волящим существом. Если бы это произошло в нем, тогда оно захватило бы его волю. Его воля стала бы совершенно физическим явлением. Благодаря же тому, что он выделил все это — физическое вышло из него и его воля принимает душевный характер. Точно так же, через второе творение чувствование принимает душевный характер. И только в поздний атлантический период, в середине атлантического периода возникают млекопитающие и эти растения — растения и животные, похожие уже на наши. И Земля образовывается так, что становится очень похожей на свой теперешний облик. Так возникают химические субстанции — субстанции, знакомые сегодняшнему химику. Так понемногу возникает то, что является углеродом, кислородом, щелочными, тяжелыми, металлами и т. д. и т. п. Вместе с тем человек уже может выделить третье из себя — то, что он сегодня находит в своем окружении как мир растительного, животного. И в то время, как он выделяет это, в то время, как вокруг него возникает это окружающее его творение, подготавливается

он для своего земного существования в качестве мыслящего существа.

Можно, следовательно, сказать: в отличие от нынешнего, человечество тогда не было разделено на отдельные индивидуальности, а было всеобщим человечеством еще духовно-душевной природы, погруженной в эфир. Ибо вместе со струящимся из вселенной на Землю эфиром пришло это всеобщее человечество из вселенной. Оно прошло затем через те явления, которые я описал в «Тайноведении»; оно пришло, вновь ушло к другим планетам, затем опять вернулось в атлантический период. Это происходило наряду с прочим. Ибо каждый раз, когда происходило подобное выделение, человечество не могло оставаться на Земле — должно было удалиться, чтобы до некоторой степени сызнова усилить внутренние силы, теперь более утонченные, имевшие более душевную природу. Затем оно снова возвращалось. Это суть те процессы, в более точном описании, которые вы можете прочесть в моем «Тайноведении». Эти явления, следовательно, состоят в том, что человек, человечество принадлежит, собственно, вселенной и само подготавливает себе земное окружение, посылая в земной мир свои выделения. И вот теперь они находятся в земной области и они окружают тут человека. И вот человек может сказать: посылая в земную сферу эти выделения, он постепенно развил в себе то, что вооружает его, как земного человека, волей, чувствованием, мышлением. Ибо то, что человек является сегодня покидающимся на органически-физической основе, будучи во время жизни между рождением и смертью мыслящим, чувствующим, волящим существом — это развилось во времени и стоит в связи с существами, которые ради развитие человечества выделились с течением времени из человеческого и в этой выделенности обратились в их теперешние формы.

Из этого вы видите: не просто обобщенно-абстрактно говорим мы об этом становящемся родстве с металлическим Земли. Но когда сроднятся с этим металлическим, хранящим в себе воспоминания о земных событиях, тогда действительно могут рассказать о том, о чем тут вспоминают. Тогда действительно находят то, о чем я рассказал вам сегодня.

И если вы теперь представите себе, что возвращаетесь к еще более ранним временам, то тогда все становится еще более мимолетным, расплывчатым. Рассмотрим это грандиозное, величественное зрелище, которое я описал вам: эти расплывающиеся подобно воску кремнекислые образования, в которых выступают вещества растительного мира, всасывающие мягкий альбумин (Белковое вещество) с мягкой белковой субстанцией, образующие тем самым в земном окружении зеленеющее и отцветающее — на них лицезреют снизу вверх. Подумайте об этих вещах и вы сможете сказать: в сравнении с сегодняшними растениями, вырастающими из твердых корней с твердыми листьями из Земли, или в сравнении с сегодняшними деревьями с их сильными стволами — это лишь мимолетные образования. Сколь мимолетно это по сравнению с теперешним дубом с который, правда, сам не гордится своей дубовостью, но которым обычно гордятся окрестные жители, сравнивающие себя в своей нередкой слабости с дубовостью дуба! Если эту дубовость нынешнего дуба вы сравните с теми, я бы сказал, в благоухании возникающими, в благоухании исчезающими, оживающими в атмосфере подобно теням, уплотняющимися, снова исчезающими растительными образованиями, или же если сравните (возьмем разительные случаи) теперешнего бегемота или слона, с их толстой кожей, или других живущих в телесности существ, с существами тогдашних времен, выходящими из общего белка в качестве свернутого белка, которые затем включают известь и в несколько более уплотненном виде стягиваются в виде намеков на кости в животном Земли — я должен употребить больше прилагательное: в «животном» Земли — когда вы взглянете на все это, обратив внимание на эту нынешнюю плотность, мог бы я сказать, слоновость Земли по сравнению с тем, что было некогда, тогда вы не станете больше сомневаться в том, что возвращаясь еще дальше назад, приходят ко все более мимолетному.

Тогда возвращаются к тому, что существует в виде волнуемых, ткущихся, парящих цветовых образований, возникающих и исчезающих. И если вы затем возьмете описание древнего Солнца — предшественника Земли — или древнего Сатурна, данные мной в «Тайноведении», то скажете: это все, ведь, само собой разумеется, если знаешь, что исходя от всего этого нужно вернуться назад. Тогда воспринимаемые растительные образования, парящие растительные образования теряют белковую субстанцию, сами походят на облачные образования. Еще ранее в возникающих цветовых явлениях, описанными мной для солнечного бытия и для сатурнического бытия.

И так приходите вы постепенно — когда прослеживаете назад физическое — от слоновости через более тонкое физическое к духовному. И, следуя таким путем, обращая особое внимание на коварное, мы приходим к духовному происхождению всего того, что относится к земному. Земля имеет начало в духовном. Это дано истинным воззрением. И я думаю, что это есть прекрасная идея, когда можешь сказать себе: если проникнешь внутрь Земли, дашь рассказать тебе твердым металлам о том, что они помнят, то они расскажут тебе: некогда мы были так расширены в даях, что вообще не являлись физическими субстанциями, а были красками, реющими в Духе, парящими во вселенной. И, таким образом, воспоминания земных металлов являются тем, что идет назад к состоянию, когда каждый металл был космическим цветом, притягивающим другие, когда Космос в своем существе был неким родом внутренней радуги, неким родом спектра, который затем дифференцировался и только впоследствии стал физическим.

И вот тут-то, я бы сказал, впечатление, переданное теоретически, которое получают от металлического Земли, переходит в моральное впечатление. Ибо каждый металл говорит одновременно этим: я происхожу из далей пространства и земных далей. Я происхожу из небесной сферы, а тут я волшебным образом сосредоточился во внутреннем Земли. Но я жду своего освобождения. Ибо когда-нибудь я опять наполню своей сущностью вселенную. И когда так учатся речам металлов, тогда золото рассказывает о Солнце, свинец — о Сатурне, медь — о Венере; и тогда говорят человеку эти металлы: как некогда мы простирались вширь, медь до Венеры, свинец до Сатурна, так мы ныне зачарованы, и мы так же вновь распространимся, когда Земля выполнит свое назначение, когда человек достигнет на Земле того, чего он может достигнуть только на Земле. Ибо для того пошли мы на эту заколдованность, чтобы человек смог стать свободным существом на Земле. Когда человек достигнет свободы, тогда может быть начато наше расколдовывание.

Шестая лекция
2 декабря 1923 г.

Эфесские мистерии Артемиды

Когда сегодня человек говорит о слове, то обычно он имеет в виду слабое, малозначительное по сравнению с величию всеобщей человеческое слово. Однако мы знаем, что Евангелие от Иоанна начинается многозначительными словами: «В начале было слово-Логос. И Слово было у Бога. И Слово было Бог». И тот, кто задумывается над этим многозначительным вступлением Евангелия от Иоанна, тот должен будет спросить: На что же указывается тут, когда в начале всех вещей ставится Слово? Что подразумевается под этим Логосом, под этим Словом? И как этот смысл соотносится со слабым, малозначительным по сравнению с величию всеобщей человеческим словом?

Да, но ведь и само имя Иоанна связано с городом Эфесом. И тот, кто, вооруженный имажинативным созерцанием мировой истории, подходит к этим значительным словам: «В начале был Логос. И Логос был у Бога. И Бог был Логос», — тот через внутреннюю путь все снова и снова бывает

направлен к древнему храму Дианы в Эфесе. Для постижения того, что звучит загадкой из первых стихов Евангелия от Иоанна, для постижения этого, имелось посвященному определенной степени в мировые тайны указывалось на Мистерии храма Артемиды-Дианы в Эфесе. Так что ему должно казаться, что из сообщений эфесских Мистерий должно изливаться нечто для понимания начала Евангелия от Иоанна.

Поэтому сегодня — вооруженные тем, что в течение последних двух дней прошло перед нашими душами — заглянем в тайны, в Мистерии храма Дианы в Эфесе, заглянем в период шестого-седьмого до-христианских столетий, или в еще более ранний период, чтобы увидеть, чем занимались в этих столь священных местах древности. И тут мы находим, что обучение в Мистериях в Эфесе в первую очередь указывало на то, что звучит в человеческой речи. Не из исторических памятников, конечно — об их уничтожении в достаточной степени позаботилось человеческое варварство — а из доступной духовному познанию мысле-эфирной хроники, в которой записаны происшествия всемирной истории, можем мы узнать, что же происходило внутри этих эфесских Мистерий.

Тогда в созерцании перед нами все снова и снова выступает то, как учитель направлял внимание ученика прежде всего на человеческую речь, как его все снова и снова поучали: ощути в твоих органах речи, что же, собственно, происходит в них, когда ты говоришь. Речевые процессы не воспринимаются через грубые ощущения, ибо они тонки и интимны. Однако сначала подумаем над тем, что является внешним речи. И с этого внешнего речи и началось в первую очередь преподавание в эфесских Мистериях.

И внимание ученика обращалось тут на то, как начинает слово звучать из уст. Ему все снова и снова повторялось: наблюдай за тем, что ты чувствуешь, когда слово звучит из уст. И ученик в первую очередь должен был обратить внимание на то, как от слова что-то как бы поднимается вверх, чтобы принять в себя мысли головы, и как затем опять от того же самого слова обращается книзу в человеке, чтобы внутренне пережить содержание ощущения слова.

Все снова и снова внимание ученика обращалось на то, чтобы проводить через гортань внешние пределы речи и при этом наблюдать за тем, что поднимается и опускается в слове, исходящим из гортани. Я есмь, я не есмь: какое-либо позитивное, какое-либо негативное утверждение должен был он как можно более артикулированным образом провести через гортань и затем наблюдать, как чувствуешь в «я есмь» больше подъем вверх, в «я не есмь» — проникновение вниз.

Затем ученику указывалось на все более интимные внутренние ощущения и переживания слова — на то, каким образом мог он воспринимать: что-то похожее на тепло поднимается от Слова вверх к голове, и это тепло, этот огонь охватывает мысли. Вниз же течет нечто подобное водному элементу; это изливается вниз, как изливаются в человека выделения желез. И, таким образом, использует человек — объяснялось ученику эфесских Мистерий — таким образом использует человек воздух, чтобы давать звучать слову; но в речи воздух превращается в ближайший элемент, в огонь, в тепло, и приводит мысль с высоты головы вниз, вчленяет ее в тело. И снова, при наступлении перемены состояния — послании вверх огня, послании вниз того, что лежит в слове — воздух просачивается вниз в виде воды, жидкости, подобно выделениям желез. Благодаря этому слово для человека становится внутренне ощущаемым. Слово стекает по каплям вниз в виде жидкого элемента.

А затем ученик вводился в подлинную тайну речи. Однако эта тайна является связанной с тайной человека. Для людей науки эта тайна прямо-таки забаррикадирована, ибо в основу всякого размышления сегодня наука ставит самую невероятную констатацию на истину, а именно так называемый закон сохранения энергии и вещества. Вещество в человеке постоянно

превращается. Оно не остается. То, что как воздух выходит из гортани, по времени преобразуется при этом в ближайший, более высокий элемент, в тепловой или огненный элемент — и снова в водный элемент: огонь, вода — огонь, вода.

рис

Итак, внимание ученика в Эфесе обращалось на то, что в то время, как он говорит, из его уст исходит волновое движение — огонь, вода-огонь, вода. Однако, это есть не что иное, как вознесение слова к мысли и стекание по каплям слова вниз к чувству. И таким образом ткется в речи мысль и чувство, в то время как в живом волновом движении речи воздух утончается в огонь, затем уплотняется в воду и так далее.

И это должен был почувствовать ученик, когда в Мистерии Эфеса перед его душой проводили великую истину, проистекающую из его собственной речи:

Человек, говори, и ты
Открываешь через себя
Становление мира.

Да, это было именно в Эфесе, что когда ученик подходил к вратам Мистерии, его всегда наставляли таким изречением:

Человек, говори, и ты
Открываешь через себя
Становление мира.

А когда он выходил, это изречение давалось ему в другой форме:

Становление мира открывается
Через тебя, о человек,
Когда ты говоришь.

И ученик постепенно проникался чувством, как если бы он своим собственным телом, как покровов, обнимал мировую тайну, звучащую из его груди и живущую в речи.

Это давалось ученику как подготовка к собственно более глубокой тайне, Ибо через это ученик приводился в такое состояние, чтобы знать, что его собственное человеческое существо внутренне связано с мировой тайной. «Познай самого себя», — это изречение получало священный смысл тем, что не только теоретически произносилось, но могло быть внутренне торжественно пережито и прочувствованно.

И затем ученик, в определенной степени облагородивший и возвысивший таким образом себя как человека, чувствуя его как покров, объемлющий мировую тайну, мог быть введен в то, что расширяло мировую тайну в космические дали. И тут мы вспомним то, что выступило перед нашей душой вчера.

Я описал вам состояние мирового становления, в котором происходит следующее. В этом прошедшем состоянии мы имеем Землю. Мы знаем, что в Земле уже имеется, как существенное для этого этапа земного становления, все то, что мы встречаем в неосветленной извести, которую мы встречаем в Юре. В известняковых горах, в известняковых слоях Земли имеем мы то, что хотим тут рассмотреть. А Землю окружает то, что вчера мы назвали жидким белком. И мы знаем, что космические силы действуют в этом жидком белке таким образом, что этот жидкий белок сгущается в определенные формы. И мы слышали, что в то время, как в этом состоянии земного становления это имеет место в усиленной степени, все-таки это есть то же самое, что мы имеем сегодня, когда поднимаются дождевые испарения и текут вниз в виде воды. Известковое поднимается вверх, пронизывает то, что сгустилось в жидком белке, наполняет его таким образом, что оно получает костное в качестве содержимого, и мы имеем становление животного в ходе земного развития. Это животное до некоторой степени благодаря духовному,

которое живет в известковом, сводится вниз из еще белковообразной атмосферы.

Но я говорил кроме того еще и другое. Я говорил: Когда человек связывает себя с металлическим в Земле, то он чувствует все происшедшее тут как свое собственное существо, как воспоминание, имеющееся в нем самом. И на этой стадии он чувствует себя не маленьким человеком, запертым в своей коже, а чувствует, что он охватывает всю земную планету. И если бы я захотел рисовать это гротескно схематически, то я должен был бы сказать: человек вначале чувствует, главным образом, свою голову как бы охватывающей земную планету.

Процессы, описанные мной, человек чувствует как процессы, происходящие в нем самом. Но как он чувствует их в себе? Видели ли, все то, что я вам описал как поднятие известкового, соединение известкового со сгущенным белком, опять нисхождение, низведение животных существ на Землю, — все это переживает тогда человек таким образом, что он это слышит. Человек ведь внутренне переживает это. Вы должны только представить себе: человек переживает это внутренне. Он слышит это. Это образование, что здесь имеет место, когда известь наполняет сгусток белка, делает его костным, хрящевидным; то, что образуется тут, это воспринимается как бы в ушах, слышимо. Мировая тайна становится слышимой.

рис

В этом воспоминании, в этом металлическом порождении воспоминаний действительно воспринимают прошлое Земли так что то, что я вам описал, слышат, воспринимают в звучании. И внутри этого звучания ткнут и живут мировые события.

Да, но что же это, что слышат тогда? В чем открывается тогда мировое событие, в чем выражается его откровение? Оно открывает себя как слово мира, как Логос. Логос, мировое Слово звучит в подъеме и отливе известкового. И когда эту речь могут воспринимать в себе, тогда воспринимают еще и нечто другое. Ибо это становится для человека чем-то совершенно возможным.

Мои милые друзья, вот стоит человек перед человеческим или животным скелетом. Ведь то, что говорит об этом внешняя анатомия, является таким внешним, таким постыдно внешним по отношению к этим формам.

Что говорят себе, когда смотрят на этот скелет, имея внутреннюю связь с природной и духовной сущностью этого скелета. Тогда говорят себе: не просто смотри на это. Это ужасно — рассматривать просто так в своих формах то, что стоит перед нами как наш позвоночник с чудесно образованными, наложенными друг на друга позвонками, с ребрами, исходящими от позвоночника, сгибающимися и загибающимися вперед, с чудесно выраженным переходом позвонков в черепные кости, с более сложно воспринимаемым сочленением ребер, охватывающих грудь однообразно оформленными дугами, а затем резко расчленяясь, преобразуясь в кости рук и ног. По отношению к этой тайне скелета нельзя не сказать себе со всей определенностью, и это действительно говорят себе: Слушай все это; не просто смотри, а слушай, слушай, как одна кость превращается в другую. Ведь это — говорит.

Я позволю себе тут одно личное замечание, оно состоит в следующем. Нечто совершенно чудесное выступает перед человеком, который, имея ощущение для таких вещей, вступает в кабинет или музей естественной истории. Ибо это есть некое чудесное образование инструментов для грандиозного оркестра, которое симфонически звучит чудеснейшим образом, когда вы входите в подпольный музей. Однажды я ощутил это особенно глубоко, когда посетил музей в Триесте, и там, в результате особого расположения скелетов животных, сделанного инстинктивно, действительно одна за другой звучали на одном краю животных лунные

тайны, а на другом краю животных — солнечные тайны. И все в целом было пронизано звучащим Солнцем и звучащими планетами. Тут имеют чувствуют связь между этой живущей в извести костной сией, скелетом, и тем, что звучало некогда человеку из ткущей вселенной, звучало как мировая тайна и одновременно как его же собственная тайна.

Существа, возникшие прежде всего, животные существа, выказывали тем самым, чем они являются. Ибо в Логосе, в звучащей мировой тайне жило, ведь, существо этого животного. То, что воспринималось тут, не было двояким. Это было не так, что сначала воспринимались животные, а затем каким-то образом сущность животных. Становление и созидание животных в их собственном существе — вот то, что здесь говорило.

Видите ли, именно ученик эфесских Мистерий мог правилым образом — так, как этого требовали в той древности — принять в свою душу, в свое сердце то, что могло внести ясность о про-начале, где Слово, Логос ткал в качестве сущности вещей. Он мог вместить это, ибо был подготовлен для этого тем, что облагородил и поднял свою человечность — тем, что мог чувствовать себя покровом маленького отблеска той мировой тайны, которая лежала в его собственном речевом звучании.

рис

И теперь мы чувствуем, как становление мира некоторым образом с одного уровня перешло на другой. Присмотримся к этому. Тут в известковом мы имеем нечто, что все еще является жидким; оно поднималось вверх в виде тумана, текло вниз в виде дождя. Известковое было в жидком состоянии; при восхождении кверху оно превращалось в воздух, при опускании вниз превращалось в землю. Тут мы имеем воду, воздух, землю. Это одним уровнем ниже, чем в человеческом отображении: воздух, тепло, вода.

В то время в этом прасостоянии созидает вода: то есть жидкая известь утончается в воздух, уплотняется в землю, как ныне в гортани воздух утончается в тепло и уплотняется в воду. То, что жило в мире, поднялось из воды в воздух. Раньше оно жило в воде, уплотнялось в землю, утончалось в воздух. Оно поднялось в воздух, утончается в тепле, уплотняется в воду. Благодаря этому возможно то, что мы, люди, заключаем эту мировую тайну в малом. Когда это еще было большим, когда это было могучей Майей мира, тогда оно лежало одним уровнем ниже. Земля уплотнила все. Известь стала плотнее, и так далее. Мы бы не смогли укрывать ее, даже когда она поступала бы к нам в миниатюрном издании. Мы смогли сохранить ее только благодаря тому, что она поднялась на один уровень выше от воды к воздуху и тем самым совершает свои приливы и отливы в тепле и воде, которая теперь стала более плотной.

Таким образом то, что было великим миром, макрокосмической мистерией, стало микрокосмической мистерией человеческой речи. И на эту макрокосмическую мистирию, переведенную в майю, в большой мир, указывает начало Евангелия от Иоанна: «В начале был Логос. И Логос был у Бога. И Бог был Логос». Ибо это и было тем, что жило и созидало еще в традициях Эфеса, так что Евангелист, создатель Евангелия от Иоанна, мог прочесть в Акаша-Хронике Эфеса то, чего жаждало его сердце: подлинное облачение для того, что он хотел сказать человечеству как тайну становления мира. Однако, мы можем продвинуться еще на один шаг вперед. Мы можем вспомнить то, что мы говорили вчера: известковому предшествовало кремневое, которое выступает в кварце. В нем проявились растительные формы, как зеленеющие и отцветающие облачные образования. И если бы можно было тогда, как я говорил, выглянуть в космические дали, то увидели бы это становление животной сущности и это зеленеющее и отцветающее прарождение. Но ведь все это воспринималось как внутреннее. Это принималось как собственная сущность человека. Наряду с тем, что слышали, как нечто, живущее в самом себе, звучание животного

становления, наряду с этим могли внутреннее в некотором смысле следовать за тем, что слышали, как если бы в собственно человеческой голове, в человеческой груди вместе со словом восходили бы благодаря теплу вверх, чтобы постичь мысли; таким образом могли переходить с тем, что слышали, из животного становления, к тому, что переживали в растительном становлении. В этом и заключалось своеобразное: тканье и сущность животного становления переживали в испарении и в стекании вниз извести; и если затем продолжали поиски того, что было в кремниевом как зеленеющее и отзеленевшее, отцветающее растительное существо, тогда мировое Слово становилось мировой Мыслью, и растение в кремниевом элементе присоединяло мысль к звучащему слову. Переходили, до некоторой степени, на одну ступень выше, и к звучащему Логосу присоединялась мировая Мысль, подобно тому, как сегодня со звучащим в речи словом, — в то время как происходит волновое движение речи: огонь, вода, огонь, вода — в огне охватывается мысль.

Мои дорогие друзья, если вы сегодня исследуете, как приходят к болезненным состояниям, относящимся к головной системе внешних чувств и к системе внешних чувств вообще, то вы узнаете целящее действие кремниевой кислоты. И тут перед вами, внутри мировой тайны, кремнекислый элемент выступит как нечто, что в изначальных зеленеющих и отцветающих растительных формах является именно мыслительным элементом, о котором я вам, однако, мог бы сказать: это и есть восприятие, чувственное восприятие Земли по отношению к мирозданию.

В некоем удивительном образе в самом деле запечатлено микрокосмически в сегодняшнем человеке то, что находилось в макрокосмическом, что было становлением и созиданием мира.

Представьте себе, как жил тогда человек, жил все еще как единое с Космосом, в единении с Космосом. Сегодня, когда человек мыслит, он должен мыслить себя изолированным своей головой. Вот тут внутри наличествуют мысли, тут изнутри выходят слова. Вселенная находится снаружи. Слова могут обозначать только вселенную; мысли могут отображать только вселенную.

Однако, это было не так, когда человек был еще един с макрокосмическим; тогда переживал он вселенную в себе. Слово одновременно было и окружением; мысль была тем, что пронизывало и струилось через это окружение. Человек слышал, и это слышимое было миром, Человек глядел на слышимое, но он смотрел в себя самого. Слово сначала было звуком. Слово сначала было тем, что стремилось к разгадке. В возникновении животного выразилось нечто, что стремилось к разгадке. В виде вопроса возник животный мир в известковом. В кремниевое взирали внутрь: здесь растительный мир отвечал тем, что было им воспринято как чувственной сущностью Земли, и раскрывал загадку, которую задавал животный мир. Сами существа разгадывали взаимно друг друга. Одно существо, в данном случае животное, спрашивало другое существо, в данном случае растительное, давало на него ответ. И весь мир становился речью.

И можно уже сказать: Такова реальность начала Евангелия от Иоанна. Ибо мы прежде всего вернулись к праначалу всего того, что вообще существует теперь. В этом праначале, в этом принципе было Слово. И слово было у Бога. И Бог был Словом. Ибо оно было творческой сущностью во всем том.

И поистине это было так, что в том, чему о Пра-Слове учили именно в эфесских Мистериях, содержится то, что затем привело к началу Евангелия от Иоанна. И надо сказать, что обращение антропософов к этим тайнам, лежащим в недрах времен, весьма своевременно сегодня. Ибо, видите ли, именно то, что стояло тут на возвышении Дорнаха как Гетеанум, в определенном, совершенном прямом смысле стало центром антропософской деятельности. То, что живет в нас сегодня как скорбь, должно и впредь жить

скорбью в нас, и так будет для каждого, кто в состоянии почувствовать, чем должен был быть Гетеанум. Однако для того, кто в своем познании стремится высь к духовному, все то, что происходит в физическом мире, должно одновременно стать внешним отражением, образом более глубокого духовного. И если, с одной стороны, мы должны принять скорбь, то именно как люди, стремящиеся к духовному познанию, мы должны превратить то, что произошло в скорби, в повод, чтобы прийти к созерцанию открывающегося, идущего все глубже и глубже. Ведь Гетеанум был местом, где намеревались говорить, а часто и действительно все снова и снова говорили о тех вещах, которые связаны с началом Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Богом. И Бог был Словом».

И затем этот Гетеанум был поглощен огнем. И эта страшная картина пожара Гетеанума может быть поставлена перед нами. И из скорби может родиться требование — видеть все глубже и глубже, вглядываться в то, что все еще стоит перед нашей мыслительной силой: этот охваченный пламенем в новогоднюю ночь Гетеанум. И это есть хотя и болезненное, но ведущее во все большую глубину событие. То, что должно было быть основано в нем, и что поэтому подобно кое-чему рассказанному мной вчера и позавчера, связанное с Евангелием от Иоанна, — это соединилось со сжигающим и пожирающим пламенем. И это значительный, очень значительный импульс, мои дорогие друзья, который мы должны суметь воспринять: превратим это пламя в повод к тому, чтобы благодаря ему увидеть другое пламя, пламя, уничтожившее некогда Эфесский храм. И превратим это в требование иметь чувство для обоснования того, что содержится в начале Евангелия от Иоанна. Взглянем, воистину призванные этими горестными священными импульсами, назад от Евангелия от Иоанна к Эфесскому храму, который некогда тоже горел, и тогда в таком горестно горящем пламени Гетеанума мы будем иметь напоминание о том, что влилось в Акашу вместе с обжигающим пламенем Эфесского храма.

И разве и сегодня, мои милые друзья, обращая взор в ту ночь несчастья на уничтожающее пламя пожара Гетеанума, не видим мы в нем расплавляющиеся металлы музыкальных инструментов? Разве нет там этих, так громко и так свято говорящих плавающих металлов, именно музыкальных инструментов, вобранных в пламени самые удивительные цвета? Красно-коричневые цвета, говорящие о многом, цвета, которые стоят близко к метафизическому! И через соединение с металлическим возникло нечто как воспоминание в земном. Это воспоминание, его мы имеем в том, что сгорело вместе с храмом в Эфесе. И как эти два пожара, так и тоску, проникновение в слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Бог был Словом», можно соединить вместе с тем, что все снова и снова объяснялось ученику в Эфесе: Изучай человеческую тайну в малом слове, в Микрологосе, чтобы созреть для того, чтобы почувствовать в себе тайну Макрологоса.

Человек является Микрокосмом по отношению к миру, который является Макрокосмом; однако он несет также мировые тайны в себе. И мы проникнем в ту мировую тайну, которая лежит в Первых трех стихах Евангелия от Иоанна, когда в истинном смысле воспримем то, во что, наряду и со многим другим, уплотняется как в знаки письмен пламя Гетеанума:

(Имеются в виду трубы органа, который был установлен в 1-м Гетеануме над западным входом. (Прим. пер. .))

Созерцай Логос
В сжигающем пламени;
Найди разгадку
В доме Дианы.

Пламя Акаши новогодней ночи очень ясно высказало эти слова наряду со многим другим. И оно требует от нас, чтобы мы исследовали микрологос в микрокосме, чтобы человек таким образом пришел к пониманию того, из чего он состоит по своей сути: к пониманию Макрокосма через Микрологос.

Седьмая лекция
7 декабря 1923 г.

Места мистерий Гибернии

В прошлый раз я должен был рассказать вам об эфесских Мистериях Артемиды, чтобы обратить внимание на определенные связи между тем, что в течение развития человечества вырабаталось в качестве познания, и тем, что сегодня вновь может быть открыто посредством видения, созерцания в духовном мире.

Сегодня для того, чтобы добавить некоторые вещи, связанные с рассмотренными темами, я хотел бы поговорить о других Мистериях, которые некоторым образом стоят в начале новейшей духовной жизни, ибо они импульсировали эту новейшую духовную жизнь, хотя сами в свою очередь восприняли некоторые вещи из более древних духовных движений, в которых заключалась прамудрость людей. Сегодня я хотел бы поговорить с вами о тех Мистериях и импульсах, задающих в них тон, которые некогда существовали на ирландском острове, в Ирландии — на которые указывает и в моих «Мистериях»: О местах Мистерий Гибернии.

Значительно труднее из того, что я часто называл в моих сочинениях Акаша-хроникой, найти подход к этим местам Мистерий Гибернии, к многоизучаемому острову на Западе Англии; намного сложнее приблизиться в обратном узрении к картинам, сохранившимся от них в вечной хронике, чем к картинам, которые остались от других мест Мистерий. Ибо приближаясь в узрении именно этих мест Мистерий, получают впечатление, что разряды этих Мистерий снабжены необычайно сильными отталкивающими силами, отталкивающими даже тогда, когда, мог бы я сказать, к этим вещам приближаются с определенным мужеством, благодаря этому мужеству в меньшей степени поддаваясь их ослепляющему действию; эти Мистерии противопоставляют узрению, полному мужества, противодействие, выражающееся, я бы сказал, в некоего вида оглушении. Так что только через препятствия, сопутствующие познанию, можно подойти к тому, что я хочу тут описать. В последующих лекциях вы увидите, почему именно тут имеются такие препятствия для познания.

Конечно, и в этих Мистериях были приводящие к посвящению посвященные, воспринимавшие древнейшую прамудрость человечества и побуждаемые и импульсируемые этой прамудростью к достижению некоторого рода собственного узрения. И были ученики, посвящаемые, которые именно через особый вид посвящения, практикуемый там, приводились, так сказать, к Мировому Слову. Если же мы посмотрим на те приготовления, которым подвергались вначале посвящаемые там, в Гибернии, то увидим, что это приготовление состояло из двух вещей. Первое состояло в том, что этиготавливаемые душевно подводились ко всем трудностям познания вообще. Все то, что может быть названо, я бы сказал, муками пути познания, того пути познания, что еще не вступает в глубины бытия, а состоит просто в предельном напряжении обычных душевных сил, имеющих в повседневном знании, эти трудности, даваемые на подобном пути познания обычному сознанию, близко подводились к душевному учеников. Они должны были пройти через все сомнения, все муки, всю внутреннюю борьбу и частые крушения в этой внутренней борьбе, через разочарования, скажем мы, также еще и при лучшей логике и диалектике.

Они должны были пройти через все, что может быть пережито в трудностях, когда уже действительно однажды достигнуто познание и затем хотят дать этому выражение.

Вы почувствуйте, мои милые друзья, что это совершенно разные вещи: достичь познания и выразить его, сформулировать его. Ведь всегда, когда серьезно идут по пути познания, имеют чувство, что то, что можно внести в слова, это, собственно, уже не совсем является истинным, а есть нечто,

охватывающее истину всевозможными подводными камнями и капканами.

Все то, что можно пережить при этом, что знакомо только тому, кто действительно вступал в борьбу за познание, все это приближалось к ученикам.

А затем второе, к чему подводились они, состояло в том, что они опять-таки душевно узнавали, сколь мало может способствовать, собственно, то что может стать познанием на пути этого обыкновенного сознания, человеческому счастью, как мало счастья могут дать человеку логика, диалектика, риторика. А с другой стороны, этим ученикам разъяснялось, что человек, если он хочет держаться прямо в жизни, должен приблизиться к чему-то, что ему каким-нибудь образом принесет радость, счастье. И так их подводили, с одной стороны, близко к одной пропасти, а с другой стороны близко к другой пропасти, и постоянно давали повод к сомнению, как бы вынуждали ждать, пока ими не будет построен некий мост через каждую такую пропасть в отдельности. И они уже настолько сильно посвящались в сомнения и трудности познания, что когда от этого приготовления подводили к действительным подступам мировых тайн, они приходили к решению: если это нужно, мы откажемся от познания, откажемся от всего того, что не может принести человеку счастье. В этих древних Мистериях было обязательно чтобы люди подвергались таким сильным испытаниям и чтобы они действительно подводились к тем пунктам, где они в самом естественном элементарном роде развивали чувства, которые обыкновенный филистерский рассудок конечно считает необоснованными. Однако, легко

Сказать: «Ведь никто из людей не захочет отказаться от познания; само собой разумеется, что иметь познание захотел бы каждый человек, каких бы это ни стоило усилий!». Однако, это говорят люди, не знающие таких трудностей, не вводившиеся систематически в эти трудности в отличие от этих учеников Мистерий в Гибернии. И с такой же легкостью говорят с другой стороны: «Надо отказаться от внутреннего счастья, и идти только путем познания». Но для человека, знакомого с действительным положением дел, оба эти выражения, встречающиеся так часто, являются чем-то совершенно филистерским.

Тогда же, когда ученики были подготовлены до указанной степени, они подводились к двум колоссальным статуям, к двум высоким, громадным, величественным статуям. Одна из них была более величественной благодаря своей внешней пространственной величине; другая же была столь же большой, но особенно впечатляла благодаря особому образу, который она представляла. Одна статуя имела мужской облик, другая — женский.

Перед этими статуями ученики должны были по своему приблизить Мирового Слова. Определенным образом обе эти статуи должны были стать для них внешними буквами, которыми они должны были начать расшифровывание мировой тайны, предстоящей перед людьми.

Одна статуя, мужская была из совершенно эластичного материала. И она была такой, что можно было нажимать на нее в любом месте. И учеников побуждали нажимать на нее везде. Благодаря этому для них выяснилось, что она была полой. Следовательно, по существу, она была лишь оболочкой статуи, но из совершенно эластичного материала, так что после нажатия форма статуи тотчас восстанавливалась. Над этой статуей, над головой этой статуи, которая была особенно характерна, было нечто, что изображало как бы Солнце. Вся голова была такой, что видели, что она должна была, собственно, быть вся как душевное око; и в качестве душевного глаза она должна была микрокосмически представлять содержание всего Макрокосма. Но посредством Солнца должна была быть выражена эта манифестация всего Макрокосма в этой колоссальной голове.

Естественно, тут я не смогу быстро нарисовать обе эти статуи, я только набросаю их схематически. Такой была, следовательно, одна статуя, от которой получали такое непосредственно впечатление: тут Макрокосм

действует посредством Солнца, образует человеческую голову, которая знает, каковы импульсы Макрокосма, которая внутренне и внешне образует себя в соответствии в этих импульсами Макрокосма.

Другая статуя была такова, что взгляд ученика падал в первую очередь на нечто, что было составлено из некоего рода светлых тел и выявляло луч, идущий вовнутрь. И в этом обрамлении ученик видел затем женский облик, который находился всецело под влиянием этих излучений. И он получал чувство, что голова порождена из этих излучений. Голова содержала в себе нечто неясное. Эта статуя была из другой субстанции.

Она была из субстанции пластичной, не эластичной, а пластичной, и необычайно мягкой. Ученикам предлагали нажать также и на эту статую. И где бы он ни нажимал — всюду оставалась вмятина. Так что всегда между одним испытанием ученика и следующим его приходом оставленные им вмятины оказывались снова восстановленными. Следовательно, всегда, когда ученики при соответствующей церемонии подводились к этой статуе, статуя бывала совершенно восстановленной. В другой эластичной статуе все восстанавливалось само собой.

рис

Вторая статуя была такой, что получали впечатление: она вся стоит под влиянием лунных сил, которые пронизывают организм и которые обуславливают вырастание головы из этого организма. Ученики получали необычайно сильное впечатление от того, что они тут переживали. Эта статуя постоянно восстанавливалась для них. И они часто группами, через не очень длинные промежутки времени, подводились к этой статуе. Когда они подводились к этой статуе, то сначала вокруг царил безмолвная тишина. Их вели до самой этой статуи уже посвященные; потом их оставляли, врата Храма закрывались за ними; они предоставлялись своему одиночеству.

Затем наступало время, когда каждый ученик вводился в храм один и сначала побуждался к изучению статуи, чтобы почувствовать тут эластичное, а у другой статуи — пластичное — в котором его нажатия оставались в виде отпечатков. Затем его оставляли одного с впечатлениями, которое, могущественно действовало на него, чрезвычайно могущественно. И через все то, что он уже раньше пережил на пути, указанном мной, переживал ученик все трудности познания, я бы сказал, все трудности блаженства. Да, такие переживания означают больше, чем это может быть выражено простыми словами, в которых я это теперь характеризую; такое переживание означало, что проходили через высокую шкалу ощущений. И эти ощущения вызвали то, что ученик переживал живейшее стремление, когда его приводили к обеим этим статуям, как-то разрешить в своей душе, преодолеть то, что являлось ему великой загадкой, понять, что же, собственно, хочет это загадочное: с одной стороны, загадочность того, что с ним вообще проделывали такое, а с другой стороны, загадочность, заключающаяся в самих этих фигурах и в его собственном отношении к этим фигурам. Все это действовало глубоким, необычайно глубоким образом на учеников. И перед этими статуями они всей своей душой и всем своим духом становились, собственно, колоссальным вопросом. В своем душевном переживании они сами себе представляли в виде колоссального вопроса. В них все было вопросом. Рассудок спрашивал, сердце спрашивало, воля спрашивала — все, все спрашивало. На этих вещах, которые наглядно проводились в древности — ныне же невозможно, да и не нужно, чтобы человек приводился к посвящению таким наглядным образом — на этих вещах может нынешний человек узнать, какую шкалу ощущений нужно пройти, чтобы действительно приблизиться к истине, вводящей в тайны мира. Ибо хотя для теперешнего ученика является правильным пройти через такие вещи на внутреннем, внешне невидимом пути развития, однако все же остается существенным, чтобы и современный ученик прошел через ту же

шкалу ощущений, должен был бы перебороть в себе те же ощущения посредством внутренних медитативных переживаний. Итак, сама шкала ощущений может быть познана на том что совершалось в тех древних временах, внутри внешнего культообразного людьми, которые должны были достичь посвящения. Затем, когда все это было уже проделано, учеников проводили через некоего рода испытательный период, в котором обоюдно могло действовать, с одной стороны, то, что они пережили раньше при подготовке на пути обычного познания и счастья, и то, что в них стало великим вопросом всей души, всего человека. Это теперь должно было действовать совместно.

И теперь, в то время, как их внутреннее воспринимало это совместно, в то время, как в их внутреннем наличествовало это совместное воздействие, тогда — насколько это было возможно в то время — передавались им мировые тайны о Микрокосме, о Макрокосме, нечто о тех связях, которые как раз затрагивались нами в наших лекциях и которые составляли содержание Мистерий Артемиды в Эфесе. Часть всего этого давалась в течение испытательного срока. Вследствие этого еще выше вздымалось то, что было великим вопросом в душе такого ученика. Так что ученик, я бы сказал, в этой форме вопроса, посредством чрезвычайного углубления, проделываемого душой в этом переживании, в этом чрезвычайном переживании действительно приводился к духовному миру. Он действительно входил со своим ощущением в ту область, которую переживает душа, когда она чувствует в себе самой: Теперь я стою перед Силой, охраняющей порог.

В древние времена человечества существовали разные виды Мистерий, и разнообразнейшим образом подводились люди к тому, что нужно почувствовать, когда затем это чувство вмещают в слова: теперь я стою на пороге духовного мира. Я знаю, почему этот духовный мир охраняется от обычного сознания, и в чем, собственно, состоит сущность охраняющей Силы, Стража Порога.

И после прохождения через этот испытательный срок, учеников повторно подводили к этим статуям. И тогда они получали совершенно примечательное впечатление. Тогда они получали впечатление, которое потрясало все их внутреннее. Это впечатление я могу оживить для вас только таким путем, что передам современным немецким языком то, что было употребительно в том древнем языке.

Когда ученики были уже продвинуты настолько, как я показал вам, тогда вновь каждый в отдельности они подводились к статуям. Однако теперь посвящающий жрец, инициатор, оставался в

Храме. И теперь ученик, после того, как он вновь в безмолвной тишине мог внимать тому, что могла ему сказать собственная душа, после всех этих подготовлений и испытаний, длившихся долгое время — теперь ученик видел своего посвящающего жреца как бы поднимающимся над головой одной фигуры. И тогда казалось, что Солнце было дальше позади, а в пространстве между Солнцем и статуей появлялся жрец, как бы заслоняя собою Солнце. Статуи были очень большими, так что жрец, имевший гораздо меньшие размеры, выступал над статуей лишь своей головой несколько закрывая солнце; в остальном он был закрыт статуей. И тогда, как бы действуя из музыкально-гармонического — музыкально-гармоническим начиналась церемония, начинала звучать речь инициатора. И ученику на этой стадии развития казалось, что слова, звучащие теперь из уст инициатора, говорились статуей. А именно, встречу ему звучали следующие слова:

Я есмь образ Мира,

Смотри, как мне недостает бытия.

Я живу в твоём познании,

В тебе я становлюсь отныне убеждением. И, как вы можете себе представить, это снова производило сильное впечатление на ученика. Ибо он был подготовлен к тому, чтобы пережить ту силу, которая выступала ему

навстречу в образе этой статуи и которая говорила о себе: Смотри, как мне недостает бытия. Я емь образ мира. Я живу в твоём познании.

Благодаря тому, что было подготовлено в ученике в отношении трудности обыкновенного пути познания, он был до некоторой степени также подготовлен воспринять этот образ в качестве того, что освобождало его от этих трудностей, хотя он и не мог победить в себе сомнения в познании. И он приводился к ощущению, что он не может победить эти сомнения познания. После прохождения всего этого через душу, он был внутренне готов ухватиться всей своей душой за этот образ, жить с тем, что было Мировой Силой, символизированной в этом образе, так сказать, передать себя ей. К этому он был готов, когда воспринимал то, что теперь исходило из уст жреца, что представало так, как будто статуя была буквой, представляющей ученику этот смысл, заключенный тут в этих четырех строках.

После того, как жрец снова спускался вниз и выходил из-за статуи, ученик вновь был погружен в безмолвную тишину и оставался один, а через некоторое время являлся второй инициатор. Он появлялся над второй статуей. И снова, как из музыкально-гармонического, звучал голос жреца-инициатора и звучали слова, которые я могу передать вам таким образом:

Я емь образ Мира,

Смотри, как мне недостает истины.

Если ты отважишься жить со мной,

Я стану твоей отрадой.

И теперь, после всех подготовлений, после того, как ученик приводился к тому, чтобы тосковать по внутреннему счастью, по внутренней полноте — вместо счастья лучше было бы сказать: исполненная радости внутренняя полнота, поскольку слово счастье в немецком не содержит в точности нужного смысла — теперь, пришедши через все пережитое к тому, чтобы чувствовать необходимость для человека в этой радостной внутренней полноте, теперь ученик был вновь готов, внимая второй статуе, был не только почти готов, а был действительно готов рассматривать Мировую Силу, говорящую через эту вторую статую, как то, чему он хотел предаться.

Инициатор снова исчезал. Вновь оставался ученик один. И во время этой одинокой тишины каждый чувствовал нечто — по крайней мере казалось, что каждый чувствовал это — нечто, что пожалуй можно выразить в следующих словах: я стою у порога Духовного мира. Тут, в физическом мире, нечто называют познанием, однако, это не имеет, собственно, никакой цены в духовном мире. И то, что тут в физическом мире с ним связаны затруднения, это есть лишь физическое отображение никчемности познания, которое может быть достижимо в этом мире для сверхчувственного, для Духовного мира. И подобным же образом имел ученик ощущение: многое тут в физическом мире говорит нам: Ты должен отделиться от внутренней радостной полноты, следуя по аскетическому пути, чтобы войти в духовный мир. Однако несомненно это — иллюзия, это ошибка. Ибо то, что является в этой второй статуе, ясно говорит: Смотри, как мне недостает истины.

Следовательно, ученик был близок к тому, чтобы на пороге познания прийти к общению, что внутренняя радостная полнота души должна быть достигнута исключением того, что слабому, привязанному к физическому телу человеческому стремлению, представляется возделенным как истина — тут, в физическом мире. Ученик уже имел ощущение, что по ту сторону порога все выглядит иначе, чем по эту сторону, и что многое из того, что тут, по эту сторону порога, является ценным, становится ничемным по ту сторону порога, и что даже такие вещи, как познание и истина, выглядят совершенно иначе по ту сторону порога.

Все это были ощущения, отчасти вызывавшие в ученике ощущение, что он находится уже выше некоторых ошибок и разочарований физического мира. Однако, тут были и ощущения, подобные действующему огненному пламени. Так что чувствовали себя как бы раненными внутренним огнем, как

бы внутренне уничтоженными. И душа колебалась от одного ощущения к другому и обратно. И ученик испытывался, так сказать, на весах познания-счастья. И когда он внутренне переживал это, ему начинало казаться, что говорят сами статуи. Он достигал теперь некоего, как бы внутреннего слова, и было так, что как бы сами статуи говорили.

И вот что говорила одна статуя:

Я есмь познание.

Однако, чем являюсь я, не является бытием.

И теперь ученик получал, я бы сказал, всецело излучающее ужас чувство: Все те идеи, которые имеет человек, есть только лишь идеи, в них нет никакого бытия. Если напрячь человеческую голову — такое ощущение было у ученика — то, хотя и приходят тогда к идеям, однако бытия нет нигде. Идеи являются видимостью, а не бытием.

А другая статуя также была как бы говорящей; она говорила: Я есмь фантазия, Однако то, чем я являюсь, не является истиной.

Так вставляли перед Учеником две статуи: одна из них воплотившая в себе для него то, чем являются идеи без бытия, а другая — образы фантазии без истины.

Прошу вас, поймите это правильно. Тут дело не в том, чтобы давать догмы, и не в том, чтобы высказывать положения, как то выражающие истины или познания, а в том, чтобы передать переживания учеников из святилищ Гибернии. Дело в том, чтобы передать переживания этих учеников. Не смысл приведенных выше предложений должен быть оповещен в качестве истины, а то, что в этот момент инициации переживали ученики Мистерий Гибернии — вот это именно и должно было быть зафиксировано.

И все это переживал каждый ученик в абсолютном одиночестве. Его внутреннее переживание было настолько сильным, что его внешнее зрение переставало действовать. Оно уже не действовало. Через некоторое время он уже не видел статуи. Но в том Месте, куда он смотрел, он читал начертанное как бы огненными письменами нечто, не бывшее внешне-физическим, однако видимое им с потрясающей ясностью. Там, где он раньше видел голову статуи познания, он читал слово Наука, а там, где он видел голову другой статуи, он читал слово Искусство.

И после того, как он воспринимал это, его вели в выходы из Храма. У храма стояли вновь оба инициатора. Один брал его за голову и поворачивал ее по направлению к тому, на что указывал второй инициатор: на образ Христа. И поэтом произносились слова призыва. Один жрец, показывающий ему образ Христа, говорил ему:

Восприми Слово и Силу этого Существа

В твое сердце.

А другой жрец говорил:

И получи от него то.

Что хотели тебе дать обе фигуры:

Науку и искусство.

Это было, так сказать, первыми двумя актами Гибернийского посвящения — тем особым способом, которым ученики в Гибернии приводились к действительному ощущению внутреннего существа христианства.

И это глубоко отпечатлевалось в душах этих учеников. И теперь после того, как они отпечатлевали это в своей душе, они могли идти дальше по пути познания.

То, что нужно и можно сказать об этом пути познания, мы рассмотрим в ближайшие дни в связи с другими вещами.

Восьмая лекция

8 декабря 1923 г.

Сущность гибернийских мистерий

Из вчерашних рассмотрений вы увидели, что посвящение гибернийских

Мистерий нацелено на действительное прозрение в тайны мира и человека, ибо внутренний душевный опыт, о котором я говорил, имел решающий характер для душевной и сердечной жизни человека. И, собственно, все, что должно приводить на путь в духовный мир, покоится на том, что человек на основе особенно острых внутренних переживаний приходит к определенным преодолениям, значительно укрепляющим его силы, и благодаря этому тем или иным способом проникает в духовный мир.

Мы видели ведь, что при посвящении в Гибернии посвящаемый стоял перед двумя символическими — это слово надо понять правильно — статуями. И я вам рассказал, во-первых, какие свойства имели эти статуи, а во-вторых, через какие ощущения и внутренние душевные переживания проводился ученик при созерцании этих статуй.

Одно вы должны уяснить себе: впечатление, получаемое от таких величественных статуй при тех условиях, какие я вам обрисовал, ни в коей мере не сравнится с тем впечатлением, которое получают от описания этих вещей; это внутреннее, чрезвычайно сильное впечатление. Поэтому посвящающие, после всего того, что переживал ученик — это я рассказывал вчера — могли дать пережитому, испытанному перед каждой отдельной статуей, продолжать звучать в учениках в течение долгого времени. Ученика просто останавливали на том, чтобы в нем звучало то, что он пережил у мужской и у женской статуи. Неделями — в соответствии с кармой человека эти вещи протекают по-разному, у одних дольше, у иных короче — ученика задерживали на том, чтобы сначала прочувствовать отголосок мужской статуи. Испытания, о которых я говорил вчера, сначала проводились у обеих статуй, ибо в дальнейшем душевной жизни ученика должно было слиться воедино то, что в итоге исходило от обеих статуй. Однако все же ученика задерживали на том, чтобы сначала совершенно интенсивно звучало в нем впечатление от мужской статуи. И я опишу вам это впечатление так, как оно звучало в ученике. Конечно, при этом мне придется употреблять слова, совершенно неприспособленные для подобного посвященного переживания; поэтому вещи, выраженные тут в словах, должны быть прочувствованы в соответствии с их действительным внутренним значением.

Первое, что теперь переживал ученик, отдаваясь впечатлению мужской статуи, было неким родом душевного окоченения, действительного душевного окоченения, устанавливающегося все больше и больше по мере того, как он переносился во времена, в которых он должен был дать зазвучать этим вещам: некое душевное окоченение, ощущаемое также и как телесное окоченение. Ученик мог в промежутках заботиться о самом необходимом для жизни, однако, он все снова и снова переходил в своей душе в этот отзвук и переживал тогда это окоченение.

Это окоченение — оно было непременно неким посвящением, еще очень сильным, хотя уже и не совсем напоминавшим древний стиль прамистерий — это оцепенение приводило его к изменению его сознания. Нельзя сказать, что сознание притуплялось, однако оно становилось таким, что ученик чувствовал: Состояние сознания, в которое я перехожу, является для меня совершенно непривычным. Я, собственно, сперва не могу управлять им, я ничего не могу поделать с ним. И поэтому ученик чувствовал, собственно, только то, что все это состояние сознания преисполнено ощущением оцепенения. Затем, однако, было так, как если бы ученик ощущал, что нечто, бывшее в нем окоченевшим — следовательно, собственно, он сам — воспринималось вселенной; он чувствовал себя как бы перемещенным в просторы вселенной, И он мог сказать себе: вселенная восприняла меня.

А затем наступало — это было не потерей сознания, а неким изменением сознания — затем наступало нечто совершенно особенное. Когда ученик достаточно долгое время — а чтобы это длилось достаточно долго, об этом должны были позаботиться его инструкторы — переживал этот род оцепенения, эту восприимчивость вселенной, тогда он говорил себе примерно

следующее: солнечные лучи, лучи звезд притягивают меня, втягивают меня во всю вселенную, но я остаюсь все же сосредоточенным в себе. Когда ученик действительно долгое время переживал это, он затем приходил к примечательному зрелищу. Теперь он первым делом знал, к чему было это сознание, наступавшее уже во время оцепенения — ибо теперь, в соответствии со своими переживаниями, созвучными с тем или иным, он получал разнообразнейшие впечатления в виде зимних пейзажей. Зимние ландшафты были перед ним в духе, ландшафты, в которых он видел круговорот снежных хлопьев, наполняющих воздух — все, как было сказано, он видел в духе — или ландшафты, где он видел леса с отяжелевшими от снега ветвями деревьев и т. п. — вещи, созвучные тому или иному виденному им в жизни, оставляющие, однако, всегда впечатление действительного. Таким образом, после того, как он был воспринят вселенной, он ощущал себя так, словно его собственное сознание начаровывало перед ним целые путешествия во времени через зимние ландшафты. И при этом он ощущал себя так, как если бы он был не в своем теле, а в своих органах чувств; он ощущал свое существо в своих глазах, он ощущал свое существо в своих ушах, он ощущал свое существо также на поверхности своей кожи. Тогда, в особенности, когда все внешние органы чувств, все осязание он ощущал расширенными на поверхности своей кожи. Тогда он чувствовал также следующее: я уподобился эластичной, но поллой статуе. И он ощущал внутреннюю общность, например, своих глаз с этими ландшафтами. Он ощущал в каждом глазу как бы действующим целый ландшафт, обозреваемый им, как бы отовсюду воздействующим на этот глаз, словно глаз являлся неким внутренним зеркалом для того, что являлось там снаружи. Но вот что еще ощущал он: он ощущал себя не как единство, а чувствовал свое «я» умноженным на столько, сколько он имел органов чувств. Он чувствовал свое «я» двенадцатиричным. И в результате того, что он ощущал это «я» двенадцатиричным, у него появилось такое совершенно особенное переживание, что он говорил себе: Здесь находится «я», которое смотрит через мои глаза. Здесь находится «я», оно действует в моем чувстве мышления, в моем чувстве речи, в моем осязании, в моем чувстве жизни. Я, собственно, являюсь расщепленным в мире. — Исходя из этого возникла живая тоска по общению с существом из Иерархий Ангелов, чтобы в этом соединении с существом из Иерархии Ангелов получить силу и власть овладеть этой расщепленностью «я» на разрозненные переживания внешних чувств. И исходя из этого, из всего этого в «я» возникло переживание: для чего имею я мои органы чувств?

И выявлялось нечто совершенно особое, так что ученик теперь ощущал: все, что связано с внешними чувствами и продолжением внешних чувств внутрь, во внутреннее человека — все это состоит в родстве с фактическим окружением, которое ученик имеет на земле. Внешние чувства принадлежат зиме, — вот то, что чувствовал ученик. И во всей этой жизни, которую он переживал тогда, в изменяющихся зимних ландшафтах, которые, как мы говорили, были созвучны тому, что он видел в жизни, но которые ему сияли с большей красотой навстречу из духовного, — из всех этих переживаний брал ученик некое общее настроение своей души. Этот общий строй души содержал следующие части:

Я в моем зимнем мистериальном странствии пережил то, что действительно происходило во вселенной. Снежные и ледяные Массы моей волшебной зимы показали мне, какие умертвляющие силы действуют во вселенной. Я познал импульс уничтожения, действующий во вселенной. И мое оцепенение, испытанное мной на пути зимнего мистериального странствия, было возвещением о том, что я должен всмотреться в то, что существует во вселенной как силы, идущие из прошлого в настоящее, пребывающее, однако, в настоящем как мертвые мировые силы.

Это передавалось в первую очередь ученику посредством звуков

пережитого им у мужской статуи.

Затем его приводили к тому, чтобы иметь в себе отзвук переживаний от пластичной, а не эластичной статуи. И теперь он впадал не во внутреннее оцепенение, а во внутренний жар, в лихорадочное состояние, действующее таким образом, что вещи, которые могли столь сильно воздействовать на душу — ибо таковыми они именно и являются внутренне начинались настоящим телесным комплексом симптомов. У ученика было чувство, как будто что-то давило внутренне, сдавливало дыхание, кровь давила во все стороны. В огромный ужас приходил ученик, прямо-таки в некое глубоко внутреннее душевное смятение. И затем в этом глубоком внутреннем душевном смятении открывалось другое, что надлежало ему пережить. И было так, что из душевного страдания рождалось нечто, что можно было бы передать следующими словами:

Я имею в себе нечто, что потребно моей телесности в обычной земной жизни. Это должно быть преодолено. Мое земное «я» должно быть преодолено. — Это жило сильно в сознании ученика.

Затем, когда он достаточно долгое время переживал эту внутреннюю горечь, эту внутреннюю стесненность, это чувство, что нужно преодолеть земное «я», тогда раскрывалось в нем нечто, о чем он знал, что это есть не прежнее состояние сознания, а хорошо ему знакомое состояние сознания, состояние сознания при сновидениях. В то время как при первом состоянии, происшедшем из оцепенения, имелось ясное чувство, что он находился в таком состоянии сознания, которого он не знал в обычной жизни, теперь он знал это состояние сознания: это есть род сновидений. Он видел сон; но в противоположность тому, что он видел во сне прежде, теперь, в созвучии с тем, что было им пережито прежде, он видел во сне летние удивительнейшие ландшафты. Однако он знал, что это были сны, сны, охватывающие его внутренне интенсивной радостью или интенсивной болью, смотря по тому, что приближалось к нему из этого летнего существа, радостное или горестное; это захватывало именно так, как захватывают сновидения. Вам надо вспомнить, на что способен сон, выступающий прежде всего в образах, от которых вы просыпаетесь, просыпаетесь с бьющимся сердцем в жару, в страхе. Это внутреннее волнение, эту охваченность совершенно элементарным, само собой разумеющимся образом объяснял ученик так, что он говорил себе: Моя внутренняя сущность представила лето как сновидение веред моим сознанием — лето как сон.

В то же время ученик теперь знал: то, что как волшебное лето в непрерывных видоизменениях являлось или является перед его сознанием, есть как бы импульсы в далекое будущее вселенной. Но теперь он не ощущал себя, как раньше, разложенным в своих внешних чувствах и умноженным; нет, теперь он ощущал себя действительно сведенным в единстве; он ощущал себя как бы сфокусированным, сосредоточенным в своем сердце. И это является кульминацией, наибольшим усилением того, что он переживал: эта сосредоточенность в своем сердце, эта внутренняя охваченность и чувство своего родства во внутренней человеческой природе не с летом, которое видят внешне, а со сновидением о лете. И верным образом говорил себе ученик: В том, что дает сновидение о лете, в том, что я внутренне переживаю, в моей человеческой сущности, в этом лежит будущее.

И когда учеником это было уже проделано, тогда приходило к нему такое переживание, что оба состояния следовали одно за другим. Скажем, он смотрел на ландшафт, состоящий из полей, прудов и маленьких озер. Он всматривался в лед и снег, и это превращалось в кружащийся, падающий снег, как бы туманные снежные хлопья, которые все утончались и утончались и, наконец, таяли, превращаясь в ничто. В тот миг, когда они таяли, превращаясь в ничто, где он чувствовал себя до некоторой степени в пустом мировом пространстве, в тот миг их место заступали летние сновидения. И ученик сознавал: теперь в моей собственной душевной жизни соприкасаются

прошлое и будущее.

И с этих пор ученик был научен смотреть на внешний мир и говорить себе, теперь из этого внешнего мира истину, остающуюся ему всегда для будущего: В этом мире, который нас окружает, в этом мире, из которого имеем мы нашу внешнюю телесность, — этом мире нечто постоянно отмирает. И в снежных кристаллах зимы имеем мы внешние знаки постоянно умирающего в материи духа. Мы сами, как люди, еще не способны полностью чувствовать этот умирающий дух, верно символизирующийся во внешней природе в снеге и во льде, если этому не предшествует Посвящение.

Если же оно уже имело место, то тогда знают: постоянно умирает в материи дух, возвещая о себе в застывающей и застывшей природе. Тут постоянно действует ничто. И из этого ничто рождается в первую очередь нечто, как сны природы. А сны природы содержат зародыши мирового будущего. Однако, мировая смерть в мировое рождение не соприкасалось бы, если бы человек не стоял между ними. Ибо если бы человек не стоял между ними как я говорил, я просто описываю опыт, который внутренне про. ходил ученик гибернийского посвящения, — если бы человек не стоял между ними, тогда действительные события, в которые вошел ученик посредством нового сознания, рожденного из оцепенения, стали бы некоей действительной мировой смертью, и сновидение не следовало бы за мировой смертью. Никакое будущее не возникло бы в противовес прошлому. Сатурн, Солнце, Луна, Земля были бы; но не Юпитер, Венера и Вулкан. Чтобы это будущее Космоса присоединилось к прошедшему, для этого должен был человек стоять между прошедшим и будущим. Все это ученик просто знал из того, что он переживал.

И что было так пережито учеником, теперь это подытожилось для него его инициаторами. А именно, первое состояние — когда он проходил через оцепенение, когда он чувствовал себя как бы всасываемым вселенной — подытоживалось его инициаторами в словах, которые я могу передать вам на немецком языке следующим образом:

В далях должен ты учиться,
Как в синеве далее эфира
Сперва мировое бытие исчезает,
А в теле вновь себя находит.

В этих словах в самом деле подытоживались пережитые ощущения. Затем для него подытоживались ощущения второго состояния, вызванного действием второй статуи:

В глубинах должен ты разгадать
Из жаро-лихорадочного зла.
Как возгорается истина
И через тебя обосновывается в бытии.

Обдумайте, мои дорогие друзья, что на том этапе, который я вам описал вчера в конце лекции, ученик отпускался со словами, возникавшими на месте обеих статуй, со словами: Наука, Искусство. И Наука стояла на месте той статуи, которая говорила: я есмь познание, но мне недостает бытия. А Искусство писалось на месте той статуи, которая говорила: я есмь фантазия, но мне недостает истины. И ученик имел пережитым всю тяжесть, страшную внутреннюю тяжесть; он, собственно, будучи как бы внутренне душевно исполненный страстного желания, выбрал уже другое, вместо познания. Ибо ему было совершенно ясно, что познание, достигаемое на земле, является только идеями, только образами, оно лишено бытия. Теперь он переживал отголоски. И из этих отголосков он узнавал, что человек должен найти бытие из того, что он имеет в познании в то время, когда он теряет себя в мировых далях.

В далях должен ты учиться,
Как в синеве далее эфира
Сперва мировое бытие исчезает,

А в тебе вновь себя находит.

Ибо это было в действительности ощущением: он устремляется некоторым образом вовне, в дали эфира, окруженные синевой просторы, и, наконец, человек соединяется с этой синевой дальних просторов. Но тогда то, что было землей, так рассеивается в далях, что превращается как бы в ничто. И учились ощущать ничто из созерцания волшебного зимнего ландшафта. И теперь знали, что только человек может сохранить себя в этих просторах, ведущих вплоть до голубых эфирных далей.

А, во-вторых, человек исследовал, как он находит в своих собственных глубинах то, что ему надо преодолеть, что он должен рассматривать как именно в человеке коренящееся и из человека проистекающее зло, которое должно быть преодолено импульсами добра в человеческой природе, чтобы мир имел будущее:

В глубинах должен ты разгадать

Из жаро-лихорадочного зла,

Как возгорается истина

И через тебя утверждается в бытии.

Склонность фантазии не иметь истины, даже склонность к тому, чтобы удовлетворяться отношением к миру, не заключающему в себе истины, а протекающему в произвольных образах субъективного — эта склонность была пережита учеником. Ныне же из снотворно-волшебного лета он получал прозрение: Я могу вынести в мир то, что встает во мне, как творящая во мне фантазия. Из моего внутреннего, как образы фантазии, вырастают имажинации, имажинации растений. Если я имею только образы фантазии, я остаюсь чужд тому, что меня окружает. Если же я имею имажинации, тогда из моего внутреннего вырастает то, что я затем нахожу в тех или иных растениях, в тех или иных животных, в том или ином человеке. Все, что я нахожу во внутреннем, совпадает с чем-нибудь, находящимся вне меня. И для всего, что мне встречается во внешнем, из глубин моей собственной душевной жизни поднимается что-нибудь, что с ним связано, что с ним совпадает.

Такая двойная связанность с миром — вот что действительно внутренне грандиозным ощущением стояло перед учеником, как отзвук обеих статуй. И ученик действительно учился таким способом, с одной стороны, я бы сказал, духовно расширять свою душу в мировые просторы, а с другой стороны, научался глубоко входить в свое внутреннее там, где это внутреннее действует не так вяло, как оно действует в обычном сознании, а где это внутреннее действует так, как будто оно пронизано половиной действительности, то есть пронизано, потрясено, заморожено сновидениями. Ученик научался связывать всю эту интенсивность внутренних импульсов со всей интенсивностью внешних импульсов. Из родства с зимним и из родства с летним ландшафтом он достигал прозрения во внешнюю природу и в свою собственную самость. И он глубоко родился с этой внешней природой и с этой собственной самостью. Тогда он был уже хорошо подготовлен к тому, чтобы пройти через некий род повторения. В этом повторении совершенно ясно произошло перед его душой его инициаторами: Ты должен душой внутренне задержаться в оцепенении. Ты должен задержаться в этом выхождении в мировые дали. И в третьих, ты должен задержаться на том, чтобы ощущать себя как бы излитым и умноженным в твоих внешних чувствах. Ты должен внутренне уяснить себе, каким является каждое из этих состояний в отдельности. Ты должен уметь точно различать друг от друга каждое из этих трех отделенных чувств. Ты должен иметь некое эфирное внутреннее переживание от каждого из этих трех состояний. — И когда теперь ученик сам с полным сознанием вызывал это состояние внутреннего оцепенения, тогда перед этой душой выступало все, что он обрел в переживаниях до нисхождения из духовных миров на Землю, до земного зачатия своего тела, когда он из мировых просторов стянул эфирные импульсы и эфирные силы, чтобы окружить себя эфирным телом. Так

вводился ученик Мистерий Гибернии в созерцание последнего состояния перед нисхождением в физическое тело. А затем он должен был совершенно уяснить себе внутреннее переживание, какое он получал, когда вступал в мировые дали. Во второй раз при этом повторении он ощущал не так, что его как бы всасывают лучи Солнца и звезд, но он чувствовал при этом повторении так, как если бы что-то приходило ему навстречу, как если бы со всех сторон из далей шли ему навстречу Иерархии, как если бы шли к нему навстречу и другие переживания. И он ощущал то, что лежало в его более отдаленном прошлом, в его доземной жизни. А затем он должен был совершенно уяснить себе то состояние, когда он был разлит во внешние чувства и находил себя как бы раздробленным в мире внешних чувств. Тогда тут он достигал середины бытия между смертью и новым рождением.

Вы видите, то, что позволяет посвящаемому проникнуть в эти сокровенные миры, к которым, однако, человек принадлежит своим существом, может быть достигнуто разнообразнейшим образом. И когда мы оглядываемся таким образом, как я указывал вчера и много раз раньше, тогда вы сможете сказать себе: В различных местах Мистерий созерцание сверхчувственного мира достигалось разнообразнейшими способами. Почему стремились к такому разнообразию, почему над всеми Мистериями не разливался единый духовный путь — об этом мы еще поговорим в последующих лекциях. Сегодня я только хочу указать на этот факт. Но все эти различные пути Мистерий были предназначены к тому, чтобы раскрыть сокровенные стороны бытия мира и человека, на которые все вновь и вновь с самых разных точек зрения указывали мы тут в этих рассматриваниях и в других лекциях и других сочинениях.

А затем ученику пояснялось, что теперь он должен внутренне по отдельности пережить и другие состояния, которые он пережил в созвучии с другой статуей, так, чтобы для каждого отдельного состояния он имел внутреннее ясное сообразное ощущение знания, как бы проходящее сквозь него, и что он должен затем вызвать это с полным сознанием. Это и делал он тогда. И при том, что я описал как некий род душевного бедствия, он ощущал непосредственно, что в душевной жизни следовало за смертью.

Затем наступало созерцание благодаря тому, что он переживал дальше, когда внешняя природа обнаруживала себя как бы в летних ландшафтах, но как бы в сновидении о летних ландшафтах. Тут обнаруживалось им, при повторном переживании, и теперь с полным сознанием это состояние отделенным от другого состояния сознания, тут он учился познавать то, что определяло дальнейшее течение его послеземной жизни. И когда он полностью уяснял себе и оживлял то, чем являлось сосредоточение в существе сердца, тогда, делая это живым, наличным в своем знании, мог он достичь середины бытия между смертью и новым рождением. И инициатор мог сказать ему:

Научись духовно созерцать зимнее бытие

И тебе откроется зрелище доземного.

Научись духовно грезить летнее бытие

И ты обретешь переживание послеземного.

Пожалуйста, обратите пристальное внимание на слова, употребляемые мной, ибо на этом отношении созерцания доземного и переживания послеземного, и сновидения к созерцанию, на этом отношении основывается колоссальное различие, заключающееся в обоих этих переживаниях посвящаемого в Мистериях Гибернии. Какое место занимало это посвящение во всей исторической взаимосвязи человечества, во всем развитии человечества, какое значение имело оно для этого человеческого развития и какой еще гораздо более глубокий смысл имело оно именно на том этапе, которым я закончил вчерашнюю лекцию, где выступало как бы некое созерцание Христа в ученике Гибернии, — обо всем этом я буду говорить завтра.

Девятая лекция
9 декабря 1923 г.

Великие мистерии гибернии

Я должен был рассказать вам разное о характерном складе Гибернийских Мистерий, и вчера вы увидели, что тот своеобразный путь развития, который могли проходить люди на ирландском острове, вел к тому, что эти люди достигали проникновения, в первую очередь, в то, что вообще может быть пережито человеческой душой благодаря собственной внутренней активности человека. Подумайте только, благодаря всем тем подготовлениям, которые проводились для посвящаемого, было возможно, чтобы посредством волшебных образов ландшафта, обычно расстилавшихся перед человеческими органами чувств, а теперь ворожаемых за этими внешними чувствами, вызывались не религиозные фантастические галлюцинаторные впечатления, но нечто такое, к чему уже привыкли: видеть как бы некую завесу, стоящую перед душой, о чем прекрасно знали, что что-то есть тут за этим. И то же самое было и с прозрением в собственное человеческое внутреннее при волшебном видении сновидческого летнего ландшафта. Тут ученик, следовательно, был подготовлен к тому, чтобы иметь имажинации, имажинации, которые в первую очередь присоединялись к тому, что ученик иначе видел внешними чувствами. Однако, имея эти имажинации перед собой, он знал, что посредством этих имажинаций он проникает дальше в нечто совершенно иное.

Я ведь показал вам, как проникал ученик к видению времени доземного бытия и времени послеземного бытия, времени после смерти вплоть до середины бытия между смертью и новым рождением, а при взгляде назад — времени непосредственно предшествовавшего нисхождению в земное и далее опять вплоть до середины бытия между смертью и новым рождением. Однако при этом достигалось еще и нечто другое. В то время как ученика вели дальше, чтобы по-настоящему погрузиться в пережитое, тогда его душа укреплялась созерцанием доземной и послеземной жизни; его душа проникала в умирающую и снова возрождающуюся природу, и тогда он мог с еще более укрепленной внутренней силой и энергией углубиться в ощущение оцепенения при этом восприятии мировых просторов, воспарение в выси, вплоть до голубых эфирных далей, а затем — в те чувства, когда ощущали себя как личность, находящуюся внутри внешних чувств, когда ничего не воспринимали от остального человека, а воспринимали только кое-что от бытия в глазу, от бытия во всем слуховом тракте, в осязании и т. д., когда, следовательно, являлись всецело органами внешних чувств.

Ученик учился с сильной внутренней энергией снова ожидать в себе эти состояния и затем из этих состояний давать приближаться к себе тому, что теперь шло еще дальше. Когда теперь ему указывалось, чтобы совершенно внутренне произвольно — после всего пережитого им — вновь установить состояние внутреннего оцепенения так, чтобы чувствовать свой организм как некий род минерала, т. е. как нечто, в сущности, совершенно чуждое, когда свое внешнее, свое телесное он ощущал как нечто чуждое, а душу только как бы парящей и обволакивающей это минеральное — тогда в состоянии сознания, возникающего из этого, он отчетливо получал созерцание предшествующего Земле Лунного бытия.

И вспомните теперь, мой дорогие друзья, как я описывал в моем «Тайноведении» и в самых различных лекциях это Лунное бытие. То, что описывалось там, оживало в сознании ученика; все это просто было с ним. Это древнее Лунное бытие представляло перед ним как планетарное бытие, наличествующее сначала, собственно, лишь в водном, жидком состоянии, но не в таком, как теперешняя вода, а бывшее, я бы сказал, более желатинообразным, как бы свернувшимся. А самого себя он ощущал внутри. Однако, чувствовал он себя организованным в этой полумягкой массе. И он

ощущал, как из его организации струилась организационная вся планетная.

Вы должны только уяснить себе разницу между переживанием в тогдешнее время и переживанием сегодня. Сегодня мы чувствуем себя в определенном смысле ограниченными нашей кожей, и мы говорим, что, как люди, мы являемся тем, что находится внутри нашей кожи. Конечно, это — великая ошибка, ибо как только мы подходим к воздухообразному в человеке, тотчас раскрывается бессмысленность того, чтобы чувствовать себя ограниченным внутри своей кожи. Я ведь часто говорил: воздушная масса, которую я имею теперь во мне, только что была вне меня, а воздушная масса, которая через минуту будет во мне, находится снаружи. Так что и ныне только тогда будем мы правильно ощущать себя людьми, если в отношении нашей воздушной формации мы не будем считать себя отрезанными от внешнего мира. Мы находимся всюду, где есть внешний воздух. Нет разницы между тем, имеете ли Вы во рту кусок сахара, который в следующий момент будет у Вас в желудке, а затем проделает определенный путь, или тем, находится ли некая воздушная масса в этот момент снаружи, а в следующий — в ваших легких.

Кусок сахара проделывает один путь (это рисуется), а воздух — другой путь через воздушные и дыхательные органы. И тот, кто вот это не причисляет к себе — не должен причислять к себе также и свой рот, но должен начинать свое тело с желудка. Итак, по отношению к современному человеку, собственно, является бессмыслицей считать себя замкнутым внутри человеческой кожи.

В бытии же Луны вообще не существовало никакой возможности считать себя замкнутым внутри своей кожи. Такой мебели, какая теперь нас окружает, к которой можно подойти и ощупать, тогда не существовало, но все существовавшее в то время являлось результатом природы. И если бы Вы протянули орган, имеющийся у Вас в то время, — что, впрочем, так и было — то, сравнив это с теперешними пальцами, можно было бы их втягивать настолько, что они совсем исчезали и рука могла втянуться, могла совершенно утончиться и т. д. Ныне, касаясь доски, вы не ощущаете: что эта доска принадлежит вам. Беря что-нибудь твердое, просто ощущали, что это принадлежит нам; так же, как воздушная масса все еще принадлежит нам сегодня. Так что собственная организация ощущалась фактически как всего лишь частичка всей планетарно-Лунной организации.

И все это выступало перед сознанием гибернийского ученика. И он получал тогда также впечатление того, как это желеобразное жидкое является только временным состоянием организации Луны, каким оно было в определенные эпохи в этой древней организации Луны, где внутри желатинообразного выступало нечто, бывшее физически значительно тверже, чем теперешние твердые предметы. И все же это не было минеральным в том смысле, в каком являются таковыми теперешний смарагд, корунд или алмаз, но это было чем-то твердым, роговым. Минерального в современном смысле слова, кристаллизованного и т. п., тогда не существовало; а то, что было минералоподобным, твердым, рогообразным, имело формы, показывающие, что оно было выделено органической деятельностью, как сегодня говорят не о кристаллическом образовании коровьих рогов, но знают, что они вырастают из ее организма, или же оленьих рогов или подобном. Впрочем, не иначе обстоит, ведь, и с костями; но они минеральные. Следовательно, тогда существовало минералоподобное, образованное из органического.

И некие существа, частично уже прошедшие через свое человеческое, которым оставалось в земном бытии закончить лишь кое-что из этого человеческого, эти существа являются теми индивидуальностями, о которых я говорил, как о великих мудрых праучителях человечества на Земле, ныне находящихся в Лунной колонии. Все это открывалось гибернийскому ученику во время того состояния оцепенения. И когда он должным образом, то есть так, как это являлось нужным его посвящениям, проходил через все

необходимое, тогда его внимание обращалось на то, что он должен был продвинуться вперед, повторно продвинуться вперед, к тому, чтобы заставить свое оцепенение растечься, и **плыть** вплоть до эфирных далей, где он мог ощутить: пути высей ведут меня в дали голубого эфира вплоть до границ пространства **э**вентного бытия.

И когда он повторно переживал это, тогда он чувствовал все то, что можно было пережить тут подымающимся от Земли к эфирным далям. Однако между тем, как он двигался к эфирным далям, после того, как выси приняли и вынесли его в синие дали эфира, там, снаружи, чувствовал он, как у конца пространстве **н**ого мира проникало в него то, что снова оживляло его, что **с**одня мы назвали бы астральным: нечто, что переживалось **внутренне** и было связано с человеческим существом гораздо **значительнее**, гораздо энергичнее, но что, тем не менее, не могло **в**приниматься так сильно, как сегодня воспринимаются подобные вещи; однако, оно так связывалось с человеческой душой, как сегодня связалось бы с человеческим внутренним ощущение, и **пытываемое**, когда человек подвергается излиянию, освежающ **му** излиянию солнечного света в той степени, в какой он **внутренне** пронизывается его оживляющим, заставляющим ощутить свою организацию во всех частностях, элементом; только это ощущение было гораздо более энергичным, сильным, оживляющим. Ибо если Вы хоть немного присмотритесь, Вы, ведь, сможете **ощутить**, когда вы свободно подставляете себя Солнцу, когда вы **да** Солнцу пронизать вас, только не так, чтобы при этом Солнце стало вам несимпатичным, несимпатичным во внутреннем **ощущении**, когда вы так подставите себя Солнцу, давая именно его свету и теплу приятно пронизать Ваше тело, Ваш организм, то Вы почувствуете: каждый отдельный Ваш орган вы теперь **ощущаете** несколько иначе, чем раньше. Вы подлинно придете в **такое** состояние, что сможете внутренне описать себя.

То, что такие вещи так мало известны, является результатом недостатка способности внимания у нынешнего человека. Если бы этот недостаток способности внимания ныне не был таковым, человек мог бы дать по крайней мере сновидческое указание о том, что замечено им во внутреннем ощущении во вливающемся солнечном свете. И в действительности ученику иначе преподава **ли** о внутреннем человеческого организма, чем это делают **сегодня**. Сегодня режут группы и по ним составляют анатомические атласы. Для этого не требуется особой внимательности, хотя надо признать, что иным студентам не хватает и такой внимательности; но для этого не требуется значительной внимательности. **Но** когда же ученика учили так, что его ставили на Солнце и вели к тому, чтобы прочувствовать теперь свое внутреннее в реакции на приятно вливающийся солнечный свет; и сообразно с этим он мог уже нарисовать печень, желудок и т. п. Такое внутреннее родство человека с макрокосмом устанавливается только тогда, когда имеются условия, нужные для этого. Вы можете, конечно, быть слепым и все же, путем ощупывания установить форму какого-либо предмета. Таким же образом, когда один орган Вашего **организма** становится восприимчивым к другому посредством **внимания** к свету, вы можете описывать внутренние органы, так что Вы будете в состоянии воспринимать по крайней мере их теневые образы в Вашем сознании. Но именно ученику гибернийских Мистерий в высокой степени прививалось то, что при излиянии в голубые эфирные дали, при вливании астрального света он **чувствовал** теперь в первую очередь не себя; но он чувствовал в **своем** сознании могучий мир, мир, о котором он говорил себе **следующее**: я живу всецело в том же элементе, что и другие существа. Этот элемент в основе своей полностью является достоянием **природы**. Ибо отовсюду сюда ощущаю я, как вливается в меня из этого элемента, в котором — простите, что лишь несколько **по** я могу употребить это выражение — в котором я плаваю, как рыба в воде, сам же, однако, состоя только из совершенно **легких**, легких элементов, во всем

планетарном элементе ощущаю я, как со всех сторон приходит ко мне это приятно втекающее. Ученик ощущал, собственно всюду в себе втекание астрального света, формирующего и образующего его. Этот элемент является чисто природным достоянием, так мог бы сказать ученик, — ибо он мне всюду нечто дает. Я, собственно, окружен исключительно благом. Благо, благо существует повсюду, но это природное благо, оно окружает меня.

Однако это природное благо есть не просто и только благо; оно есть творческое благо, ибо оно есть то, что в то же время своими силами создает то, что я есть, дает мне форму, поддерживает меня, пока я плаваю в этом элементе, парю, рею. И такими были эти, в основных чертах, природно-моральные впечатления, возникающие тут.

Если бы мы захотели провести сравнение с чем-нибудь теперешним, мы могли бы сказать: если бы человек мог, имея перед собой розу и вдыхая ее, с внутренней правдивостью и честностью сказать: божественное благо, расстилающееся на всей земной планете, течет также в розе, и когда роза сообщает моему органу об ее бытии элемент, тогда я вдыхаю живущее в планетах божественное благо, — если бы ныне человек мог с внутренней честностью сказать такое, вдыхая розу, тогда он пережил бы нечто, подобное слабой тени того, что в то время познавалось внутренне, как советственно жизненный элемент отдельного человека. И это, мои дорогие друзья, было переживанием бытия Солнца, предшествовавшего нашей Земле. Следовательно, ученик мог переживать бытие Солнца и бытие Луны, какими они предшествовали нашей Земле.

А дальше, когда затем ученика приводили к тому, чтобы ощущать себя лишь в своих внешних чувствах, он переживал как бы сбрасывание всего своего организма, так что он, собственно, жил только в своих глазах, в своем слуховом тракте, во всем своем осязании, тогда он воспринимал то, что я описал в моем «Тайнведении» как бытие Сатурна, как бытие, когда парили и реяли в тепловом элементе, в дифференцированном в себе тепловом элементе. Там было так, что ощущали себя не как плоть и кровь, не как кости и нервы; ощущали себя просто как некий организм из тепла, но тепла в другом тепле, планетарном сатурническом тепле. Тепло воспринимали, когда внешнее тепло имело другую степень, чем внутреннее. Реяние в тепле, жизнь благодаря теплу, опущение тепла в тепле, это и было сатурническим бытием.

И это переживалось учеником, когда он входил в свои чувства. А сами эти органы чувств еще не были так дифференцированы, как теперь. Это восприятие тепла в тепле, жизни благодаря теплу, жизни в тепле, это было главнейшим. Однако, были моменты, когда, приближаясь в качестве некоего теплового организма к другому тепловому явлению или к другому тепловому качеству, благодаря прикосновению ощущали как бы некую вспышку пламени, и теперь находились в элементе — не просто тепла, струящегося, ткущего и волнующегося тут, а были в определенном моменте как бы чем-то огненным, или чем-то, что было как бы неким реющим ощущением вкуса, вкуса не только как бы на языке, языка тогда, естественно, не существовало, но вкуса, которым ощущали бы самого себя, но который, однако, вспыхивал при прикосновении к другому, который и другому отдавал нечто от себя и т. д. В ученике оживало бытие Сатурна.

Итак, вы видите, что в этих Гибернийских Мистериях ученик вводился в то, что является прошлым собственно земного планетарного бытия. Он познавал бытие Сатурна, Солнца и Луны, как следующие друг за другом метаморфозы земного бытия.

А затем он повторно побуждался к переживанию того, что теперь вело его в свое внутреннее; сперва к повторному переживанию того, что я описал Вам как ощущение внутреннего гнета, как, если бы преобладало ощущение собственного центра, как если бы воздух в ком-то уплотнялся, так что, если мы захотим сравнить это состояние с чем-нибудь в теперешнем земном

человеке, то его можно было бы сравнить с тем, когда он имеет ощущение, что не может сделать вдох, давимый и теснимый со всех сторон. Это было первым состоянием и его должен был ученик теперь вызвать снова в душе посредством внешнего произвола. И когда он проделывал это, когда он фактически имел это приходившее в сновидении, благодаря чему он, ведь, уже прежде обрел способность грезить природное бытие в качестве летнего ландшафта, грезить бодрствуя, когда он приходил в это состояние, тогда, в какой-то момент он обретал вдруг совершенно особое переживание. Чтобы вообще смочь охарактеризовать Вам это переживание, я должен начать эту характеристику следующим образом. Представьте себе: Вы входите сегодня, как земной человек, в теплую комнату; Вы ощущаете тепло; выходя наружу, где 5 или 10 градусов ниже нуля, Вы ощущаете там холод; Вы ощущаете разницу между теплом и холодом, но ощущаете это как нечто телесное. Это не соединяется с Вашим душевным. И как земной человек, входя в теплую комнату. Вы не имеете ощущения: тут, в этой комнате, есть нечто как бы от великого Духа, окружающего человека любовью. Вы ощущаете это тепло как приятное телесно, однако не ощущаете его как нечто душевное. То же самое и при морозе. Вы мерзнете, Вам холодно телесно; но у Вас нет ощущения: посредством особых климатических условий к Вам приближаются демоны, чтобы нашептывать Вам нечто столь холодное, что Вы замерзаете также и в душе. Физическое тепло не является для Вас одновременно и чем-то душевным, ибо природное душевное Вы, как земной человек с обыкновенным сознанием, не воспринимаете со всей интенсивностью. В качестве земного человека можно согреться от другого человека, от его дружбы, от его любви; можно замерзнуть от его холодности, может быть, и от его филистерства, однако, при этом имеют в виду нечто душевное. Но подумайте-ка только, как мало склонен сегодня физический земной человек к тому, чтобы, выходя летом в тепло, на знойный воздух, сказать: Боги очень любят меня сейчас! Или как мало склонен нынешний человек, выходя на зимний мороз, говорить: А теперь в воздухе носятся только те Сильфы, которые являются холодными филистерами в мире Сильфов. Такие выражения ныне вовсе не услышишь.

Видите ли, это ощущение, на которое я хочу указать — я говорил по этому поводу, что должен начать объяснение с конца — оно открывалось как нечто само собой разумеющееся ученику, когда он переживал это внутреннее ощущение сдавленности как нечто само собой разумеющееся. Все, что он ощущал как тепло, он одновременно ощущал как душевное, но вместе с тем именно и как физическое тепло; и это он мог чувствовать, потому что со своим сознанием он находился в бытии Юпитера, которое возникнет из Земли. Ибо мы только благодаря тому станем людьми Юпитера, что свяжем физически тепловое с душевно теплым; так что мы, как люди Юпитера, придем к тому, что когда, например, какого-нибудь человека или ребенка погладим с любовью, то для этого ребенка в то же время мы станем действительно теплоизлучающими. Совершенно не будут разделены любовь и изливание тепла. Фактически придут к тому, чтобы тепло, которое переживают, душевно излучать также и в окружение.

К тому, чтобы пережить это — конечно, не в земном мире, а будучи перенесенным в другой мир, — велся ученик гибридных Мистерий, и благодаря этому, естественно, не в физической земной действительности, перед ним в образе вставало бытие Юпитера.

И следующее усилие состояло в том, что ученик должен был почувствовать ту внутреннюю нужду, о которой я говорил вчера, когда ученик подходил к тому, чтобы ощутить необходимость преодоления собственного «Я», ибо в противном случае оно могло бы стать источником зла. Когда ученик делал в себе действительным это внутреннее душевное состояние, тогда он не только ощущал единым душевное и физическое тепло, но то, что он ощущал как единое — это душевно-физическое тепло — начинало

светиться, проявляло себя светящимся. Тайна блистания света, душевного блистания света открывалась ученику. Этим он переносился в будущее, в то будущее, когда Земля превратится в планету Венеру, в будущую планету Венеру.

И затем, когда ученик все, что он пережил прежде, ощущал слитым как бы в своем сердце, — так, как я это описал Вам вчера — тогда то, что он вообще пережил в своей душе, одновременно вставало перед ним как переживание планет. Имеют некую мысль; эта мысль не остается внутри человеческой кожи, а начинает звучать; мысль становится Словом. То, что переживает человек, образуется в Слово. Слово распространяется на планете Вулкан. Все на планете Вулкан является говоряще-живым существом. Слово звучит от Слова, Слово объясняется Словом, Слово говорит Слово, Слово учится понимать Слово. Человек ощущает себя как мир, понимающий Слово, как Слово — Мир, понимающий Слово. Когда это в образе вставало перед посвящаемым в Гибернии, тогда он находился в бытии Вулкана, в позднейшей метаморфозе состояния земной планеты.

Итак, вы видите, гибернийские Мистерии действительно носились к тому, что в духовной науке с полным правом называют великими Мистериями. Ибо то, во что посвящались ученики, давало им некое прозрение, созерцание доземной и послеземной человеческой жизни. В то же время оно давало им прозрение в космическую жизнь, в которую вплетен человек, из которой он рожден в течение времен. Следовательно, человек учился познавать микрокосм, т. е. самого себя, как духовно-душевно-телесное существо в связи с Макрокосмом. Он познавал также и становление, сотворение, возникновение и отмирание и метаморфизированное превращение макрокосма. Эти гибернийские Мистерии были великими Мистериями.

И их собственный расцвет они пережили во время, предшествовавшее Мистерии Голгофы. Особенность великих Мистерий, однако, состояла именно в том, что в этих великих Мистериях говорилось о Христе как о будущем, как впоследствии люди говорили о Христе, как о прошедшем через прошлые события. И после первого посвящения, собственно, хотели показать ученику, представляя ему при выходе образ Христа: Все то, что является мировым путем Земли, стремится к событию Голгофы. Тогда это еще представлялось как будущее.

На этом, впоследствии, прошедшем через столькие испытания острове, действительно было место великих Мистерий, место христианских Мистерий до Мистерий Голгофы, в котором живший еще до Мистерий Голгофы человек своим духовным взором направлялся соответствующим образом к Мистерии Голгофы.

И когда затем наступила Мистерия Голгофы, тогда — в то время как там, в Палестине, совершились удивительные события, которые мы описываем, рассказывая о переживаниях Христа Иисуса на Голгофе и о его окружении, — тогда в гибернийских Мистериях и в их общине, т. е. в народе, принадлежащем к гибернийским Мистериям, праздновались большие праздники. И то, что действительно совершалось в Палестине, совершалось на гибернийском острове стократно умноженным образом, но так, что картина не являлась воспоминанием прошедшего. На гибернийском острове в образах переживали Мистирию Голгофы одновременно с тем, когда в Палестине совершалась историческая Мистерия Голгофы. Когда впоследствии в храмах и церквях Мистерия Голгофы переживалась в образах, показывалась народу в образах, то это были картины, напоминающие в о чем-то совершившемся на Земле, что из обыкновенного сознания извлекалось как исторически вспоминаемое. На гибернийском острове эти картины существовали, когда они еще не могли быть извлечены исторической памятью из прошедшего, а когда они могли быть извлечены только из самого духа. На гибернийском острове духовно видели то, что для телесного глаза разыгрывалось в

Палестине в начале нашего летоисчисления. И таким образом, на гибернийском острове человечество духовно переживало Мистерию Голгофы. А это означает величие всего того, что затем выступало для остальной цивилизации именно из этого гибернийского острова, но что, однако, исчезло в более позднее время.

А теперь я прошу Вас обратить внимание на одну вещь. Тот, кто изучает только внешнюю историю, найдет много величественного, прекрасного, возвышающего, просветляющего ум, когда он исторически бросает взгляд на древний восточный мир, когда он исторически взирает на древнюю Грецию, на древний Рим; много может он пережить, восходя сквозь средневековье, скажем, к временам Карла Великого. Однако посмотрите, какими бедными становятся внешние исторические сообщения о том времени, к которому начинается парой столетий позже возникновение Христианства и кончается приблизительно девятым, десятым христианским столетием. Посмотрите исторические труды: во всех старых честных исторических трудах Вы, собственно, всюду найдете только совсем краткие описания этого времени, найдете очень мало относительно этих столетий. Только после этого вещи снова начинают становиться более подробными. Правда, новейшие историки, несколько профессорски стыдясь того, что материал так плох, вследствие того, что они не описывают того, чего она не знают, выдумывают всяческие фантастические конструкции и помещают их в эти столетия. Однако все это является бессмысленной. Если внешне исторически честно представить дело, то историческое описание того времени, когда гибнет древний Рим, окажется довольно скудным; затем идут разрушительные походы переселения народов, которые, впрочем, были не так уж страшно заметными внешне, как их представляют себе сегодняшние люди; они были поразительны только по отношению к предшествующему и последующему спокойствию. Но если Вы просто вычислите сегодня, или вычислили бы в предвоенный период, сколько людей едет каждый год из России в Швейцарию, то получите большее число людей, чем то, которое пересекло ту же территорию в Европе во времена переселения народов. Все эти вещи являются относительными. Так что, собственно, если продолжать в том же стиле, в каком говорят при описании передвижения народов, надо было бы сказать: Вплоть до предвоенного времени все в Европе находилось в постоянном переселении народов, даже в Америку через океан. И переезды в Америку были многочисленнее, чем потоки переселения народов. Однако этого не хотят уяснить себе. И все-таки дело обстоит так, что в тот период, который описывается как время переселения народов и последующий за ним период, исторические сведения становятся редкими. Об этом периоде известно немного. Мало рассказывается, например, о том, что происходило вот тут, в этих местах, во Франции, в Германии и т. д. Но это было именно там, куда, хоть и в виде слабых отголосков, текли отзвуки того, что созерцалось в гибернийских Мистериях, где действия, импульсы великих Мистерий Гибернии вливались в Цивилизацию.

Но теперь встретились два великих течения. Видите ли, все что я говорю теперь, говорится, собственно, только как терминология, без малейшего желания бросить хотя бы тень симпатии или антипатии, только для того, чтобы описать историческую необходимость. Два течения встретились. Одно течение шло окольным путем через Грецию и Рим, шло с Востока: оно рассчитывало на все больше и больше проникающую в человечество способность, основывающуюся на рассудке и способности органов чувств, где действовало то, что существовало как историческое воспоминание о внешне зримых, внешне пережитых событиях. Из Палестины через Грецию и Рим распространилась весть, воспринятая затем людьми в свою религиозную жизнь, весть о том, что в чувственно-физическом мире разыгралось в Палестине благодаря Богу Христу. Это было рассчитано на понимание людей; оно направлялось на то, что мы сегодня называем

обыкновенным, основанным на понимании и внешних чувствах, сознанием. Это и распространилось величественным образом. Однако, в конце концов, оно вытеснило то, что исходило от Запада, из Гибернии, и что в качестве последнего отголоска старой инстинктивной земной мудрости считалось с древней, вспыхивающей только в новой сознательности, спиритуальной мудростью человечества. Нечто распространилось из Гибернии в Европу, что в отношении просветления мудростью не рассчитывало на чувственное воззрение, на свидетельства, на которые можно было указать как на исторически имевшие место. Тут распространялись культы, учения мудрости как гибернийские культы, как гибернийские учения мудрости, которые считались с тем, что просветляет человека из духовного мира, даже и тогда, когда, как Мистерия Голгофы, на другом месте Земли это одновременно разыгрывается и в физической действительности. В Гибернии на физическую действительность Палестины смотрели духовным образом.

Но то, что могло только присоединиться к физической действительности, оставило в тени то, что считалось со спиритуальным возвышением человека, со спиритуальным одухотворением человека, со спиритуальным одушевлением человека. И постольку то, что было связано с чувственно-физическим бытием, с необходимостью получило преимущество над тем, что присоединялось к духовному видению. И сообщение о Спасителе, бывшем на Земле в физическом теле, победило чудесные имажинативные картины, которые исходили из Гибернии и могли быть представлены в культах, великие имажинативные картины, которые говорили о Спасителе как о духовном существе и при этом следовательно не учитывали в изображении своего культа, в своих представлениях, что это являлось также и неким историческим событием. Менее всего это могло быть учтено в то время, когда это еще не было историческим событием, ибо эти культы были устоявлены до Мистерии Голгофы.

И пришло время, когда люди все больше и больше становились доступными только для физически созерцаемого, когда они пришли к тому, чтобы не считать истинными вещи, не примыкающие к физически созерцаемому. И так мудрость, пришедшая из Гибернии, уже не ощущалась больше в своей субстанциональности. И таким образом, искусство, пришедшее из Гибернии, уже не ощущалось в своей космической истине. Так постепенно все больше и больше возникала не гибернийская наука, а наука, принадлежащая лишь к внешне-чувственному, и не гибернийское искусство, а искусство — даже и рафаэлевское является таковым — которое нуждалось в чувственно-наглядной модели, тогда как гибернийское искусство исходило из того, что духовное, спиритуальное осуществлялось непосредственно через художественные средства.

А затем настало время, когда наступило в определенном смысле затемнение спиритуальной жизни, когда только стучали во врата мышления и чувств, и основывали философии, которые должны были показать, как могли бы мышление и чувство как-то придти к бытию или достичь истины.

А затем наступило примечательное явление, состоявшее в том, что человек не был уже больше доступен спиритуальным влияниям. И в чем можно было бы точнее увидеть, что люди со своим сознанием уже больше не доступны для спиритуальных влияний, как не в том, что давалось людям таким образом — я описал это в журнале «Царство» — как была дана людям «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца». Я тогда обратил внимание на то, как удивительно обстоит дело с этой «Химической свадьбой». Валентин Андрэа является физическим писателем этой «Химической свадьбы»; за год до того, как разразилась тридцатилетняя война, была написана эта «Химическая свадьба» Валентином Андрэа. Однако никто, знающий биографию Валентина Андрэа, не усомнится в том, что тот Валентин Андрэа, который впоследствии стал филистерским пастором и написал разные елейные книги — не писал «Химической свадьбы». Бессмысленно верить, что Валентин Андрэа написал

«Химическую свадьбу». Ибо спраш^{ив}айте только когда-нибудь «Химическую свадьбу», или «Организа^{ция}цию мира», или другие труды Валентина Андрэа — физически это ведь одна и та же личность — с тем слащаво елейным, сильно масляным, что написал в позднейшей жизни пастор Валентин Андрэа, носивший только то же самое имя. Ведь это — в высшей степени примечательный феномен! Молодой человек, едва окон^{чив}ивший школу, записывает такие вещи, как «Организация мира», «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца», и нам стоит бол^{ьшого} напряжения установить внутренний смысл этих трудов. Сам он совершенно ничего не понимает из этого, о чем позже свид^{ельствует}ельствует он сам: он становится елейным масляным пастором! И это — тот же самый человек! Достаточно взять лишь этот факт, чтобы поверить в то, что я говорил тогда: «Химическая свадьба» не написана человеком, или только в той мере написана чело^{веком}ком, в какой исполненный страха тайный секретарь Наполеона писал его письма. Однако, Наполеон все же был человеком, тве^{до}стоявшим на земле, был физической личностью. Тот же, кто писал «Химическую свадьбу», не был физической личностью, и он использовал этого «секретаря», ставшего впоследствии масл^{яным}яным пастором Валентином Андрэа.

Обдумайте это удивительное событие, предшествовавшее Тридцатилетней войне: молодой человек, совершенно молодой чело^{век}век, отдает свою руку духовному существу, свыше записывающ^{ему}ему такую вещь, как «Химическая свадьба»! И то, что в этом случ^{ае}ае выступает только на одном примере, было частым явлением для тех времен. Только эти вещи узнавались и сохранялись не всегда. Всё вообще важнейшее, что было дано человечеству то^{гда}гда, давалось людям таким образом, что они были не способны понять своим рассудком даваемое. Это была утекающая спиритуальность, которая все еще открывалась им; люди сами записыв^{али}али ее, но уже не могли пережить это в себе.

И дело обстоит так, что в то время, в отношении которого, если бы и имелись исторические книги соответствующей толщ^{ины}ины, в них оставались бы пустые страницы, ибо в это время чело^{вечество}вечество шло как бы в двух течениях, одно из которых протекало внизу в физическом мире, где люди все больше и больше верили только в то, что им говорил их рассудок и органы чувств, а над этим постоянно имело место достижимое посредством человека, однако, человеком не понимаемое спиритуальное откровение. И характерным примером именно такого откровения являются вещи, подобные «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца».

Но все то, что открывалось тут, все же проходило сквозь чело^{веческие}веческие головы, хотя эти головы и не понимали этого; а проходя сквозь человеческие головы, оно ослаблялось и искажалось. В^{еликолепной}еликолепной поэзией, могучей поэзией становился этот шепот и говор, какими предстают некоторые строфы «Химической свадь^{бы}бы Христиана Розенкрейца». И все же они являются откровени^{ем}ем чего-то грандиозного: могучих макрокосмических образов, сильных переживаний, происходящих между человеком и ма^{крокосмом}крокосмом, выступающих величественно. Когда с теперешним в^{идением}идением читаешь «Химическую свадьбу», учиться понимать эти образы «Химической свадьбы»; они раскрываются перед нами, ибо по-существу они все же окрашены теми мозгами, через кот^{орые}орые они прошли, и за ними встает нечто грандиозное.

Подобные вещи свидетельствуют о том, что в подсознании продолжало жить то, что некогда переживалось человечеством, И совершенно исчезло это в начале опустошительной Тридцат^{илетней}илетней войны. В первой половине семнадцатого столетия влилось то, что некогда было великой, величественной спиритуальной истиной. И только еще мистики сохраняют душевные впечатл^{ения}ения о том. Однако, настоящая субстанция, спиритуальная суб^{станция}станция совершенно утрачивается. Рассудок сначала одерживает верх, подготавливая эпоху свободы.

И сегодня мы оглядываемся на эти вещи и оглядываемся име^{нно}нно на

гибернийские Мистерии, я бы сказал, с истинной углубленной внутренней душевной жизнью, ибо они являются по-сущности последними великими Мистериями, теми последними великими Мистериями, через которые могли высказываться человеческие и космические тайны. И когда эти тайны снова исследуются сегодня, тогда раскрывается величие гибернийских Мистерий. Однако невозможно прозревать их, не установив их сперва самостоятельно. Когда же исследуют их самостоятельно, тогда выступает еще нечто особое. Когда в Акаша-эволюции приближаются к картинам этих гибернийских Мистерий, тогда чувствуют, что что-то отталкивающе действует на человека. Это обстоит так, как если бы какая-то сила отталкивала человека, затрудняла приблизиться к ним душой. И чем ближе подходят, тем более омрачается то, к чему спешат душой, и приходят, как бы к некоему душевному оглушению. Надо проработаться сквозь эту душевную оглушенность. Это можно сделать не иначе, как только путем оживления в себе всего, что уже знают о подобном, о самознательно установленном, о самознательно увиденном. А затем замечают, почему это так. Обнаруживают, что этими гибернийскими Мистериями человечеству был дан последний отзвук чего-то древнего от божественно-духовных сил; однако, в то время, когда гибернийские Мистерии были оттеснены в теневую жизнь, они были при этом духовно окружены плотным валом, чтобы человек не мог пассивным образом это исследовать, не мог бы их лицезреть, чтобы человек мог приблизиться к этому только после того, как он пробудит в себе спиритуальную активность, следовательно, станет настоящим человеком новейшего времени. Я мог бы сказать: доступ к гибернийским Мистериям был закрыт, чтобы человек не смог приблизиться к Мистериям старым способом, но чтобы он, напротив, побуждался к тому, чтобы то, что должно быть внутренне найдено человеком в эпоху свободы, действительно было пережито также и в активности сознания, а не посредством исторического, даже к не ясновидчески исторического, введения древних удивительных, великих тайн, до того, как вступят на путь, приводящий к этим тайнам из собственной внутренней активности.

Этими великими Мистериями Гибернии самым интенсивным образом указывается на то, что новое время начинается в эпоху, когда гибернийские Мистерии опускаются в теневой мир. Однако и сегодня их можно снова созерцать во всей их славе и величии душевным существом, несомым внутренней свободой, ибо посредством действительной внутренней активности можно приблизиться к ним, можно преодолеть то, что бьет навстречу, стремится оглушить, что предстает душе перед тем, что тут открывалось посвящаемым вплоть до позднейших времен из великих древних тайн старой, хотя и инстинктивной, но высокой спиритуальной мудрости, изливающейся на земное человечество как изначальная сила души. Прекраснейшими, значительнейшими памятниками пра-мудрости человека, пра-милости божественно-духовных сил, как она открывалась в прасостоянии человечества — прекраснейшими духовно-душевыми памятниками того времени в более позднее время являются те образы, которые могут открыться нам, когда мы обращаем взор на Мистерии Гибернии.

Десятая лекция
14 декабря 1923 г.

хтонические и элзиданские мистерии

Переход от Платона к Аристотелю

Поставим еще раз перед душой значение того, что истины и познания, заключающиеся в Мистериях Гибернии, в определенном смысле были притуплены, а это значит, что они не имели дальнейшего действия на своем пути с Запада от середины Евространы на Восток, и что на место спиритуального также и в религиозном культе выступило внешнее, близкое к чувственному возвращение, по крайней мере, традиция, предание об этом подобном

чувственному воззрению. Образ, открывшийся нам в конце последней лекции, этот образ мы еще раз поставим перед душой. Мы указали на существо Христа в Мистериях Гибернии; мы указали на него также и для времени, когда разыгралась Мистерия Голгофы. Тут в Гибернии были посвятителю и их ученики, которые — хотя среди них для чувственного созерцания и не совершалась Мистерия Голгофы и хотя их не могла достигнуть никакая вестъ об этом — одновременно, с универсальной торжественностью совершали эту Мистерию, ибо благодаря их проницательности им было ясно, что эта Мистерия Голгофы происходит теперь одновременно и внешне.

Следовательно, для посвященных и их учеников в Гибернии открылась необходимость того, чтобы чувственно действительное событие пережить только духовным, спиритуальным образом. И для того образа мыслей и той познавательной ориентации, которые были ведомы в Гибернии, не требовалось иметь больше, как спиритуальность в физическом мире.

Тем самым, однако, становится очевидным, что в Гибернии вообще на первое место ставилось спиритуальное, духовное всех вещей. Правда, то, что было торжественно совершено в Гибернии, это было затем через британские острова, через Бретань, через теперешнюю Голландию и Бельгию привито всевозможным тайным течениям духовной жизни, а также еще через нынешний Эльзас — Средней Европе. И в первых столетиях христианского развития мы находим, хотя и не во всеобщей цивилизации, но все же всюду в отмеченных областях, там и тут отдельных людей, которые могли понимать то, что исходило из гибернийских Мистерий. ОТСЮДА

Однако, как было сказано, всеобщей цивилизацией это не стало. И надо подойти к этим вещам с интимной тоской познания, чтобы найти отдельные личности, число которых в первых христианских столетиях еще было значительным, в последующих же столетиях, а именно с восьмого, девятого столетия и до пятнадцатого, шестнадцатого, становилось все меньше и меньше, личности, собиравшие вокруг себя правда небольшое число учеников, но благодаря которым в стороне от большого мира и его цивилизации, в тиши продолжало расти то, что было на европейском Западе инициировано гибернийским островом.

Вообще в Европе распространилось то, для чего не нужно было непосредственного спиритуального воззрения, для чего можно было примкнуть к простому историческому преданию, просто повествуя о том, что произошло как физическое событие в Палестине в начале летоисчисления. И именно из этого течения исходит то, что все больше и больше развитие шло так, что толпы на то и обращали внимание, что разыгрывалось в физической жизни. Все меньше и меньше понимали, сколь колоссальное противоречие содержится в том, что как Мистерия Голгофы могло быть понято только через глубочайшую спиритуальную жизнь, иметь только во внешней, примыкающей к чувственному, форме. Однако, это стало необходимым путем движения культурного развития в Европе.

В сущности, все это подготавливалось уже с давних пор, и это могло произойти только благодаря тому, что многое, очень многое было забыто от древней сущности Мистерий, как это еще было в Греции. Тогда эти греческие Мистерии делились, ведь, собственно на два вида. Один вид был тот, в котором преимущественно занимались тем, чтобы направить человеческое чувство к духовным мирам, к мировому управлению и мировой ориентации в духе; в другом виде занимались тайнами природы, особенно господствующими в природе силами и существами, лежащими в земных Властях. Все посвящение проходило через оба рода Мистерий. И тогда о прошедших Посвящении говорили, что они восприняли в себя как тайны Отца, Мистерии Зевса, так и тайны Матери, тайны Деметры. И когда мы обращаем взор на эти времена, то наряду с духовным созерцанием, достигающим высших сфер, хотя уже и с некоторой абстрактностью, но все же достигающим высших сфер, мы находим

и идущее в глубину созерцание природы и, что имеет особое, первостепенное значение, соединение их обоих.

На это соединение обоих, что сегодня не учитывают, что человек содержит в себе определенные внешние вещества природы, а другие вещества природы не содержит, с на это обращалось главным образом внимание в Хтонических Мистериях Греции. Вы ведь знаете, что человек несет в себе организованное железо. Он содержит в себе и другие металлы: кальций, натрий, магний и т. д. Но некоторых металлов вообще невозможно найти в нем, если искать их, подходя к человеку с обычными научными средствами и анализируя его в отношении его вещественного состава. Так, с точки зрения этого внешнего исследования, человек не содержит в себе свинца, меди, ртути, олова, серебра, золота.

Великая загадка для посвященного в греческие Мистерии сводилась к вопросу: Почему же человек, содержащий в себе, например, железо, кальций, натрий и другие вещества, необходимые и во внешней природе, не содержит в себе, например, свинца, олова? Они были глубоко убеждены в том, что человек является маленьким миром, микрокосмом. И все же существовала видимость, что человек не содержит в себе этих металлов: свинца, олова, ртути, серебра, золота.

Относительно древнейших посвящаемых в Греции действительно можно сказать, что они были того мнения, что это было только видимость. Ибо они были глубоко проникнуты познанием, что человек является настоящим микрокосмом, т. е. несет в себе все, что открывается в мире.

Заглянем в душевное состояние греческого посвящаемого. Его, например, учили так — то, что тянулось в течение долгого времени обучения, я должен подытожить в нескольких предложениях, однако Вы пойте меня, — что ему говорилось: посмотри, точно так же, как сегодня Земля всюду в себе содержит железо и железо имеется и в человеке, так же некогда, когда Земля еще не была Землей, а находилась в предшествующем планетарном состоянии, она, бывшая тогда Луной или даже Солнцем, содержала в себе свинец, олово и т. д.; и все существа, принимавшие участие в этом предшествующем формообразовании Земли, разделяли и эти металлы и их силы — так же, как сегодняшней человек разделяет с Землей силу железа. Однако, при тех преобразованиях, которые перенесла древняя форма Земли, только железо сохранило такую силу и плотность, что человек может быть пронизан им. Другие же перечисленные металлы, хотя и сохранились в Земле, однако уже не содержатся в ней в таком виде, чтобы человек мог быть непосредственно пронизан ими. Однако, в крайне утонченном виде они содержатся во всем мировом пространстве, окружающем человека.

Когда я смотрю на кусочек свинца, моему взору предстает знакомый серо-белый металл. Он имеет определенную плотность. Его можно взять в руки. Однако, тот самый свинец, который находится как свинцовая руда в Земле, в бесконечно тонко распыленном состоянии имеется во всем мировом пространстве, относящемся к Человеку, и имеет там свое значение. Он имеет в мировом пространстве то значение, что всюду, даже там, где по видимости нет никакого свинца, он излучает свои силы, и человек входит в прикосновение с этими силами свинца, но не посредством своего физического тела, а через свое эфирное тело. Ибо вне свинцовых руд Земли свинец имеется в таком тонком распределении, что он может воздействовать только на эфирное тело человека. Но на него он действует и в таком распространенном во всем мировом пространстве бесконечно утонченном состоянии.

А затем ученик греческих Хтонических Мистерий изучал, что также, как Земля является планетой, собственно, бесконечно богатой железом, планетой, о которой жители других планет могли бы сказать, что она богата железом с в этом отношении ей родственен только Марс, — что также, как Земля богата железом, Сатурн богат свинцом. Чем для Земли является

железо, то для Сатурна представляет собой свинец. И надо принять — это узнавал ученик Хтонических Мистерий в Греции — что некогда имело место отделение Сатурна от всеобщей планетарной формы, которую некогда имела Земля, так это описано в моем «Тайном поведении», и что это особое распределение винца совершилось тогда, когда Сатурн отделился от всеобщей планетарной формы. Сатурн, так сказать, захватил с собой свинец, и содержит его посредством своей собственной планетарной жизненной силы и благодаря своему собственному планетарному теплу в таком состоянии, что он может пронизать всю планетарную систему, к которой относится и наша Земля, этими тонко распределенными свинцовыми силами свинца.

Так что надо себе представить: Земля, вдали Сатурн, который всю планетарную систему наполняет тонким свинцом, тонкой свинцовой субстанцией. Эта тонкая свинцовая субстанция действует на человека. И мы можем найти следы также и того, что сообщалось посвящаемому в Греции, что этот ученик учился понимать, как действует этот свинец. Он познавал: наши внешние чувства, а именно чувство глаза, поглотило бы всего человека, не дало бы ему прийти к самостоятельности. Человек бы только видел, не будучи в состоянии осмыслить увиденное, не смог бы отступить от увиденного и сказать: я вижу. Он был бы весь переполнен зрением, если бы не существовало этого воздействия свинца. Это воздействие свинца делает человека самостоятельным, противопоставляет его как «я» восприимчивости внешнего мира, что живет в нем. И эти силы свинца вступают сначала в эфирное тело, а затем из эфирного тела определенным образом пропитывают физическое тело человека. Благодаря этому человек получает способность силы воспоминания, памяти.

И это было великим моментом, когда такой ученик, как ученик Хтонических Мистерий, после того, как он научился пониманию таких вещей, подводился к следующему. Со всевозможной торжественностью ему показывалась субстанция свинца. Затем его чувство направлялось к Сатурну. Затем перед его душой проводилось родство Сатурна с земным свинцом. Затем ему говорилось: Таким, каким ты видишь этот свинец, таким содержит его Земля. Но Земля в своем теперешнем состоянии не может дать свинец в такой форме, чтобы этот свинец мог действовать в человеке. Однако, Сатурн с его совсем другим тепловым состоянием, с его внутренними жизненными силами, излучает свинец в планетарное пространство, и благодаря этому ты являешься самостоятельным человеком, имеешь способность воспоминания. Подумай о том, что ты являешься человеком только потому, что все еще знаешь сегодня то, что знал десять, двадцать лет назад. Подумай только о том, какой ущерб терпит твоя человечность, если бы ты не нес в себе того, что ты содержал в себе десять, двадцать лет назад. Твоя сила «Я» была бы раздроблена, если бы сила воспоминания не имелась бы в тебе в полной мере. Этим ты обязан тому, что тебе излучается от далекого Сатурна. Это есть сила, которая пришла в состояние покоя в земном свинце и в этом состоянии покоя не может больше действовать на человека. Следовательно, свинцовая сила Сатурна обуславливает то, что в тебе укрепляются мысли, что они снова поднимаются через определенное время из глубин души, что ты можешь жить со внутренним миром длительно, а не мимолетно. Ты обязан этой свинцовой силе Сатурна тем, что ныне ты не просто видишь предметы вокруг себя, а завтра забываешь о них, а можешь удержать их так, что то, что ты пережил годы назад, можешь сделать опять живым в твоей душе; ты можешь так образовать твое внутреннее душевное, каким во время твоей земной жизни было то, что ты пережил в твоём окружении.

Это было первым сильным впечатлением, получаемым учеником благодаря тому, что подобную вещь ему подносили с большой торжественностью, с серьезной, но не сентиментальной торжественностью. Затем он учился понимать и следующее: да, но если бы в человеке действовала только свинцовая сила Сатурна, если бы только эта сила свинца

Сатурна давала человеку способность «я», способность воспоминания, то тогда человек стал бы полностью чужд Космосу. Если бы тут действовала только сила Сатурна, то хотя человек и воспринимал бы в свою силу воспоминания то, что он видел своими физическими глазами, и оставлял бы это при себе на время земной жизни, однако он стал бы чужд Космосу. Он стал бы неким отшельником в земном бытии, инспирированным к способности воспоминания Сатурном.

рис

Тут ученик учился познавать, что этой силе Сатурна должна быть противопоставлена другая: сила Луны. Допустим, что оба они стояли бы как раз так, что силы Сатурна и силы Луны шли бы к Земле — следовательно также и к человеку — с противоположных сторон, однако, сливаясь друг с другом. Что Сатурн у человека берет, то Луна дает; что Сатурн человеку дает, то Луна берет. И, следовательно, как человек имеет в железе силу, которую он может внутренне перерабатывать, как Сатурн имеет силу в свинце, так Луна имеет эту свою силу в серебре.

Также и серебро, какое имеется в Земле, пришло уже в такое состояние, что не может больше проникнуть в человека. Не вся сфера, которую занимает Луна, действительно пронизана тонко распределенным серебром. Луна действует, особенно тогда, когда ее лучи идут со стороны Льва, так, что человек, благодаря этой силе серебра луны, имеет влияние, противоположное свинцовой силе Сатурна, так что он не становится чуждым макрокосму, несмотря на то, что из вселенной он милостиво инспирируется силой воспоминания. И это было особенно торжественным моментом, когда греческий ученик подводился к тому, чтобы видеть, как противопоставлялись друг другу Сатурн и Луна, и затем в торжественности ночи ученику уяснялось: Смотри вверх к окольцованному Сатурну. Ему ты должен быть благодарен за то, что ты являешься замкнутым человеком. А на другой стороне взирай на эту сияющую серебром Луну. Ей должен ты быть благодарен за то, что ты можешь выносить силу Сатурна, не отъединяясь от Космоса.

Видите ли, вот так — непосредственно примыкая к взаимосвязи человека с Космосом — занимались в Греции тем, что позднее в карикатурной форме называлось Астрологией. Тут была действительная мудрость, ибо в звезде тут видели, ведь, не протого находящуюся наверху световую точку или световое пятно; тут в звезде видели духовно-жившее существо, а в связи с этим духовно-жившим существом и человеческое существо на Земле.

Тут имели естествознание, поднимающееся вплоть до небесного, достигавшее мировых далей. А затем, когда ученик приобретал такие световые видения, световые прозрения, если это глубоко вписывалось в его душу, тогда, например, в истинных Мистериях Элевзина, как это было принято, он подводился к двум статуям — так же как это вообще было принято в Мистериях. Вы знаете это из моего описания других Мистерий, также и гибели Мистерий. И одна такая статуя предстояла ему Отчим божеством, тем Отчим божеством, которое было окружено знаками планетарного и солнечного — той Отчей статуей, которая показывала ему, например, сияющий Сатурн, сияющий, однако, таким образом, что ученику напоминалось: Да, это есть свинцовое сияние Космоса, — так же, как при лунном излучении ему напоминалось: Да, это есть серебряное сияние Луны, — и так при каждой отдельной планете. Так что в статуе, представляющей Отчье, являлись те тайны, которые сияли навстречу от планетарного окружения Земли, что было родственно отдельным металлам Земли, но что внутри Земли стало уже непригодным для человеческого внутреннего.

Смотрите, — так говорилось ученику, — вот тут тебе предстоит Отец мира. Отец мира несет в Сатурне свинец, в Юпитере — олово, в Марсе —

родственное земной сущности железо, но в совершенно ином состоянии, в Солнце — сияющее золото, в Венере — сияюще-излучающуюся медь, в Меркурии — сияющую ртуть, в Луне — сияющее серебро. Ты несешь в себе только то из металлического, что ты мог присвоить себе из планетарных состояний, бывших прежде у Земли. Из теперешнего состояния ты можешь присвоить себе только железо. Однако, как земной человек ты не целостен. Отец, который стоит перед тобой, показывает тебе в металлическом то, что теперь не может находиться в тебе самом из земного бытия, но что тобою должно сегодня браться из Космоса — в Отце ты имеешь твое остальное, когда воспринимаешь себя как человека, прошедшего через планетарные превращения Земли. Только тогда являешься ты впервые цельным человеком. Здесь на Земле ты стоишь как часть человека. Остальное несет Отец вокруг своей головы и в своей руке перед тобой. То, что стоит тут перед тобой, с тем, что несет он — это и есть впервые ты. Ты стоишь на Земле. Однако, эта Земля не всегда была такой, какой она является сегодня. Если бы она всегда была такой, ты не смог бы как человек на ней существовать. Ибо она несет в себе, хотя и в отмершем состоянии, и свинец Сатурна, и олово Юпитера, и железо Марса — только в другом состоянии — и золото Солнца, и серебро Луны, и медь Венеры, и ртуть Меркурия; все это она несет в себе. Но в том виде, в каком она несет их в себе, металлы являются лишь воспоминанием о том, как жило некогда в Земле серебро во время лунного бытия, золото — во время солнечного бытия, свинец — во время бытия Сатурна. И то, что сегодня является тебе в плотных металлических массах свинца, олова, железа, золота, меди, ртути, серебра (за исключением знакомого тебе железа, собственно, не являющегося внутренне земным железом, ибо оно является марсианским), то, что является тебе сегодня в этих компактных, плотных металлах, излилось некогда из Космоса в Землю в совершенно ином состоянии. Эти металлы, какими они теперь тебе знакомы на Земле, являются трупами прежних сущностей металлов. Свинец является трупом той металлической сущности, которая во время Сатурна, а также в иной степени, во время Луны в своей древней форме действовала на Земле. Олово вместе с золотом действовали в совсем другом состоянии в течение солнечного времени Земли — при духовном видении эта статуя, в том, что она несет тебе навстречу в твоём сегодняшнем состоянии, становится для тебя, поистине, Отчей статуей. И в духе, как в некоем реальном видении, статуя настоящих Мистерий в Элевзине становилась живой и протягивала стоявшей рядом женской фигуре то, чем были тогда металлы. И женская фигура брала эту прежнюю форму металлов, в видении ученика, и окружала ее тем, что могла дать от себя Земля, когда она стала Землей.

Так видел ученик этот чудесный процесс, это чудесное явление: Здесь сияла выраженная символически тем, что было в руках Отчей статуи, масса металлов, а то, чем была Земля, выступало — скажем, например, со своей известью или другими породами — навстречу тому, что тут сверкнуло, и окружало Земной субстанцией это металлически изливающееся, подобно тому, как протягивалась из материнской статуи рука любовно принимала то, что протягивалось материнской статуе в качестве металлической силы от отцовской статуи. Это было великим, мощным впечатлением, ибо в этом видели взаимодействие космического с земным в ходе эонов. И учились правильно ощущать то, что предлагала Земля.

рис

Посмотрите на то, что представляет собой металлическое в Земле. Вы находите его кристаллизированным. Вы имеете его окруженным неким родом коры, тем, что исходит от Земли. Металлическое происходит из Космоса; земное любовно принимает то, что приходит из Космоса. Это вы увидите повсюду вовне, если походите по месторождениям металлов и займетесь металлами. И то, что шло навстречу металлу, это называли

Матерью. И самые значительные из этих земных су[б]станций, которые шли навстречу небесно-металлическому, чт[о]бы охватить его, называли Матерями.

рис

Это и есть один из аспектов для понимания тех «Матерей», к которым спускается Фауст. Он одновременно спускается в дозе[м]ные времена Земли, чтобы увидеть то, как воспринимает в себя материнская Земля отцовски данное от Космоса.

Благодаря всему этому в ученике Элевзинских Мистерий вну[ш]енно вызывалось некое сопереживание с Космосом, некое вну[ш]енное сердечное познание того, чем являются в действительности природные продукты и природные процессы на Земле.

Мои дорогие друзья, когда теперешний человек смотрит на явления природы, на эти природные продукты — ведь это все мертво, это все, ведь, трупы. И когда мы занимаемся физикой или химией, то что же мы делаем, как не то же самое, что делает анатом, разрезая трупы в анатомическом зале, ища в мертвом то, чье предназначение — жизнь. Так врезаемся мы с нашей химией, с нашей физикой в живую природу. Греческому же ученику д[о]валось другое естествознание: естествознание живого, рассматривающее теперешний свинец в качестве трупа свинца. Надо ве[с]туться в те времена, когда жил свинец. Тут ему становилось я[в]ным таинственное отношение человека ко вселенной, таинственное отношение человека к тому, что окружает его в земном.

А затем, пройдя через такое переживание, когда он углубля[л]ся в подобное перед отцовской и материнской статуями, которые оживляли в его душе обе противоположные силы, силы Космоса и силы Земли, тогда он подводился, так сказать, к самому свя[т]енному даже и в Греции. Тут перед ним была картина: женский облик, кормящий грудью ребенка. Затем он вводился в понимание слов: И это есть бог Якхос, который грядет. Так учился гр[е]ческий ученик заранее понимать Мистерию Христа.

Снова также и посвящаемому в Элевзине спиритуальным о[б]разом предстал Христос. Однако в то время люди должны были сначала познавать Христа как грядущего, Который пока еще был Младенцем, Младенцем мира, который еще должен был расти в Космосе. Посвящаемые, ведь, назывались телеостами; теми, к[о]торым должны были взирать на конец, на цель земного развития. А затем наступил великий перелом. Наступил перелом, кот[о]рый со всей остротой выражен также и исторически в переходе от Платона к Аристотелю.

Вы видите, это есть нечто особое, мои дорогие друзья. Когда наступило четвертое столетие в греческом культурной развитии, тогда разыгрался первый поворот к абстрактности. И разыгрался он между Платоном и Аристотелем таким образом, что Платон был уже на вершине старости, Платон был в конце своего жи[в]енного пути; и между Платоном и Аристотелем имела место сл[е]дующая сцена. Платон сказал — я должен передать словами то, что, разумеется, происходило гораздо более сложным образом — Платон сказал Аристотелю примерно следующее:

Многое передаваемое мной тебе и другим ученикам произо[ш]ло с тобой не совсем правильно. То, что я давал тебе и другим ученикам, является в конце концов экстрактом древнейшей св[я]той мудрости Мистерий. Но люди в ходе своего развития примут форму, образ, внутреннюю организацию, которые постепенно приведут их к чему-то более высокому, в сравнении с тем, что мы теперь имеем в человеке, но что, однако, сделает невозможным восприятие людьми такого рода естествознания, какое имелось у греков и как я его сегодня описал. — Вот это объяснил Платон Аристотелю. — Поэтому я хочу отойти на некоторое время, — сказал Платон, — а тебя предоставить самому себе. Попытайся выработать в мыслительном мире, к которому ты

имеешь особое расположение и который должен стать мыслительным миром людей на многие столетия, попытайся выработать в мыслях то, что ты воспринял в моей школе.

Аристотель и Платон после того разошлись, и именно через Аристотеля выполнил Платон одно высокое духовное задание.

Видите ли, мои дорогие друзья, я должен был именно так описать Вам эту сцену, как я описал ее сейчас. Если же Вы заглянете в книги по истории, то и там найдете эту сцену, и теперь я расскажу Вам, как она описывается в книгах, по которым люди изучают историю. Вот что рассказывается в них: Аристотель всегда был строптивым учеником Платона, так что Платон сказал однажды, что Аристотель, хотя он и способный ученик, однако похож на коня, лягающего копытом своего учителя. И то, что произошло между Платоном и Аристотелем, постепенно привело к тому, что Платон отошел от Аристотеля, рассердился и больше не ходил преподавать в Академию. Вот что написано в книгах по истории.

Но одно стоит в книгах по истории, а другое, рассказанное мною Вам, является истиной и содержит импульс для кое-чего весьма значительного. Ибо, видите ли, существовало два вида аристотелевских сочинений. Одни содержали в себе значительное естествознание, естествознание Элевзина, перешедшее через Платона к Аристотелю; а другие сочинения содержат мысли, абстрактные мысли, которые надлежало передать Аристотелю по заданию Платона, по тому заданию, что было поручено Платону из Элевзинских Мистерий.

И то, что, собственно, должен был дать Аристотель, приняло двойкий путь. Один был путем так называемых логических сочинений, тех логических сочинений, которые вынесли из древней элевзинской мудрости самые выносимые мысли. Эти сочинения вместе с крупными естествознания передал Аристотель своему ученику Теофрасту. И окольным путем через Теофраста и другими путями они распространились в Греции и Риме и образовали в средневековье учение мудрости для тех, кто действовал в цивилизации, как учителя мировоззрений в Средней Европе.

И то, что произошло таким образом, как я это рассказал последний раз, произошло из-за того, что надо было отказаться от мудрости Мистерий Гибернии и можно было примкнуть лишь к традиции чувственно разыгранного события в начале летоисчисления, соединилось с тем, что выдвинулось из имеющейся у Аристотеля мудрости Платона, т. е. мудрости Элевзинских Мистерий. Для того же, что было, собственно, естествознанием, что еще несло в себе Дух Хтонических Мистерий, влившихся затем лишь в Элевзинские Мистерии, это было неким естествознанием, достигающим до неба, простиравшимся до космических далей, чтобы объяснить земное, время такого естествознания, бывшего в Греции, уже прошло. И то, что еще можно было спасти из этого естествознания, можно было спасти только таким путем, что Аристотель стал учителем Александра, предпринявшего походы в Азию и вынесшего на Восток все, что было возможно из аристотелевского естествознания туда перенести; затем это перешло в еврейские, арабские школы, оттуда через Африку в Испанию и в профильтрованном виде воздействовало на то, что разыгрывалось в некоторых отдельных одиноких людях из Гибернийских Мистерий в Средней Европе. Теофраст дал учителям церкви Средневековья своего Аристотеля, Александр Великий вынес в Азию другого Аристотеля: элевзинскую мудрость, в чрезвычайно ослабленном виде пришедшую через Африку в Испанию и всплывшую в Средневековье, где несмотря на всеобщую цивилизацию, в некоторых монастырях занимались ею, например, Базилиус Валентинус, дошедший до потомков, я бы сказал, в мифической форме. Это жило внутри, это жило, я бы сказал, под поверхностью, в то время как на поверхности жила именно та культура, о которой я рассказывал Вам в прошлый раз. Ибо во всем том, что было всеобщей цивилизацией, во всем этом не жило то, что можно было учить еще

во времена Аристотеля: Христос должен быть действительно познан.

Третий образ, женский облик, несущий ребенка на груди, ребенка Яххоса, должен также быть понят. Однако то, что должно было бы принести понимание этого третьего облика, еще должно было придти в развитие человечества — так говорил часто имевший Аристотель своему ученику Александру Великому, не записывая этого по причинам, о которых я только что говорил вам.

Тут Вы видите, что в недрах времени лежит требование принять в исконной действительности то, что затем так прекрасно изображалось христианскими художниками: Мать с младенцем на груди, что, однако, не было понято в полной мере ни в рафаэлевской Мадонне, ни в восточной иконе, но что еще ожидает своего понимания.

Некоторые вещи, необходимые для того, чтобы придти к такому пониманию, будут обсуждаться позднее в наших лекциях. За завтра я опишу путь, принесший некоторые глубокие оккультные тайны через Аравию в Европу, чтобы поставить тем самым перед нашими душами определенное историческое явление. В лекциях, которые должны составить оккультную основу исторического становления человечества и которые будут, в соответствующем месте прочитаны на Рождество перед делегатами, я буду говорить о значении походов Александра в связи с Аристотелизмом.

Одиннадцатая лекция

15 декабря 1923 г.

Тайна растительных существ, металлов и людей

Из всего рассказанного мной вчера, надеюсь, вам будет понятно, если про Аристотеля, который подытожил в четвертом дохристианском столетии все знания, все познания древности, я скажу, что хотя он и дал растечься по Средней Европе некоему виду логической системы, он все же стоял на почве греческой и, собственно, общей мистериальной сущности того времени. Да, надо даже сказать, что тот, кто в состоянии воспринять такую вещь, как мировоззрение, не только сознанием, но и душой, может в логических изложениях Аристотеля почувствовать, что в основе его логики и философии лежит внутренняя связь с тайнами природы. Это было больше судьбой Аристотеля — разлить по Европе логическую систему, чем, если можно так выразиться, его собственным путем развития. Ибо для иллюстрации можно привести своеобразный факт: наверно было немислимым, чтобы Платон стал учителем Александра, тогда как Аристотель смог стать им.

Платон древние Мистерии продолжал по-своему, в более идеальной форме. Однако именно благодаря своей идеальности он стал личностью, отделившейся от тайн природы, тогда как Аристотель опять возвел к ним то, что вы могли увидеть уже из краткого изложения, представленного в моих «Загадках философии». Но полное представление о фактическом положении вещей получают тогда, когда узнают, каково было содержание семилетнего обучения, данного Аристотелем Александру. Я вкратце передам содержание этого обучения, взятого из сущности античных Мистерий.

Когда в те времена значимым образом говорили о природе, то под природой подразумевали не то, что подразумевает под этим сегодняшнее естествознание — только лишь земные явления, по которым затем внешним образом делают заключения о внезапных небесных явлениях; но человека включали тогда в природу в самом широком смысле и могли делать это только благодаря тому, что и в природе искали Дух, ибо тогда вовсе не одобрялось рассмотрение человека как бездушного и бездуховного. И при мистериальном обучении, собственно, дело заключалось в том, чтобы расширить природу в космическое настолько, насколько космос был доступен человеку благодаря его родству с ним.

Все обучение, все принимаемое серьезно обучение тех древних времен не было обращено к человеческому рассудку или к внешней способности

наблюдения. То, что ныне представляют себе в качестве знания, не играло в то время, а также и во времена Аристотеля, никакой значительной роли. И если историки федерльных наук захотят сегодня изложить историю своего собственного научного мышления, то они должны будут начать с Коперника или Галилея; ибо то, что они присовокупляют из более ранних времен, собственно, совершенно не имеет к этому отношения. Ибо когда они доходят уже до греческого знания, их изложение становится чистой фантазией: это является неким родом продолжения современности назад, в древнее время, не соответствующее никакой реальности. Ибо еще во времена Аристотеля и самим Аристотелем всякое обучение давалось таким образом, что было связано с изменением всей человеческой природы, с обращением не только к человеческому мышлению и наблюдению, а ко всей человеческой жизни. Посредством познания человек должен был стать другим существом, отличным от того, каким он был без познания. Это было существенным в Мистериях, что благодаря познанию человек становился совершенно другим существом, чем он был прежде. И именно в аристотелевское время это преобразование человека старались вызвать тем, что давали воздействовать на человеческую душу двум полярно противоположенными ощущениями.

Обучаемому, который постепенно должен был придти к знанию, указывали на необходимость настоящего вчувствования в природное окружение. Взгляни, — примерно так говорилось ему, — ты дышишь воздухом, но воздухом, летом — тёплый, а зимой — холодный. Ты дышишь так, что зимой можешь воспринимать твое дыхание в форме пара, тумана. Летом же, когда ты дышишь теплым воздухом, оно становится невидимым.

И с подобным явлением приходили в связь. Приходили в связь с природой не так, что говорили: взгляни, это тело имеет ту или иную температуру; я нагреваю его в реторте и оно проходит через те или иные изменения. Нет, приходили в связь с человеком, — с человеком, как он ощущал себя внутри в этой связи, представляя процесс дыхания. И постепенно, с одной стороны, человека приводили к ощущению нагретого воздуха: представь-ка себе понятиенного, что же это такое, нагретый воздух. Он стремится вверх, и при приближении нагретого воздуха ты должен чувствовать, что что-то хочет вынести тебя в просторы. И, напротив, ощути холодную воду, холодную воду в какой-либо форме; только ощути это. Собственно, ты тут не чувствуешь себя уютно. В теплом воздухе ты чувствуешь себя уютно, так уютно, что теплый воздух стремится вынести тебя в космические дали. В холодной воде ты чувствуешь себя отчужденным, неуютно. Однако, ты ощущаешь, когда отходишь от холодной воды и когда даешь холодной воде вне тебя делать то, что она хочет сделать, — тогда этот факт станет для тебя чем-то; тогда, когда ты дашь холодной воде вне тебя делать то, что она хочет, тогда она, к примеру, приготовит снежные кристаллы, падающие на землю. Вне снежных кристаллов, наблюдая снежные кристаллы, ты чувствуешь себя на своем надлежащем месте. Теплый воздух ты можешь, собственно, чувствовать только в себе; и ты хотел бы дать вынести себя вместе с поднимающимся теплым воздухом в просторы Вселенной. Холодную воду ты, собственно, можешь ощутить только вне себя; и ты хотел бы, для того, чтобы иметь с нею родство, наблюдать ее результаты только своими внешними чувствами. Это являлось двумя полярными противоположностями, к которым тогда приводились: почувствовать, что, собственно, «вне и внутри человека» — это лишь пустые выражения. «Вовне и внутри», собственно, не означает ничего особенного. Многозначительно следующее: теплая воздушность, холодная водянистость. Это есть противопоставления, посредством которых человек согласно своей внутренней сущности поставлен в мир. Ибо «вовне» нечто находится постольку, поскольку оно является влажнохолодным; а «внутри» нечто находится постольку, поскольку оно является воздушно-теплым. Качественно ощущали эту противоположность, и каким же — эту поставленность человека в ее среду.

Тогда больше не говорили о вещах, тогда уже говорили о с^ам^ом человеке. Тогда говорили о том, что воздушно-теплое ведет к богам, к богам в высях, а влажно-холодное ведет к подземным демонам. Однако, с путешествием к подземным демонам связано в то же время познание природы. Нужно только забрать с собой в нижние сферы то, что возвещается и переживается посредством воздушно-теплого в высях, чтобы нижнее не могло причинить никакого вреда. И когда затем с этим внутренним ощущением противоположности воздушно-теплого и влажно-холодного по^дхо^дили к природе, тогда, благодаря дальнейшему переживанию природных вещей и природных явлений, глубоко прозревали в сущность Вселенной вообще.

Сегодня химик исследует водород, после исследования опис^ает определенные его свойства. Затем он наблюдает мировые пространства, видит там нечто, выявляющее те же свойства, что и водород в лаборатории, и говорит, что водород имеется и в м^ир^овых далях. Такое соотнесение было безумием еще и во времена Аристотеля, Тогда к делу подходили иначе.

Если внутреннее переживание было углублено тем способом, о котором я только что рассказал, ученика приводили к наблюд^ению того, что действительно живет в стремящемся вверх, в раскрывающемся навстречу мировым просторам цветке. Познание растений было тем, к чему приводили ученика. Познание раст^ений осуществлялось так, что говорили: Смотри в раскрывающуюся чашечку цветка; наблюдай, как тут на тебя производит вп^ечатление то, что сияет навстречу мировым просторам.

И в то время как ученик с теми углубленными чувствами, о которых я говорил вам, смотрел на раскрывающиеся цветы, тогда ему открывалось внутреннее знание, внутренний свет. Земные цветы становились для него вестниками тайн мировых далей. Цветы говорили ему о мировых просторах. И проникновенным, однако, только намекающим образом, вел учитель ученика к тому, чтобы эту тайну, струящуюся из мировых просторов в существо цветка, найти в себе самом. И так постепенно ученик приводился к тому, чтобы на вопрос учителя: Что же ты, соб^ственно, воспринимаешь, когда смотришь на чашу цветка, на раскрывающуюся цветочную корону, выступающие оттуда т^енки и сияющие тебе навстречу, что же ты, собственно, вос^спринимаешь?, — ученик приводился к тому, чтобы сказать: Растения рассказывают мне, что тяжелой холодной Землей они принуждаются иметь местом пребывания землю; однако, они собственно, происходят не от твердой Земли, а лишь закрепл^ены в Земле; в действительности же они являются водорожде^нными существами, и в этой их живости в качестве водорожде^нных существ она имели свое действительное, подлинное состо^яние в предшествующем состоянии земного бытия, — я подра^зумеваю состояние, описанное в моем «Тайноведении» как лунное состояние. Видите ли, ученика приводили к тому, чтобы ск^азать: То, что, собственно, является тайнами Луны, вышедшей из Земли и все еще сохраняющей кое-что из доземного лунного состояния, это отражается из цветов мне навстречу. Ибо цветы говорили ученику каждую ночь не одно и то же. Когда Луна стояла во Льве, цветы говорили отличное от того, что они гов^орили, когда Луна стояла в Деве или в Скорпионе. Ибо о том, что Луна переживала во время прохождения через зодиакальный круг, об этом рассказывали земные цветы. О тайнах Вселенной рассказывали цветы на Земле. И действительно было так, что благодаря тому, что подводилось к ученику, он из интимне^ских глубин своего сердца говорил: Я смотрю на цветы;

Их родство с бытием Луны открывают они; Они теперь покорены Землей, так как они водорожденные. Ученик мог почувствовать это, ибо до того он был введен в то, что открывала ему охлаждающаяся вода, он уже пережил это, и благодаря этому переживанию он приходил у цветка к подобного познанию.

И когда ученик бывал уже достаточно посвящен в тайну Луны, открываемую растениями, вырастающими из Земли, его вели дальше к

металлам Земли, к главным металлам: свинцу, олову, железу, золоту, меди, ртути, серебру — как я рассказывал о них вам вчера в некоей другой связи. И когда он имел такую углубленную жизнь чувств, как я это теперь указал, тогда именно у металлов, знакомясь с тем, что они таинственно сообщали ему, узнавал он тайны всей планетной системы. Ибо свинец просвещал его относительно Сатурна, олово — относительно Юпитера, железо — относительно Марса, золото — относительно Солнца, медь — относительно Венеры, ртуть — относительно Меркурия и опять-таки серебро — относительно Луны, не потому что Луна состоит в более тесном родстве с Землей, а потому что она является членом всей Вселенной. И как ученик открывал себе тайну цветов, так же открывал он себе тайну металлов, итак, первой была тайна растений, а второй — тайна металлов.

Эта тайна металлов, которая в Элевзинских Мистериях давалась в могучей карте Земного шара, описанной вам вчера в связи с мужской статуей, — эта тайна металлов все еще вплетается в обучение в аристотелевские времена; и в этой тайне металлов открывалась тайна планет. Тогда ощущения были не такими грубыми, как сегодня; подходя к такому металлу, как свинец, ощущали перед глазами не только свинцово-серый цвет, но и особое впечатление от этого свинцово-серого получаемое внутренним оком. В определенном смысле этот свинцово-серый цвет свежего металла свинца стирал другие цвета, и ощущали странствование вместе со свинцово-серой металличностью. Приходили в некое определенное состояние сознания, и приходили внутренне к переживанию чего-то совсем иного, отличного от имеющегося в современности. Действительно входили в такое настроение, что перед человеком вставало все прошлое Земли, тогда как современное казалось свинцово-серым. Обнаруживалась природа Сатурна.

Относительно золота допускают, что древние по внешней аналогии видели в золоте представителя Солнца. Однако, в действительности, это было не только внешней игрой аналогии, когда Солнце рассматривали как нечто драгоценное на небе, а золото — как нечто драгоценное на Земле. Ведь для современного человека нет ничего глупее, как приписать глупость древним. Когда смотрели на золото в его замкнутом в себе сияюще-желтом цвете с неприятельственностью и гордостью во вне, тогда в самом деле ощущали нечто, что переживали в первую очередь родственным всему кровообращению человека. По отношению к качеству золота чувствовали: там ты внутри, там ощущаешь ты себя. И благодаря этому чувству приходили к тому, чтобы понять природу солнечного.

Ощущали родство качества золота с тем, что от Солнца действовало в крови человека.

И таким образом посредством отдельных металлов воспринимали всю планетарную систему. И ученик приходил к тому чтобы мышление о вещах, которое не было настолько абстрактным, как сегодняшнее мышление, применить следующим образом:

Я размышляю над металлами;

Свое родство с планетами открывают они;

Они покорены Землей, так как они — воздухорожденные.

В действительности же металлы, какими они являются теперь на Земле, пришли из Космоса в форме воздуха, и постепенно в течение лунного бытия стали текучими. Они пришли в воздушной форме, когда Земля была в своем древнем солнечном состоянии, достигли текучей, жидкой формы в течение лунного бытия и стали покорены Землей в твердой форме именно во время земного развития. Это была вторая тайна, которая открывалась ученику.

Третья тайна должна была открыться ученику благодаря тому, что он учился наблюдать, как различаются люди, народы Земли. Если отправиться в теплую Африку с ее своеобразным климатом, то там мы найдем людей, уже цветом своей кожи отличающихся от людей Эллады. Если перейти в Азию, то

и там мы найдем людей, отличающихся от жителей других мест. И греки имели тонкое чувство внешних различий людей.

Одним из интереснейших сочинений, перешедших от Аристотеля к потомкам, является сочинение по физиогномике, под которой понималось не только физиогномика лица, но и физиогномика всего человека, с притязанием на то, что таким образом познается действительная природа человека, как человека с вьющимися или прямыми волосами, в соответствии с различными климатами, в которых он менял не только цвет своей кожи, но и общее выражение своего человеческого существа, в соответствии с тем, в каком климате он рождался.

Изучая отражение лунной тайны в цветах, изучая отражение планет в металлах, научались познавать и собственную тайну человека на Земле посредством этого третьего обучения. И тогдашнее естествознание работало невероятно много именно над тем, чтобы дать воздействовать на себя многосторонности человеческой природы на Земле и прийти к ответу на вопрос: какая пра-форма человека лежит, собственно, в основе намерения Богов?

По формам, по физиогномике человека на Земле, какой она представлялась, живо представлялось ученику, внутренне открывалась тайна зодиакального круга. Ибо таким образом, как этот зодиакальный круг действует на элементы Земли, как этот зодиакальный круг, в связи с планетной системой и с Луной, в соответствующее время года несет ветры в одном направлении, а в другое время года в другом направлении, принося в какую-нибудь область то теплый воздух, то распространяя холод в других областях и благодаря этому глубоко проникая в человеческую жизнь, — для этого тогдашние естествоиспытатели искали истоки во влияниях, излучавшихся на Землю от звезд Зодиака, модифицированных планетами Солнцем и Луной.

И особый интерес для естествознания того времени представляло то, чтобы сказать: Вот некий человек, — черные вьющиеся волосы, красноватый цвет лица, нос такой-то и такой-то формы, и так далее — этот человек указывает мне на знак Льва, как Лев излучил свои силы, ослабленные или усиленные другими планетами, смотря по тому, как они были расположены. Это есть некий человек, несущий во внутреннем соответствии со своей кармой — в своей печени те или иные свойства. То свойство печени, которое, например, вносит налет меланхолии в душевную жизнь, было внесено тем, что в определенный момент времени Венера находилась в определенном отношении к Юпитеру, что придало излучению Льва определенный характер. В особенном складе темперамента в связи со строением печени я усматриваю эту космологическую детерминированность, эту космическую предопределенность человека. Я распространяю это на качество народов Земли. В том, что переживает человек совместно с атмосферным окружением, я усматриваю тайну зодиакального круга.

И когда ученик посвящался таким образом, в его сердце опять открывалось познание, которое он выражал примерно в следующей форме:

Я переживаю тайны зодиакального круга в многообразии людей;

Родство этого многообразия людей с неподвижными звездами стоит перед моей душой;

Ибо люди живут в этом многообразии земнопокоренными; они являются теплорожденными.

Из тепло-эфира, из этого тепло-эфира будучи рожденными под влиянием знаков Зодиака, они являются теплорожденными. Следовательно, человек ощущал себя в своем облике как теплорожденный, лишь изменившимся в течение бытия Луны, в течение бытия Земли, но все же достигающим своего первоначального состояния в древнем сатурническом времени, таким же образом, как металлическость Земли он ощущал солнцорожденным — воздухорожденным, цветочное, растительное же луноорожденным —

водорожденным. Он мог это так ощущать, ибо был подготовлен к этому тем, что воспринимал вещи чувствами, возбужденными в нем для переживания тепловоздушного и холодноводного.

Человека рассматривали таким образом, что получали ощущение: он действует на тепловоздушное в определенной смысле с холодновоздушным; во времена Аристотеля человека рассматривали в отношении его физиономии так, что отвечали себе на вопрос: Сколько отдает этот человек другому тепловоздушного, сколько воспринимает он у другого холодноводного. С тем, что таким образом вырабатывали в душе — смотрели на человека и постепенно учились смотреть так на всю природу. Это стало подготовкой к тому, что затем перешло в Испанию через Африку, а в качестве древней алхимии, настоящей алхимии, излилось над отдельными частями средней Европы: Все в природе, в мире — каждый цветок, каждое животное, но также и каждое облако, каждое туманное образование, песок и камни, море и реки, лес и поле — созерцать таким образом, каким они создают впечатление в отношении тепловоздушного и холодноводного.

И таким образом получали в отношении природы такую возможность тонко ощущать четыре качества. При ощущении тепловоздушного образовывалось чувство тепла, но в то же время и воздуха, ибо тепло относилось именно к воздушному. А из ощущения холодного вырабатывалось чувство влажного и сухого. Для этих различий, для этих дифференциаций получали тонкую способность ощущения, ибо всем своим человеческим существом стремились внутри того, что давал мир посредством этих способностей восприятия.

На той точке зрения, на которой стоял ученик Аристотеля Александр Великий, само собой разумелось, чтобы всю ту страну, в которой жили они оба, понимать в первую очередь с этой точки зрения. И поскольку Александр был проникнут тем, что исходило как раз из такой способности восприятия, он ощущал там все греческое существо так, как оно открывалось в Македонии: в двух качествах влажного и воздушного, и это в итоге сформировало его настроение в определенный период его жизни. И то, что на основе особого вида посвящения, полученного им от Аристотеля, он ощущал как основной характер своего непосредственного мира, который он переживал, он воспринимал это только в качестве некой половинчатости. Это может быть лишь половиной мира, — так говорил он себе. Видите ли, все природное тогда подводилось вплотную к человеку, так что человек переживал, следовательно, это природное, и к этому природному теперь присоединилось следующее обучение: Если приблизительно тут была Македония, то тут направление ветра было бы северо-западным, здесь — юго-западным, север-восточным, юго-восточным.

рис

Александр, ученик Аристотеля, сам научился воспринимать в том, что несли климатические влияния, северо-западные ветры — влажнохолодное; в том, что приносилось с юго-запада — влажнотеплое. Это было для него половиной восприятия мира. В обучении это восполнялось ему, и в нем внутренне открывалось, что сюда еще относилось: В том, что веяло с северо-востока, излучалось сухо-холодное, а в том, что струилось из юго-востока — теплое-сухое. Так из четырех направлений ветра он познал переживание сухо-холодного, сухо-теплого, тепло-влажного, холодно-влажного. Как истинный человек того времени, он хотел примирить противоположности: Тут в Македонии переживается только одно-влажное, тепло-влажное; это должно быть соединено с одно-сухим, с огненно-сухим, — с тем, что веет с Севера Азии, и с тем, что веет с Юга Азии через Азию.

Из этого возникло то непреодолимое стремление к азиатским походам. И на этом примере вы должны увидеть отличие тогдашнего времени от позднейшего. Подумайте над нынешним воспитанием принца — над тем,

чему учат его; представьте себе такого принца, воспитываемого для походов. Попробуйте-ка получить ясное представление о том, какая связь имеется между изучением физики, которую преподает ему какой-нибудь воспитатель, и тем, что затем переживается в походе: что за связь имеется тут! Как правило, из реторт не выскальзывает ничего такого, что совершается в походах. На таких примерах особенно ясно видно, как отдалено сегодня то, что дается человеку к формированию его внутреннего человека, от того, чем является человек во внешней жизни. Тут вы имеете все еще то время, когда именно на основе познания могло быть достигнуто совершенное единство между тем, что внутренне формирует, образует человека, и тем, как стоит он сам в мире, как он действует и работает в мире. Древняя история исходила уже из школьной комнаты. Но эта школьная комната была как раз родственна Мистериям, была мистериальной; и Мистерия означала мир, а мир оказывался как результат того, что было в силах Мистерий.

Это дало импульс понести в Азию то, что было древним естествознанием. В многократно ослабленном состоянии пришло оно через Испанию в Европу. Его (естествознание) можно заметить в том, что выражает Парацельс, Яков Беме, Гихтль, различные люди, примыкающие к такому духу, как Базилиус Валентинус. Но сначала должно было победить то, что проникло в одну только мыслительную форму, что проникло в только лишь логику; другое же должно было ждать.

Однако ныне наступило время, когда это другое исполнило свою задачу ожидания, когда оно должно быть опять найдено как сумма знаний о природе. Александр должен был сначала эти тайны природы, в сущности, захоронить там в Азии, ибо только их трупы были перенесены в Европу. Однако не эти трупы должны быть гальванизированы, а древнее живое должно быть сегодня снова найдено. Необходимое для этого вдохновение будет в существенном получено только тогда, когда будет наличествовать некое теплое ощущение того, что было на повороте времен, и когда разовьют живое чувство того, что внешне выглядело всего лишь как завоевательные войны, походов Александра, но которые были направлены на то, чтобы к одной стороне розы ветров отыскать другую, чтобы к тому, что могло быть лишь одной половиной земли, найти другую половину. И это было всецело также и исканиями личного переживания. Это личное переживание состояло в том, что имелась определенная внутренняя неудовлетворенность и неуютность в среде лишь влажнохолодного и влажнотеплого, и это должно было дополниться другим ощущением.

Какое, в самом значительном смысле, огромное историческое значение это имело в развитии всего запада, я разъясню потом в лекциях, которые буду читать перед собранием делегатов об оккультной основе исторической жизни человека на Земле.

I. Тайна растений

Я смотрю на цветы;
Свое родство с бытием Луны открывают они;
Они теперь покорены Землей, ибо они — водорожденные.

II. Тайна металлов

Я размышляю над металлами;
Свое родство с планетами открывают очи;
Они покорены Землей, ибо они — воздухорожденные.

III. Тайна человека

Я переживаю тайны зодиакального круга в многообразии людей;
Родство этого многообразия людей с неподвижными звездами стоит перед моей душой;

Ибо люди живут в этом многообразии земнопокоренными; они являются

теплорожденными.

Двенадцатая лекция

21 декабря 1923 г.

Мистерии самофракийских кабиров

В течение последних недель я говорил тут о различных обликах Мистерий. Мы предприняли особую попытку проникнуть взглядом в те Мистерии, которые в качестве последних великих Мистерий непосредственно связывали человеческое внутреннее с бытием природы, с духом природного бытия. Это были Мистерии Гибернии. И мы увидели, как благодаря наблюдению в самом человеке, наблюдению, которое было, однако, совершенно интимно духовной природы, даже индивидуальной, личной природы, греческие Мистерии проникали во внутреннее человека. Можно уже сказать: как во внешней природе разнообразнейшие области Земли дают ту или иную растительность, так и в течение развития человечества в самых разных местах Земли проявляются разнообразнейшие влияния со стороны духовного мира на людей.

Перейдя к Востоку, что в исторической связи мы сделаем в последующие дни, мы нашли бы другое в обликах Мистерий. Однако я имею сегодня — поскольку еще не все слушатели собрались с прибавить нечто к тому, что уже было рассмотрено, чтобы затем начать нечто новое.

Можно сказать: когда смотрят назад на человеческое развитие, тогда перед имажинативным сознанием со всем ясностью выступает трехчленное развитие. Я говорю: со всей ясностью перед имажинативным сознанием, ибо если эпохи, о которых пойдет речь, распространить дальше назад в более ранние времена, а также и вперед в будущее, то, конечно, получим куда большее число эпох, чем три. Однако сегодня рассмотрим с определенной точки зрения эти срединные стадии развития человечества, включающие со всей ясностью именно перед имажинацией, а не перед инспирацией.

Вплоть до египетского периода для человечества, для сознания того времени, как африканско-европейских народов, так и азиатских народов, совершенно не существовало того, что сегодня называют веществами.

Для сознания человечества не существовало даже внешних грубых веществ, не говоря уже о таких абстракциях, которые мы сегодня обозначаем как углерод, водород, серу и т. д. Этих вещей не существовало, а все то, что расстилалось во внешней природе, непосредственно рассматривалось как тело божественно-духовных сущностей, открывающихся через всю природу. Ныне мы идем в горы, ступаем по камням, берем их в руки, видя в них некую безучастную субстанцию. В наше сознание совершенно не входит то, что входило в сознание древнего египтянина, древнего человека Востока.

Не правда ли, ныне, рассматривая человеческий палец, мы не считаем его чем-то безразличным. Мы рассматриваем его как нечто, относящееся ко всему человеческому организму. И глядя, например, на указательный палец человека, мы можем только сказать: это есть часть единого организма.

Так это было в древнем Египте и у древних людей Востока. Когда они ступали по какому-нибудь камню, поднимали какой-нибудь камень, то для них это был не безразличный камень, как теперь для нас; для них это было не вообще обыкновенной земной субстанцией, а частью божественного тела, каковым им представлялась Земля. И так, как мы теперь в своем сознании относимся к коже человека, так же древние относились ко внешней поверхности Земли. Когда мы подходим ныне к какому-либо человеку и благодаря особым обстоятельствам перед нашим сознанием выступает то, то он нам напоминает другого человека, знакомого нам, который, быть может, теперь не находится тут, тогда нам непосредственно приходит в сознание: у этих двоих имеется одна плоть и кровь, они определенным образом едины телесно. А когда древний грек или человек древнего Востока поднимал взор к Марсу, Юпитеру, Сатурну, а затем обращал к Земле, тогда в этой Земле он

видел в первую очередь божественное тело Бога Земли, и в то же время в этой Земле он видел сестру или брата других планет, кружившихся вокруг Земли — Юпитера, Марса, Сатурна.

И, таким образом, у древних было нечто совершенно душевно-духовное в ощущении всего Космоса и в ощущении Земли, как некой части этого Космоса. И вы в вашем внутреннем долгие по-настоящему глубоко представить, что это означало для душ совершенно иное по сравнению с тем, что человек ощущает сегодня. Это уже кое-что значит, видеть в Земле божественное тело, сестринский член тела всех других планет мировой системы. Ибо наполненной Богами представлялась древним Вселенная. И наполненной Богами для них была не только вся Земля: Богами был наполнен для них каждый отдельный член великого планетарного мирового тела этих планетарных существ. В камне и дереве, в реке и скалах, в облаках и молнии открывались какие-либо духовно-божественные существа. Это сознание было пробуждено в широких кругах земного населения, и это сознание углублялось в разнообразных обликах Мистерий, находившихся тут и там на Земле.

И когда в греческом существе мы подходим к тому времени когда внешнеполитическое величие Греции закатилось в некий род хаоса народов и возшло македонское существо, и тогда мы находим, как в самом деле что-то тогда влилось в человеческое знание, в человеческое познание, о чем мы в прошлый раз познакомились здесь в форме аристотелизма, что мы познали как то, что Александр Великий в духовном смысле сделал задачей своего народа. Когда мы приходим к македонскому существу, которое, с одной стороны, является кульминационным пунктом Греции, а с другой стороны, упадком Греции, то мы видим, в противоположность тому, что предлагает нам внешняя история, которая, собственно, в действительности является легендой истории, — в подосновах сознания именно глубоких Духов, импульс, исходивший из тех Мистерий, к которым очень близко стоял Аристотель, хотя внешне он никогда не говорил об этом. Это были те Мистерии, которые в глубочайшем смысле со всей жизненностью будили в своих слушателях сознание, что весь мир является теогонией, становлением Богов, что мир видят совершенно иллюзорным образом, если видят, что что-либо иное развивается в мире кроме Богов. Это Боги представляют собой сущностное мира; это Боги имеют переживания в этом мире; это Боги совершают действия. И то, что видят как облака, что слышат как гром, что воспринимают как молнии, что на Земле воспринимают как реку и горы, что на Земле воспринимают в минеральном царстве, с это все есть откровения, выражения судьбы Богов, сокрытых за ними. И также и то, что внешне является в облаке, в молнии и громе, в дереве и лесе, в реке и горе, является ни чем иным, как бытием Богов, которые пребывают повсюду, открываясь таким образом, как кожа человека выявляет внутреннее душевное человека. А если Боги являются повсюду, тогда следует различать — так учили учеников Мистерий в северной Греции — малых Богов, являющихся отдельными существами природы и ее процессов, и великих Богов, проявляющихся как сущность Солнца, Марса, Меркурия и некоего четвертого, которого нельзя сделать внешне видимым, представляя посредством образа или какой-либо формы. Это были великие Боги, великие Боги планет, те великие Боги планет, к которым обращались так, что взор человека направлялся в пространство мира, причем не только его глаз, но и сердце должно было видеть то, что жило в Солнце, Марсе, Меркурии, но что, однако, живет не только в этом маленьком кругу в пространстве мира, а живет всюду в пространстве мира, и что прежде всего подступает к человеку. И затем, после того, как сначала в ученике северо-греческих Мистерий был пробужден, мог бы я сказать, величественный импульс тем, что его взор направляли на самые сферы планет, затем его взор столь человечески углублялся, что глаз в определенной мере охватывался сердцем, чтобы видеть душевно. Тогда ученик

понимал, почему на алтарь перед ним ставили три символически оформленных кувшина.

Однажды мы применили имитацию этих кувшинов в одном эвритмическом представлении из «Фауста»; и такими, какими они выглядели тогда, такими и были эти кувшины в самофракийских северо-греческих Мистериях. Однако, существенным было то, что с этими кувшинами во всей их символической форме совершалось священнодействие, жертвенное действие. В этих кувшинах совершали некий род священного воскурения, совершали сожжение, дым клубился наружу, и в клубящийся дым совершающий службу отец с мантрической силой изрекал три слова, о которых мы еще скажем завтра утром, и из этих дымящихся кувшинов появлялись фигуры трех Кабиров, Они появлялись благодаря тому, что человеческое дыхание, выдыхание формировалось благодаря мантрическому слову и передавало свою форму клубящейся, вздымающейся субстанции, добавленной в символические кувшины. И в то время, как ученик таким образом учился читать в своем собственном дыхании, вдохе и выдохе, в то время как он учился читать то, что вписывало его дыхание в дым, тогда одновременно он учился читать, что говорили ему исполненные тайн планеты изнутри далекой Вселенной. Ибо теперь он знал: как один из Кабиров образовался благодаря мантрическому слову и его силе, таким же образом был образован в действительности Меркурий; как образовался второй Кабир, так же было в действительности и с Марсом; как образовался третий Кабир, так же было в действительности и с Аполлоном, Солнцем.

И когда смотрят на те, словно из журнала мод, фигуры — извините, что я выражаюсь радикально — которые, к сожалению, большей частью ведь можно видеть в галереях из позднереческой пластики, и которые весьма почитаются, потому что не имеется никакого представления о том, откуда они произошли, когда эти фигуры из журнала мод некоего Аполлона, некоего Марса, некоего Меркурия рассматривают гетевским взором, тем взором, который Гёте применял во время своего итальянского путешествия, чтобы посредством этих фигур из журнала мод получить представление о том, чем было, собственно, греческое искусство в иных произведениях, которые погибли вместе с нами, что в первых столетиях после основания христианства было подвергнуто страшному опустошению — когда определенным образом прозревают сквозь эти позднегреческие пластические фигуры, с одной стороны, они по праву, считаются великими, поскольку они служили здесь ориентирами, а с другой — несправедливо считать их великими, ибо они являются лишь подражанием более раннему. Когда оглядываются назад на то, откуда они возникли, то видят, как в древнее греческое время воссоздались жертвенные откровения, в ранние времена намного более величественные, великолепные, чем позднее в Самофракии при Мистериях Кабиров. Оглядываясь назад, мы видим времена, когда мантрическое слово произносилось в жертвенный дым и появлялись настоящие образы Аполлона, Марса, Меркурия.

Это были времена, в которых человек не говорил абстрактно: В начале был Логос, и Логос был у Бога, и Бог был Логос, — это были времена, когда человек мог говорить нечто совсем другое; тогда человек мог сказать: Во мне формируется выдох, и когда выдох образуется регулярным образом, он оказывается отражением космического творения, ибо из жертвенного дыма он создает формы, являющиеся для меня живыми письменами, которые открывают мне то, что хотят мне сказать планетарные миры.

И когда ученик Мистерий Кабиров Самофракии подступал к вратам тех мест посвящения, тогда в нем благодаря обучению возникало чувство: Да, теперь я вступаю в то, что закрывало мне магические действия жертвующего отца, совершающего таинства. Ибо «отцом» называли совершающего службу инициатора (священного) этих Мистерий. И что же открывала ученику магическая сила этих совершающих службу Отцов? Через то, что Боги

вложили в человека, через силу речи, вписывал Жрец — маг и мудрец в жертвенный дым те письмена, которые высказывали тайны Вселенной.

Поэтому и говорил ученик, приближаясь к вратам, в своем сердце: Я вступаю в то, что закрывало мне могучего Духа, что закрывало мне великих Богов, тех великих Богов, которые на Земле через жертвенные действия людей открывают тайны Вселенной. Это была речь, которую там говорили, и письмена, которыми там писали, которыми, поистине, охватывали не только разум человека, но и всего человека. И в самофракийских Мистериях еще было кое-что из того знания, которое ныне совершенно истлело. Человек ныне, ведь, является весьма могучим, чтобы высказывать истину о том, каким является наощупь кристалл кварца, кусок железа, кусок антимония, каковы на ощупь волосы, человеческая кожа, животная шерсть, шелк, бархат; это человек может сегодня охватить своим чувством. В самофракийских Мистериях еще наличествовало нечто, благодаря чему человек в согласии с истиной мог сказать, каковы на ощупь Боги. Ибо чувство, осязание было еще одарено тем, чем оно обладало в совершенстве в древности: ощущением духовного осязания Богов. И удивительным является, собственно, следующее: ведь нужно признать, вернувшись в древние времена, когда прямо-таки могли говорить то, что люди могут сказать в согласии с истиной: Я познаю через кончики моих пальцев, каковы Боги на ощупь. Однако, в этих самофракийских Мистериях имело место другое искусство осязания Богов, оно заключалось в следующем:

Когда жреческий маг произносил слова в жертвенный дым, заставляя в то же время слово звучать в выдохе и разговаривая, с он имел в исходящем дыхании чувство, которое человек ощущает, когда он протягивает осязаемую руку. И как знают, что кончиками пальцев постоянно осязают различными способами, и трогая материю, осязая бархат, осязая шелк, осязая кошачью шерсть, осязая человеческую кожу, так самофракийский магический священник ощущал в отношении выдыхаемого воздуха; и он ощущал выдох, которому он давал ипускаться в жертвенный дым, как продолжение чего-то, что исходило из него самого: он ощущал выдох как некий орган осязания, который шел к дыму. Он ощущал дым. И в этом дыме он ощущал идущих к нему навстречу великих Богов, Кабиров; он чувствовал в том, как формировался дым и как формы, которые образовались тут, шли извне к выдыханию, так что это выдыхание ощущало: тут — выпуклое, тут — угловатость, тут — что-то хватает меня. Вся божественная фигура Кабира этим осязалась в Слове, одетом выдохом. Речью, которая шла из сердца, осязал самофракийский мудрец нисходящих к нему через дым жертвы Кабиров, называвшихся великими Богами. И это являлось неким живым взаимодействием между Логосом в человеке и Логосом во вне, в далях мира.

И в то время, как посвящающий Отец приводил ученика к жертвенному алтарю и постепенно научал, как можно ощущать речью, в то время, как ученик все дальше продвигался вперед и привыкал к этому ощущению речи — приходил наконец ученик к той стадии внутреннего переживания, в котором он прежде имел ясное сознание того, как сформированы Меркурий, Гермес, как сформирован Аполлон, как сформированы Арес, Марс. И было так, как если бы все сознание человека было вынесено из его тела, как если бы то, что ученик прежде знал как содержимое своей головы, находилось наверху над его головой, как если бы сердце было локализовано на новом месте, проникая в то же время из груди в голову. И тогда в этом действительно вышедшем из себя человеке возникало то, что внутренне оформилось в слова: «Таким хотят тебя Кабиры, великие Боги». И с этих пор ученик знал, как в нем жил Меркурий в его конечностях, Солнце — в его сердце, Марс — в его речи.

Видите ли, совсем не только природные явления и существа во внешнем мире показывались ученикам в древние времена. То что проводилось перед

ними, не было бы односторонне натуральным, ни односторонне моральным, но было тем, в чем мораль и природа сливались воедино. И это именно и было тайной самофракийского мира, что ученик опосредованно получал знание: природа есть Дух, Дух есть природа.

От тех времен, нашедших последний отзвук в самофракийской службе Кабиров, происходит прозрение, которое земные субстанции связывают со всем Небом. В древние времена при виде красно-коричневого минерала с блеском меди, при виде нашей теперешней меди, нельзя было сказать то, что говорят сегодня: Это — медь, это есть составная часть Земли, ибо тогда не могли мыслить так. Для древних медь была не составной частью Земли, а действием Венеры в Земле, что выражало себя всюду как медь. Земля имеет только такие породы, как песчаник, содержащий известь, чтобы в их недрах воспринимать то, что Небо пересаживает на Землю. И как нельзя ныне, засевая землю семенами растений, говорить: эти семена выросли из Земли, так же невозможно было тогда, глядя на поверхность Земли и на медную руду в земле, говорить: эта медная руда является составной частью Земли. Вот что должно было быть сказано: земля с ее песчаником и другими породами является почвой; то же, что содержится в ней металлического, посажено в нее какой-либо планетой. Это семя, посаженное в Землю планетой. Все то, что таким образом было на Земле, видели как бы импульсированным в Землю с Неба.

Когда сегодня имеют перед собой Землю и изучают субстанции Земли, тогда все описывают так — посмотрите какую-нибудь книгу по минералогии, по геологии, — как описывается Земля. Так в древней науке не описывали. Тогда взор блуждал над Землей; но в то же время видя субстанции, поднимали взор к небу, и в небе видели сущность субстанций. Только по видимости лежат медь, цинк, свинец в Земле. В действительности же они являются семенами, которые были посажены в земное бытие небом во время древнего солнечного и лунного времени.

Таким было еще учение Кабиров в самофракийских Мистериях. Это было в конце концов уже тем, что воздействовало на Ариотота Великого по крайней мере как атмосфера знания. А затем было положено начало к чему-то совершенно иному.

Человечество, по их убеждению, не сразу спустилось с Неба на Землю, а напротив, прошло промежуточную стадию развития через древние времена. И еще в отзвуках тех древних времен самофракийских Мистерий, желая описать металлы Земли или также другие ее субстанции, как, например, серу или фосфор, описывали, собственно, небо, подобно тому, как описывают растение, когда хотят познать сущность семени. Ведь имея перед собой зерно семени, невозможно познать сущность этого семени без познания растения. Что вы хотите поделаться с таким вот семенем, если не знаете, например, как выглядит растение? Что хотите вы поделаться с медью, находящейся в земле, — говорили древние, — если не знаете, как выглядит Венера духовно-душевно-телесно там наверху на Небе.

И из познания неба постепенно, можно сказать, слагалось познание обращения планет, познание атмосферы, в каком-то уже не рассказывалось, когда наблюдали земное, о том, чем были звезды в своем сущностном, а при наблюдении существа Земли говорилось: там внутри живет, во-первых, то, что мы видим в твердом Земли; но затем там внутри живет то, что мы видим в жидкой форме капли жидкости; затем внутри живет то, что стремится к распространению во все стороны, что воздухообразно, что в человеческом организме, например, живет в дыхании и речи. А затем там внутри живет огненное, которое растворилось в отдельных существах таким образом, что из разорванных, разрозненных частей может возникнуть новое. Тут живут элементы в каждом земном образовании.

И в то время, как прежде в древних Мистериях люди взирали конечно, также и на космическое, сформированное, однако, в земном солевом, которое

они видели в том, что Мать-Земля несла навстречу металлам, они видели меркуриальное во всем том, что исходя из Вселенной, должно стать металлом.

И насколько же это по-детски, когда сегодня люди начинают давать описание того, что еще в средневековье представлялось как Меркурий! Это опять-таки всегда ставится на заднем плане, что Меркурием в Средневековье обозначали что-то, будто бы подобное ртути, либо вообще какому-нибудь отдельному металлу. Но это, ведь, вовсе не так. Меркурием является всякий металл, поскольку этот металл стоит под влиянием всего Космоса. Ибо какой была бы медь, если бы Космос на своей периферии так бы действовал на каждый металл? Медь была бы такой же каплей, как и ртуть. Каким был бы свинец, если бы действовал только Космос? Свинец был бы таким же капельным, как и ртуть. Каким было бы олово, если бы действовал только Космос? Олово было бы капельным. Каждый металл, когда бы действовал лишь Космос, был бы ртутью. Все металлы являются Меркурием, поскольку на них действует Космос. А действительная теперешняя ртуть, которая на Земле принимает форму капли, чем является тогда она? Вот видите ли: другие металлы, скажем, свинец, медь, олово, железо, они произошли из формы капли. Когда вся Земля еще находилась под воздействием сферически-шарообразного Космоса, все металлы являлись Меркурием. Они изошли из меркуриальной формы; они кристаллизовались теперь в другие формы. Собственно, только ртуть в теперешнем смысле осталась на той же ступени.

Как говорили древние и как говорили еще средневековые алхимики об этой теперешней ртути? Они говорили: медь, олово, железо, свинец являются хорошими металлами, которые прогрессировали согласно предопределению; ртуть же является Люцифером среди металлов, ибо она остановилась на прежней ступени образования. И так было как раз в древние времена, что, говоря таким образом о земном, говорили в действительности о небесном.

Отсюда приходили к тому, чтобы говорить о том, что лежит между окружающим и Землей. Между этим окружающим и Землей лежит именно внизу сама Земля, затем — водный элемент, воздухообразный элемент и огненный элемент. И, следовательно, все, что было на Земле, древние видели в аспекте Неба; таким образом, средние века, завершившиеся только в первой трети четырнадцатого столетия, видели все в аспекте окружения, атмосферического. И тут в четырнадцатом, пятнадцатом столетии наступил великий переворот. Тут человек со всем своим мировоззрением совершенно пал на Землю. Тут также и в его сознании раскололись элементы воды, воздуха, огня; они раскололись на серу, углерод, водород. Человек видел все в земном аспекте.

И этим начинается затем время, на которое я уже указывал, когда обсуждал Гибернийские Мистерии: это начинается время, когда человек охватывает землю своим познанием, а небо становится для него математикой. Он вычисляет величину звезд, движение, отдаленность небесных светил и так далее. Небо становится для него абстракцией.

Но не только небо превратилось в абстракцию. Ибо отображением неба в живом человеке является его голова. И что человек может понять о небе, это живет в его голове. И раз человек о небе познавал только математику, то есть логическое, абстрактное, то и в его голове жило только логически-абстрактное, понятийно-идейное. И, таким образом, отныне не существовало для человека возможности получить и внести спиритуально-духовное в понятийно-идейное. А там, где искали Дух, началась великая борьба между тем, чего мог достичь человек со своим идейным содержанием головы, содержанием мозгов, и тем, что Боги хотели скрыть ему о небе. Самым великим, самым гигантским образом велась эта борьба, в настоящих формах того, что называют розенкрейцерскими Мистериями средневековья.

Тут бессилие современного человека ощущалось как подгонение к действительному знанию. Ибо это было уже чем-то, что могло ощущаться как нечто могучее именно в кругах настоящих розенкрейцерской инициации.

Могучее состояло в том, что для ученика не абстрактно, а внутреннее живо становилось явным следующее: ты, современный человек, можешь проникнуть только в мир понятий. Но тем самым ты теряешь живое существо этой твоей человечности.

И в то время, как ученик чувствовал это, что то, что ему давалось как раз новое время, не могло повести его к тому, что является его собственным существом, этот ученик чувствовал: ты или должен отчаяться в познании, или должен пройти через некий род умерщвления высокомерия абстракцией. И ученик Розенкрейцер, подлинный ученик Розенкрейцер, ощущал нечто подобное тому, как если бы учитель давал ему удар в затылок, с тем, чтобы указать, что абстрактное современной головы не пригодно к тому, чтобы вступить в духовные миры, и что ученик должен смочь отказаться от простых абстракций, чтобы вступить в духовный мир.

Это было, собственно, великим подготовительным моментом того, что можно назвать Розенкрейцерским Посвящением.

Тринадцатая лекция

22 декабря 1923 г.

Переход от духа древних мистерий к сущности мистерии средневековья
Сущность Мистерий разных времен была распространена в различных местностях земли в различных формах, — говорил я вчера. Каждая местность в соответствии с ее населением, ее условиями, которые характеризовали эту область Земли, имела особые формы Мистерий. Однако, теперь пришло время, имеющее невероятно большое значение для всей сущности Мистерий. Это есть время, которое наступило в развитии через несколько столетий после основания христианства.

Ведь уже из моей книги «Христианство, как мистический факт» можно усмотреть, что то, что произошло на Голгофе, определенным образом подытоживает все, что в различных Мистериях было распределено по Земле. Однако, ведь, Мистерия Голгофы отличалась от всех других Мистерий, о которых я рассказывал вам, тем, что она стоит на исторической арене перед всем миром, в то время как древние Мистерии разыгрывались в сумрачной глубине храмов и посылали в мир свои импульсы из этой сумрачной глубины храмов.

Глядя в восточные мистерии, глядя туда в Мистерии, которые я вам описал как переднеазиатские Эфесские Мистерии, глядя в греческие Мистерии (будь то Хтонические или Элевзинские), глядя в Мистерии, о которых я упоминал вчера, в Самофракийские Мистерии, или, наконец, глядя в Мистерии, которые я охарактеризовал как Гибернийские Мистерии — всюду мы увидим, как в сумраке глубины храма разыгрывается, собственно, Мистерия и затем свои импульсы высылает в мир. Кто действительно понимает Мистирию Голгофы — ведь ее понимают не через то, что исторически знают сообщения, сохранившиеся о ней, — тот одновременно постигает в ней и Мистерии, ей предшествовавшие.

Эти Мистерии, которые предшествовали Мистерии Голгофы и в ней достигли высшей точки, — их воздействия на чувства имели одну особенность. В Мистериях происходило много трагического. И кто достигал посвящения в Мистерии, должен был пережить страдание, боль. Я ведь часто это охарактеризовывал. Однако в целом все же можно сказать, что до Мистерии Голгофы тот, кто должен был пройти через Посвящения, и внимание которого при подготовке обращалось на то, что он должен пройти через разнообразнейшие преодоления, страдания, боли, должен пережить трагическое, — все же говорил: Я пройду через весь огонь мира, ибо это ведет в светлую область Духа, в которой видят то, что в обыкновенном человеческом осознании на Земле в определенную эпоху можно только предчувствовать. Итак, по существу это было тоской, но тоской, которая одновременно была радостной, которая охватывала того, кто искал путь к

старым Мистериям, — конечно, это была серьезная радость, глубокая радость, возвышенная радость, но все же радость.

Тут наступило промежуточное время — в лекциях, которые я прочту в следующие дни, я охарактеризую эти вещи с исторических точек зрения, — наступил промежуточный период, который, в конце концов, привел к четырнадцатому, пятнадцатому столетию, когда, как вы знаете, началась новая эпоха человеческого развития. Прошло промежуточное время. И затем пришло то, что придало совершенно иное настроение в исходном пункте своего пути для того, кто искал и познания высших миров. Ведь это действительно так, что, заглядывая в древние Мистерии впоследствии через Акаша-хронику, мы находим еще радостные лица, углубленные, но в сущности все же радостные лица. И если описать сцену, которую можно извлечь из Акаша-хроники — например, сцену Самофракийских Мистерий Кабиридов, то надо было бы сказать: личности, которые вступали во внутреннее храмов Кабиридов, имели многозначительные, углубленные лица, но имели в себе и что-то радостное.

Затем наступил промежуточный период. И затем пришло то, что не имело собственного храма, но все же имело некую моральную установку, как это уже было в древних Мистериях. И затем пришло то, что часто обозначается как розенкрейцерская сушность Средневековья.

Если, однако, тем же способом, как я характеризовал античные Мистерии, охарактеризовать учеников Мистерии Розенкрейцера, то надо будет сказать: самые значительные из этих личностей, которые в Средневековье шли к познанию, к исследованию духовного мира, имели поистине не радостные, поистине глубоко трагичные лица. Это истинно настолько, что можно даже сказать: те, у которых не было глубоко трагических лиц, определенно не были верными этому устремлению людьми. И, конечно, имелись все основания к тому, чтобы нести на себе трагические лица.

Я хотел бы сделать наглядным тот род и способ, как постепенно люди, стремящиеся к познанию — в период, который затем достиг высшей точки в розенкрейцестве четырнадцатого и пятнадцатого столетий — должны были находиться в ином отношении к тайнам природы и духа, чем как это имело место в древности, в древних Мистериях.

Я ведь уже вчера обратил ваше внимание на следующее: явления природы, природные процессы для древнего человека были непосредственно божественными явлениями. Так же, как никому не придет в голову рассматривать движение человеческого глаза само по себе, а не как выражение душевно-духовно-телесного человека, столь же мало приходило человеку древнего времени в голову рассматривать какое-нибудь природное явление в отдельности, само по себе. Он рассматривал его как выражение Бога, который открывался в явлениях природы. Поверхность Земли для древнего человека была такой же кожей Божественно-земного существа, как кожа человека является кожей одушевленного человеческого существа для нынешнего человека. Совершенно не понимают того, каким было душевное настроение древнего человека, если не знают, что он говорил так, как я упоминал вам вчера: о Земле — как о теле Бога, а в отношении других планет нашей планетарной системы — как о братьях и сестрах.

Это непосредственное отношение к явлениям и вещам природы, когда каждый отдельный предмет природы, каждое отдельное явление природы было откровением божественного для человека, — это воззрение затем перешло в совсем другое, в котором в некоторой степени для познания отошло то, что является божественным в явлениях природы. Представьте себе — если допустить, что произошло ужасное — что кто-то из вас попал куда-нибудь, и у него видели бы только тело так, как видят Землю — нейтральным, самим по себе, неодушевленным: это было бы, ведь, ужасно, нечто совершенно ужасное!

Однако это ужасное наступило для познания в новейшем времени. И это ужасное ощущали познающие Средневековья. Это является так, как если бы божественное отступило для познания из явлений природы и процессов природы, и тогда как в древнее время вещи природы и явления природы были откровениями божественного — наступает этот средний период, и тут природные вещи и явления становятся только образами, уже не откровениями, а образами божественного.

Древнее время: вещи и явления природы
— откровения божественного.

Средний период: вещи и явления природы
— образы божественного.

Однако нынешний человек больше не имеет настоящего понятия о том, насколько явления природы и т. п. являются образами божественного. На одном примере, который, естественно, знает каждый, кто хоть немного знаком с химией, я хочу показать, каким для тех людей, которые по крайней мере еще стояли внутри воззрения: вещи природы и явления природы являются образами божественного, — как для этих людей было знание естествознанием.

Возьмите простой опыт, который, ведь, всегда может быть произведен сегодняшними химиками. Берут реторту — я буду объяснять это совсем схематично, — вводят в реторту щавелевую кислоту, которую можно получить из клевера, и смешивают эту щавелевую кислоту с тем же количеством глицерина. Затем эту смесь из глицерина и щавелевой кислоты подгревают и получают — как говорилось, я рисую схематически — выходящую тут углекислоту. Углекислота выходит, а то, что здесь остается, это муравьиная кислота. Щавелевая кислота, теряя углерод, превращается в муравьиную кислоту. Щавелевая кислота преобразуется от потери углекислоты в муравьиную кислоту.

рис

Так вот, я прошу вас теперь посмотреть на схему: щавелевая кислота, муравьиная кислота; получается углекислота. Вы можете сами, имея в лаборатории реторту, поставить этот опыт. Вы можете это сделать, как нынешний химик, ставящий этот опыт.

Так не обстояло это при средневековом человеке до XIII, XIV века; этот человек глядел одновременно с двух точек зрения. Он говорил: щавелевая кислота заметнее всего выступает в клевере, в клеверной кислоте; но щавелевая кислота в определенных местах наличествует во всем человеческом организме, а именно в той части человеческого организма, которая содержит органы пищеварения, селезенку, печень и т. д. Так что, если вы возьмете человеческий организм, и именно ту часть, где находится пищеварительный тракт, то вы здесь должны считаться о процессах, которые стоят под влиянием щавелевой кислоты.

Однако на эту щавелевую кислоту, находящуюся в нижней части человеческого внутреннего тела и имеющую там свое назначение, человеческим организмом производится такое же воздействие, как и в реторте посредством глицерина. Тут имеет место воздействие глицерина. И продумайте для себя это примечательное: под влиянием глицерина в легких и дыхательном воздухе происходит процесс превращения щавелевой кислоты в муравьиную кислоту. И человек выдыхает углекислоту, которая выходит вот тут (см. рис. 18). С выдыхаемым воздухом она выделяется наружу, этим вы выделяете углекислоту. Вы можете, прежде всего, прекрасно рассматривать это (реторту с подогретой смесью из глицерина и щавелевой кислоты) как человеческий пищеварительный тракт; то, куда истекает муравьиная кислота — как легкие, а это тут — как выдыхаемый из легких воздух, углекислоту.

Ну так вот, человек — не реторта. Реторта показывает как раз мертвым

образом то, что в человеке происходит жизненно и ощущаемо. Но верно то, что если бы человек в своем пищеварительном тракте не развивал щавелевую кислоту, то он вообще не мог бы жить, то есть его эфирное тело не имело бы никакой основы в его организме. Если же человек не превратил бы щавелевую кислоту в муравьиную кислоту, то его астральное тело не имело бы никакой основы в его организме. Человек потребляет для своего эфирного тела щавелевую кислоту, для своего же астрального тела — муравьиную кислоту. И он нуждается не столько в этих субстанциях, но в той работе, той деятельности во внутреннем, которая состоит в том, что имеет место процесс щавелевой кислоты, процесс муравьиной кислоты. Это, естественно, есть нечто, что нынешняя физиология еще должна достигнуть — теперь она еще не может таким образом говорить, ибо она говорит о том, что происходит в человеке, так, как если бы это являлось внешними процессами.

Это было первым вопросом, который задавал себе тот, кто тогда занимался естествознанием и, сидя перед своей ретортой, спрашивал себя: как протекает тот или иной внешний процесс, который я замечаю в реторте или в другой химической организации, каков этот процесс в человеке?

Второй вопрос был такой: как протекает этот процесс во вне, в великой природе? Так вот, в отношении процесса, который я выбрал в качестве примера, тогдашний естествоиспытатель сказал бы: я обращаю взор во вне на Землю, где расстилается мир растений. Конечно — выражаясь радикально — щавелевая кислота находится в клевере, в клеверообразных вообще; но, в действительности, щавелевая кислота распространена всюду в вегетативном, хоть иногда и в гомеопатических дозах, но она находится всюду. И всюду находится в то же время хотя бы налет, хотя иногда и гомеопатический налет того, что, например, муравьиный вид насекомых производит из щавелевой кислоты на временных деревьях. Эта армия насекомых, которая иногда так надоедает человеку, превращает то, что распространено как щавелевая кислота на лугах, полях, над всем растительным простором Земли, в муравьиную кислоту. И мы фактически вдыхаем муравьиную кислоту — хотя и в малых дозах — постоянно из воздуха, где эта муравьиная кислота находится благодаря работе насекомых над растениями, посредством которой щавелевая кислота растений превращается в муравьиную кислоту.

Так говорил средневековый естествоиспытатель: в человеке наличествует процесс превращения щавелевой кислоты в муравьиную кислоту. Однако, в жизни и деятельности природы также наличествует этот процесс превращения.

Эти два вопроса ставил перед собой средневековый естествоиспытатель при каждом явлении, которое он изучал в своей лаборатории. И нечто своеобразное было характерно для этого средневекового естествоиспытателя, что совершенно утрачено современным человеком. Сегодня думают, что в лаборатории каждый может проводить исследования, а хороший ли он или плохой человек, это будто бы к делу не относится. Имеют формулы, могут анализировать или синтезировать; это, ведь, может сделать каждый. Тогда, когда таким способом подходили к природе, к природе природу рассматривали как действие божественного, т. е. божественного в человеке, как я это изобразил, и божественного в великой природе, тогда имелось требование: человек, исследующий таким образом, должен в то же время иметь внутреннее благочестие. Он должен быть в состоянии направлять свою душу и свой дух к божественно-духовному миру. И это уясняли себе, ибо было фактом: тот, кто готовился к экспериментированию как к некоему жертвенному действию и становился действительно внутренне горячим от навыка благочестивости для своего экспериментирования, тот на собственном опыте узнавал, что его эксперимент с одной стороны вводил в изучение человека, а с другой стороны выводил в изучение великой природы. Так что внутренне добро рассматривали как подготовку для

исследовании, а свои лабораторные опыты рассматривали так, что их ответы на вопросы считали ответом божественно-духовными существ.

Так вот, этим я охарактеризовал вам переход от духа древних Мистерий к тому, что затем стало сущностью Мистерий в Средневековье. Видите ли, некоторое из древних Мистерий традицией сохранилось также и в существе Мистерий Средневековья. Но то, что, собственно, было величием даже поздних Мистерий Саксонов или Гибернии, что было, собственно, великими — это все же уже невозможно было достигнуть в Средневековье.

Традиционно ведь до самых наших дней сохранилось то, что называют астрологией. Традиционно сохранилось и то, что называют алхимией. Однако ныне уже совершенно не знают — и уже в XII-XIII столетии едва ли знали — каковы условия действительного астрологического знания и действительного алхимического знания.

Видите ли, благодаря размышлению или благодаря эмпирическому исследованию — как это теперь называют — никто не может прийти к астрологии. Те люди, которые были посвящены в древние Мистерии, они на ваш вопрос, можно ли через исследование, через размышление прийти к астрологии, ответили бы: ты так же можешь прийти к астрологии через размышление, через эмпирическое исследование, как можешь узнать через эмпирическое исследование и размышление тайны человека, если он их тебе не расскажет. Допустим, существует нечто, что знает только один человек, чего не знает никто, кроме этого человека; и кто-нибудь начал бы строить предположения, делать эксперименты, чтобы узнать, что этот человек знает или думать о том, что этот человек знает, — это было бы абсурдно, не правда ли! Однако, намерение узнать что-то об астрологических вещах посредством размышления или посредством эксперимента, или благодаря наблюдению, древний человек нашел бы столь же абсурдным, как ныне человек находит абсурдным, когда хотят исследовать то, что можно узнать только тогда, когда человек об этом расскажет. Ибо древние люди знали: тайны звездных миров знают только Боги, или, как их позднее называли, космические Интеллигенции. Эти космические Интеллигенции знают тайны звездных миров, и только они могут сообщить их человеку. Поэтому надо пройти путь познания, ведущий человека к способности понимать космические Интеллигенции.

Истинная, правдивая астрология покоится на том, что позволяют возможность понимать космические Интеллигенции. А истинная алхимия? Истинная алхимия основывается не на таком исследовании, которое ведет сегодняшней химик, экспериментируя и размышляя, а на таком, что могут воспринимать в природных процессах духов природы, общаясь с ними; так что человеку духи природы говорят, как протекают явления, что же тут собственно происходит. Астрология древних времен была никаким не мудрствованием и наблюдательным исследованием, а общением с космическими Интеллигенциями. Алхимия же была в древние времена никаким не наблюдательным исследованием, не размышлением, а общением с духами природы. Это надо знать в первую очередь. Если бы пришли к древнему египтянину или древнему халдею, то тот бы сказал: мою обсерваторию имею я для того, чтобы вести беседу с глазу на глаз с космическими Интеллигенциями посредством моих инструментов и благодаря тому, что я даю говорить из моего духа с помощью моих инструментов, и тот, кто в качестве благочестивого естествоиспытателя в Средневековье подходил к реторте и в реторте с одной стороны естествоведчески исследовал внутреннее человека, а с другой стороны — ткань и сущность великой природы — этот средневековый естествоиспытатель говорил: я экспериментирую, ибо посредством эксперимента со мной говорят духи природы. Алхимиком был тот, кто заклинал духов природы. Все, что позднее рассматривалось как алхимия, является декадентским продуктом. Все, что в древние времена было

астрологией, является результатом общения с космическими Интеллигенциями.

Так вот, в это время, в первых веках после возникновения христианства, еще существовала собственно древняя астрология, а значит и общение с космическими Интеллигенциями. Она все еще имела традицию. Находятся ли звезды в оппозиции, в конъюнкции и т. п., это там вычисляли, не правда ли? Имели все то, что осталось в качестве традиции от тех времен, когда астрологи общались с космическими Интеллигенциями. Однако тогда как в то время — несколько столетий спустя после возникновения христианства — астрология уже, собственно, исчезла, алхимия еще продолжала существовать. Общение с духами природы было все еще возможно в более поздние времена.

И когда мы теперь всматриваемся в то, что в Средневековье, скажем, в XIV или даже еще в XV столетии было действительной розенкрейцерской алхимической лабораторией, то мы находим внутри нее инструменты, которые сравнительно даже походят на теперешние инструменты; по крайней мере по нынешним инструментам можно получить представление о том, чем были эти инструменты тогдашнего времени. Но когда затем мы духовно всматриваемся в эти розенкрейцерские Мистерии, то всюду внутри мы находим, собственно, я бы сказал, давнишнюю, еще серьезную и глубоко трагическую личность, которая становится Занем Фаустом, а именно гетевским Фаустом. И по отношению к тому, кто в розенкрейцерской лаборатории стоит как исследователь с основательно глубоко трагическим лицом, который, собственно, уже не справляется с жизнью, по отношению к нему гетевский Фауст является чем-то подобным — я вчера высказал это радикальное выражение — журнальноподобным Аполлону Бельведерскому, каким он является по отношению к Аполлону, образованному из клубящегося жертвенного дыма на алтаре Кавиров. По сути говоря, вглядываясь в эти алхимические лаборатории восьмого, девятого, десятого, одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого столетий, взирают в глубокую трагиду. И эта трагика Средневековья, эта трагика именно самых серьезных людей, не отображена по-настоящему ни в каких книгах по истории, ибо там не умеют смотреть во внутреннее душ.

Все эти истинные исследователи, которые таким же способом искали человека и Вселенную, как природу у реторты — все эти люди являлись усиленными фаустовскими натурами в позднем Средневековье, ибо одно они чувствуют глубоко: Когда мы экспериментируем, тогда с нами говорят духи природы, духи Земли, духи Воды, духи Огня, духи Воздуха. Они слышатся нам в их журчании, в их шелесте, в их особенном течении, жужжащих начинающих звуках, которые затем переходят в гармонии и мелодии, чтобы возвратиться в себя. Так что мелодии звучат, когда имеют место явления природы. Вот реторта; вот углубившийся в то, что тут происходит, как я говорил, благочестивый человек. Как раз при этом процессе, в котором тут переживается метаморфоза щавелевой кислоты в муравьиную кислоту, как раз тут переживают прежде всего, если задают вопрос этому процессу, некий ответ природно-духовного, так что природно-духовное может быть затем использовано для внутреннего существа человека. Тут прежде всего реторта начинает говорить через красочные явления. Ощущают, как духи природы земного, духи природы водного восстают из щавелевой кислоты, предъявляет свои права, но как затем это целое переходит в жужжащие мелодические облики, гармонию, которые затем снова возвращаются в себя. Так переживают этот процесс, который затем дает муравьиную кислоту и углекислоту, И если так вживаются в этот переход красочного в звучащее, то тогда вживаются также и в то, что может сказать лабораторный процесс о великой природе и о человеке. Тогда имеют уже чувство: вещи природы и явления природы открывают еще то, что говорят Боги, они являются образами божественного. И это обращают внутренне на пользу человеку. Во все эти времена, например, исцеление еще в высокой степени было задушевно

связано со знанием всеобщего мировоззрения.

Допустим, что с таким воззрением имели задачу построить терапевтическое. Имели перед собой некоего человека. Одни и те же внешние комплексы симптомов могут найти выражение в различных состояниях болезни и причинах недугов. Но с методом, который это принимал — я не говорю, что сегодня он может быть таким же, как в Средневековье, сегодня, естественно, он должен быть другим — могли сказать: если выступает совершенно определенный комплекс симптомов, то человек не в состоянии превратить достаточно щавелевой кислоты в муравьиную кислоту. Он каким-то образом ослаб для того, чтобы превратить щавелевую кислоту в муравьиную кислоту. Ему можно помочь, если каким-нибудь образом дать ему муравьиную кислоту, так что ему помогла извне, когда сам он не мог выработать муравьиную кислоту.

Представьте себе, перед вами два-три человека, у которых диагностирована неспособность выработать муравьиную кислоту; вы даете им муравьиную кислоту и это им помогает. Затем к вам приходит человек, у которого имеется нечто аналогичное. Вы даете ему муравьиную кислоту, но она совсем не помогает. Однако в то мгновение, как вы даете ему щавелевую кислоту, она тотчас помогает. Почему? Да потому, что недостаток сил находится в другом месте, там, где щавелевая кислота должна превратиться в муравьиную кислоту. В таком случае кто-либо, думающий в смысле этих средневековых исследователей, сказал бы: при определенных обстоятельствах человеческий организм, когда ему при некоторых предпосылках просто дается муравьиная кислота, говорит: я это отправляю не в легкие или им подобное, чтобы оно поступило в дыхательный воздух и в циркуляцию, но в совсем другое место заболевания — в сферу щавелевой кислоты; это будет мною самым превращено в муравьиную кислоту. Я отказываюсь от муравьиной кислоты, я хочу ее сделать сам.

Таким образом, с вещами обстоит дело различно. И у этих алхимических исследователей, у тех, кто заслуживает это имя — ибо с этими вещами связано много обмана, глупости и т. п. — дело всегда касалось того, что то, что является здоровой природой человека, продумывалось во внутренней связи с тем, что было больной природой человека.

Однако все это приводило как раз к общению с духами природы. Следовательно, средневековый исследователь имел это чувство: я общаюсь с духами природы; но были и более древние времена, когда люди общались с космическими Интеллигенциями. Они для меня закрыты.

Да, мои дорогие друзья, с тех пор как и духи природы отошли от человеческого познания, с тех пор, как вещи природы и явления природы стали теми абстракциями, какими они выступают перед сегодняшним физиком и химиком, с тех пор больше не возникает та трагичность, которая существовала в Средневековье. Ибо духов природы, с которыми эти люди еще общались, хватало толку на то, чтобы пробуждалась тоска по космическим Интеллигенциям, к которым приходили древние люди. А с тем, что именно тогда применялось как средство познания, нельзя было больше найти пути к космическим Интеллигенциям; можно было найти путь только к духам природы. И в то время как воспринимали духов природы, вводились в познание духов природы, чрезвычайно трагично воспринимали то, что невозможно было приблизиться к космическим Интеллигенциям, которыми инспирируются сами духи природы. Воспринимали то, что знали духи природы; однако, было невозможно проникнуть через них к достижению космических Интеллигенции. Таковым было это настроение.

И, по-существу, то обстоятельство, что у средневековых алхимиков осталось познание духов природы и было утеряно познание космических Интеллигенции — это и было причиной их трагичности. И это опять-таки было причиной того, что средневековый экспериментатор уже не мог придти к полному познанию человека. Однако, он все еще предчувствовал, где

находилось полное познание человека, И следует сказать: это является некоей реминисценцией того, что чувствовали некоторые лаборанты в Средневековье, когда гетевский Фауст говорит: «Вот я стою, глупец из глупцов, и не умней я стал в конце концов, чем прежде был...», — ибо это учение лабораторным исследователям, в сущности, давалось духами природы, к которым они проникали. Однако, эти духи природы не давали никакого настоящего познания души.

Сегодня многое утеряно также и в традиции; но оно должно быть вновь найдено. Я хотел бы сказать, что весть о повторных земных жизнях не имел также и этот исследователь. Он стоял в своей лаборатории; духи природы имели именно такую особенность, что они говорили о всевозможном в отношении субстанций, в описании происходящего в мире; однако, они совершенно никогда не говорили ничего о повторных земных жизнях; они совершенно не интересовались повторными земными жизнями.

Вот, мои дорогие друзья, я поставил перед вашей душой некоторые из тех мыслей, которые определяли основное трагическое настроение средневековых исследователей. И мы хотим взглянуть на этот своеобразный облик розенкрейцеровского исследователя, стоящего в ранне-средневековой лаборатории, с его серьезным, часто глубоко задумчивым, но печальным лицом, безо всякого рассудочного скепсиса, но с глубокой неуверенностью души, без всякой парализованности воли, но с сознанием:

О, воля, воля есть во мне —

Как вывести мне ее на пути,

Ведущие к космическим Интеллигенциям?

Да, тут возникали бесчисленные вопросы в душе этого средневекового исследователя природы! И слабым отблеском этого является первый монолог Фауста с тем, что за ним следует.

Завтра мы несколько ближе рассмотрим, этого серьезного исследователя с глубоко задумчивым лицом, который является, собственно, праотцом гетевского Фауста.

Четырнадцатая лекция

23 декабря 1923 г.

Человеческое душевное устремление в эпоху средневековья Сущность розенкрейцеровских мистерий

Сегодня мы заполним последнюю из наших лекций тем, что некоторым образом подытожим сущность Мистерий, развиваемую мною перед вами в отношении той или иной области земли, показав эту сущность Мистерий, по крайней мере с одной точки зрения, в том образе, который он принял в средневековье, примерно, с десятого по пятнадцатое столетие.

Я говорю об этом отрезке времени не потому, что он замкнут в себе, а потому, что в определенной мере им можно воспользоваться для того, чтобы показать, какое состояние приняло тогда человеческое душевное устремление в цивилизованных странах. Часто как раз то, что тогда являлось духовным устремлением, обозначают как розенкрейцеровскую сущность Мистерий. Это обозначение в определенном смысле совершенно оправдано, однако тогда за этим познанием мы не должны искать разного рода шарлатанства, о котором идет речь в литературе — часто без обращения внимания на то, сколь шарлатанскими являются вещи, о которых там рассказывается, — а надо обратить взор на глубоко серьезное познавательное стремление, которое имело место именно в этих столетиях почти во всех странах Центральной, Западной и Южной Европы. Надо уяснить себе, что Фауст, о котором рассказывает Гете, со всем его глубоким душевным устремлением, со всем его серьезным стремлением, является фигурой более позднего времени, которая уже не так глубоко погрузилась в душу, как некоторые исследователи, которые в средневековых лабораториях — о которых исторически мало рассказывается — работали во время между десятым и

пятнадцатым столетиями. И я уже вчера упомянул, что именно у глубоких исследователей этого времени преобладала трагическая черта. Ибо основным было чувство, что, собственно, надо стремиться к высочайшему, к тому, что является в человеке творчески деятельным, но что, однако, в определенном смысле, не только не могут стремиться к этому высочайшему, а что, с некоторой точки зрения, опасно стремиться к этому высочайшему.

Я уже говорил вчера, что в алхимических лабораториях во время между десятым и пятнадцатым столетиями имело место не теоретическое, легковесное познание, а то, что было глубоко связано со всем человеком, с внутренним чувственно-образным и жаждой познания несомым чувственно-образным переживанием человека — что было неким сердечным и душевным познанием.

И откуда исходило это? Лучше всего это выяснится вам, если сей трагический скепсис средневековых исследователей я сделаю наглядным тем, что сегодня еще раз укажу на форму, которую человеческое знание некогда имело на Земле, укажу на древнюю форму. Эта древнейшая форма или облик человеческого знания, которое было, ведь, тесно связано с жизнью отдельного человека, не была такой, что люди глядели вверх на планеты и видели те математические величины, те математические движения, которые сегодня вычисляют и выдумывают. Но каждая планета, как и вообще все, что распространено на небосводе, была живым существом, не только живым, но и одушевленным, не только одушевленным, но и пронизанным духовным существом. И всегда говорили о семьях планет, о семьях небесных тел. Ибо знали: как существует кровное родство между членами семьи, так же существует и внутреннее родство между членами одной системы планет. Между человеческим и тем, что открывалось в космосе существовало, наличествовал в познании совершенный параллелизм.

Так вот, я хочу описать вам из одной области, как познавали в древнейших Мистериях, когда поднимали взор к Солнцу. Существовали, ведь, такие места Мистерии, которые были устроены так, что в них наличествовал некий вид особо подготовленного света сверху, — так что в определенное время дня через ослабленный свет поднимали взор к Солнцу. Следовательно, вы должны представить себе, что важнейшим помещением некоторых прадревних Мистерий Солнца были те, где в потолке был расположен верхний свет. Это окно было прикрыто таким материалом, не стеклом в сегодняшнем смысле, что в определенное время дня видели перед собой солнечный диск в довольно ослабленном брезжущем свете. Ученик подготавливался к тому, чтобы этот взор на солнечный диск воспринять в себя правильным душевным настроением. Он должен был сделать свою душу настолько восприимчивой, настолько внутренне способной правильно воспринимать, что когда он при приглушенном свете, так сказать, экранировал своей душой солнечный диск посредством своего глаза, то это производило на него впечатление, которое он действительно мог затем представить себе.

Разумеется, и сегодня многие глядят через затемненное стекло на Солнце; однако, они не подготовлены в своей способности восприятия к тому, чтобы впечатление, производимое Солнцем, представить действительно таким образом, чтобы душа имела его как особенное впечатление. Для ученика этих Мистерий впечатление приглушенного солнечного диска — впечатление, получаемое после долгих упражнений — было совершенно определенным. И человек, который мог иметь это впечатление в качестве ученика Посвященных Мистерий, никогда уже не мог забыть его. Этим впечатлением ученик получал нечто, что могло ему дать большее понимание определенных вещей, чем он имел до тех пор. А затем ученик — после того, как он был подготовлен благодаря величественному, великолепному впечатлению от Солнца, приводился к тому, чтобы дать на себя воздействовать основным качествам субстанции золота. И посредством этого солнечного

подготовки ученик приходил к глубокому пониманию свойства золота.

Когда проникают взором в эти вещи, тогда с настоящей болью переживают тривиальность, с которой часто сегодня в исторических трудах представлена причина того, почему те или иные древние мыслители соотносили золото с Солнцем, давали Солнцу и золоту одинаковое обозначение. Именно сегодня уже больше не знают, что то знание, которого некогда достигали, происходило в действительности от долгих тренировок и подготовлений. Я бы сказал: погружение пронизанного душой взора в приглушенный прямой солнечный свет подготавливало ученика к тому, чтобы понимать золото Земли. Как же он понимал его? После того, как он прошел эти приготовления, его внимание приковывалось тем, что золото невосприимчиво к тому, что для организмов является жизненным воздухом, и к чему многие металлы, большинство других металлов, очень восприимчиво: к кислороду. Кислород, кислород не может воздействовать на золото. Эта невосприимчивость, эта «толстокожесть» золота по отношению к тому, от чего человек получает жизнь, производило глубокое впечатление на древнего ученика Мистерий. И таким образом он получал от золота впечатление: к жизни золото не может подступать, непосредственно к жизни также и Солнце не может подступиться. И это хорошо, что к жизни непосредственно не могут проникнуть ни золото, ни Солнце. Затем ученика вели дальше, постепенно и он приходил к тому, что золото, как раз благодаря тому, что оно не имеет никакого родства с огненным воздухом, с кислородом, — при введении его в человеческий организм в определенных дозах, имеет на него совершенно особое воздействие. Совершенно особое отношение имеет это золото к человеческому организму, введенное в него, как говорилось, в соответствующей дозировке. Оно не имеет непосредственного отношения ни к эфирному, ни к астральному телу, а относится непосредственно к тому, что лежит в человеческом мышлении.

Проследите внимательно однажды только, как далеко отстоит мышление от человеческой жизни как раз в наше сегодняшнее время! Можно сидеть как колода, как некая деревянная колода, и абстрактно думать, думать совсем жизненно абстрактно. Однако, с другой стороны, невозможно посредством простого мышления воздействовать на что-либо в организме; мышление становится все более бессильным для людей. Но мышление приводит в движение «Я»-организацией. И золото, введенное в человеческий организм в правильной дозировке — это золото снова возвращает мышлению силу. Оно возвращает мышлению силу, заключающуюся в том, что мышление может воздействовать на астральное тело, да и на эфирное тело. С мышления человек благодаря золоту оживает.

Это было одной из тайн прадревнейших Мистерий, — тайна золота в связи с Солнцем. Родство субстанции золота с космическим действием Солнца открывалось ученику именно в тех древних временах, о которых я вам рассказывал.

И так же, аналогичным образом, приходил ученик древних Мистерий к пониманию того, как действует противоположный полюс золота. Золото является импульсом для оживления человеческого мышления таким образом, что человеческое мышление может действовать вплоть до эфирного тела. А противоположный полюс — каким является он?

рис

Видите ли, когда имеют человеческий организм с его членами — «Я»-организацией, астральным телом, эфирным телом, физическим телом — тогда могут сказать: посредством золота «Я»-организация получает способность действовать вниз вплоть до эфирного тела. Затем эфирное тело может воздействовать дальше на физическое тело. Но воздействие золота заключается в том, что дает мыслям возможность сохранить могущество вплоть до эфирного тела.

Что является противоположным полюсом? То действие, которое мы можем вызвать в противоположном этой стрелке направлении! Это воздействие, однако, является как раз тем, которое предстает перед нами, когда чем-то в человеке или чем-то в природе притягивается жизненный воздух, кислород, кислород. И как золото противостоит кислороду, отталкивает его и поэтому сначала не имеет никакого воздействия на эфирное и на астральное тела, а действует только на мир мыслей и на «Я»-организацию, так же то, что является в человеке углеродом, имеет непосредственное родство с жизненным воздухом. Ведь мы выдыхаем углекислоту, мы создаем углекислоту, соединяя углерод с кислородом. Растение нуждается в углекислоте для своей жизни. Углерод имеет прямо противоположное свойство по отношению к золоту.

Углерод играл чрезвычайно большую роль в древнейших Мистериях. Ибо, с одной стороны, говорили о золоте, как о субстанции совершенно особенно важной, когда хотели рассмотреть человека, а с другой стороны говорили об углероде. И об углероде в древнейших Мистериях говорили так, что его называли камнем мудрых. И золото и камень мудрых были очень значительными вещами для этих древних времен, — золото и камень мудрых. Углерод был камнем мудрых.

На Земле углерод встречается в целом ряде образований. Алмаз является углеродом, твердым углеродом. Графит является углеродом. Каменный уголь является углеродом. Антрацит является углеродом. Итак, на Земле углерод встречается в разнообразнейших формах. Но в данное время посредством методов, использованных в древних Мистериях, учились познавать, что существуют еще и другие образования углерода, кроме тех, которые имеются на Земле. И, видите ли, тут давалось как раз некое другое подготовление для учеников Мистерий, отличное от обычного под приготовления, о котором я уже рассказывал: давалось лунное подготовление.

Именно при солнечных Мистериях существовал некий вид обсерватории, где человек мог экспонировать своей душой и своим физическим глазом формирования Луны. Тут надо было не просто взирать при приглушенном свете в определенное время на Солнце; тут должны были фактически неделями подряд экспонировать пронизанным душой взглядом различные образования, которые принимает лунный диск ночью. Тут получали с другой стороны определенное впечатление в своей душе, благодаря чему только теперь впервые приходили к познанию. Следовательно, как посредством экспонирования Солнца получали одаренную Солнцем душу, так получали одаренную Луной душу посредством экспонирования лунных фаз.

Теперь учились познавать, какую метаморфозу может претерпевать углерод. На Земле углерод является или углем, или графитом, или алмазом, или антрацитом. На Луне же то, что на Земле является либо алмазом, либо антрацитом, либо углем, является серебром. Это было тайной древних Мистерий: углерод на Луне является серебром. Углерод является камнем мудрых и на Луне он является серебром.

То, что в древних Мистериях так глубоко подводилось к человеку в качестве познания, состояло в том, что некая субстанция, имеет данный внешний облик только в данном месте, в данное время. Это было просто невежеством, если не знали, что углерод является углем, алмазом, графитом только на Земле. То же самое, что на Земле является алмазом и графитом, на Луне является серебром. И если бы было возможно кусок нашего обычного черного угля в этот момент перенести на Луну, там он стал бы серебром.

Такое, я бы сказал, радикальное метаморфозное воззрение приобретал ученик тех древних времен. И это лежало, собственно, в основе не той шарлатанской алхимии, о которой сегодня рассказывают на разные лады, а в основе подлинной древней алхимии. Но нечто такое, каким является эта древняя алхимия, не достигается тем абстрактным путем познания, каким

теперь что-либо узнают. Сегодня наблюдают или размышляют о вещах. Так алхимия не могла быть достигнута. Сегодня направляют подзорную трубу на звезду, устанавливают параллаксы и т. п. и вычисляют и вычисляют, или же, чтобы познакомиться с ее субстанцией, употребляют спектроскоп и т. д. Но, ведь, все то, что узнают, бесконечно абстрактно в сравнении с тем, что некогда можно было узнать о звездах! Однако древнюю мудрость, подлинную астрологию можно было узнать — как я вчера уже рассказывал — тогда, когда имели живое общение с Интеллигенцией Космоса. Это было именно достижением знания, что могли в своей душе, в своем духе разговаривать с Интеллигенцией космоса. То, что значит «золото» для человеческого организма, связано с солнечной тайной. То, что таким способом, как я это описывал, экспонировали собственной душой солнечное бытие, этим вступали в отношение с самой Интеллигенцией Солнца. Они могли сказать человеку о том, как обстоит дело с золотом. И таким же образом вступали в связь с Интеллигенцией Луны — способом, который я описал вам.

Эта Интеллигенция Луны познавалась как то, чем в древности были великие Учителя земного человечества, некогда учили Землю премудрости. Это были те самые Учителя, которые ныне, я бы сказал, посылают на Землю свои силы, свои импульсы с Луны. Они в определенное время отошли в бытие Луны, некоторым образом с Земли основали на Луне колонию с отделением Луны от Земли.

Итак, с тем, что тут (см. схему) является вторым — тайна угля-серебра, имеет дело та Интеллигенция, которая некогда даже была на Земле и которая теперь является лунной Интеллигенцией. Вот видите, что означало знание в древние времена.

Я хочу привести еще один пример. Так же, как от Солнца и Луны, приходили к впечатлению и от других планет при душевном приготовлении. И так это обстоит с одной из тайн древних времен, относящейся к Венере. Венеру ныне наблюдают в телескоп, и считают ее подобной другим планетам, другим небесным светилам. Как это происходит с человеческим организмом, когда исследуют кусочек печени, а затем и часть мозга, исследуют, естественно, при этом только строение клеток, не понимая, что тут имеются две радикально отличающиеся субстанции — субстанция мозга и субстанция печени, подобно этому направляют подзорную трубу и полагают, что Меркурий, Венера и Марс и т. п. состоят из одинаковых субстанций. В древние времена знали, что пристально глядя на Луну и Солнце, еще можно обойтись тем, что имеет непосредственно связь с физической Землей, с земным, с водным, с воздушным, с огненным. Расширяя духовно наблюдение вплоть до Луны, достигают вплоть до эфира. Но расширяя свое наблюдение вплоть до Венеры, вступают в духовный мир, в чисто астральный мир. То, что выступает, как физическая Венера, является, некоторым образом, только внешним знаком чего-то, что живет и существует в астральном, соответственно в астральном свете. Физический свет, наличествующий у Венеры, является чем-то совершенно отличным от, например, физического света Солнца. Физический свет Солнца еще имеет какое-то родство с тем, что может жить на Земле как возникающий на этом свет. То же, чем является свет Венеры — детским лепетом является то, когда его считают только отраженным светом Солнца, — светит уже из духовного мира. И, экспонируя этот свет своим собственным душевным существом, узнают, какая Интеллигенция связана с Венерой.

Таковы Интеллигенции, которые живут, мог бы я сказать, в постоянном противопоставлении, в постоянной оппозиции к Интеллигенциям Солнца. И в древних Мистериях большую роль играло это противопоставление Интеллигенции Венеры Интеллигенциям Солнца. С определенным правом говорили о постоянном противоборстве Интеллигенции Венеры с Интеллигенциями Солнца. Существовали исходные пункты такой борьбы,

когда Интеллигенция Венеры начинала противоборствовать Интеллигенциям Солнца. Тут имелись нарастания, кульминации, катастрофы, кризисы, и между, так сказать, экспозицией и катастрофой или кризисом лежал отрезок времени в великой оппозиционной борьбе, разыгрывающейся в духовном мире, а во внешних знаках выражающийся лишь в астрологическом, астрономическом отношении между Венерой и Солнцем. В том, что разыгрывалось тут, имелись следующие друг за другом фазы. И никто из людей не сможет понять, что живет на Земле как внутренние импульсы истории, если не знают, как протекает борьба между Венерой и Солнцем. Ибо то, что тут на Земле протекает как войны, как развитие цивилизации, — это является земным отображением этой борьбы между Венерой и Солнцем.

Это знали в древних Мистериях. Такое знание имелось там потому, что существовало отношение между человеком и Интеллигенциями Космоса.

Но вот наступило время, о котором я рассказывал вам, период от десятого до пятнадцатого столетия. Эти исследователи в средневековых алхимических лабораториях, они с развитием человечества не могли больше достигать вверх до космических Интеллигенций; однако еще могли подойти к духам природы. Ставя бесчисленные химические опыты, как я описал вам вчера на примере превращения щавелевой кислоты в муравьиную кислоту, которые должны были открыть им божественное правление и действие в процессах и явлениях природы, эти алхимические исследователи могли говорить с духами природы в подходящий момент — об этом я говорил вчера — если они подготовили себя соответствующим образом благодаря кротости и благочестию. Подробнее рассмотрим теперь, в каком состоянии находился такой исследователь.

Такой исследователь находился в своей лаборатории. Он мог сказать себе: Сюда, в мою лабораторию, вношу я субстанций, порошки, жаровни. Я произвожу различные эксперименты. В то время как я ставлю вопросы природе моими экспериментам, в мою лабораторию для моего созерцания вступают духи природы с их откровениями. Ибо еще до пятнадцатого столетия духи природы еще являлись к правильно подготовленному Розенкрейцеровскому исследователю; это давалось ему. Но внешним образом он еще знал, что в древние времена можно было проникнуть не только к духам природы, но и к высоким космическим Интеллигенциям, к тем Интеллигенциям, которые рассказывали о тайне золота в связи с Солнцем, о тайне серебра и тайне углерода в связи с Луной, об исторически значительной тайне Венеры и т. д. Несомненно, из сведений, которые остались по традиции, знал это также и этот средневековый алхимический исследователь. Однако, не это являлось особенно значительным. Тот, кто вообще хотя бы однажды бывает затронут спиритуальным, для того исторические документы не имеют такого же невероятного значения, как для сегодняшнего материалистического времени. Вызывает постоянное удивление то, каким бесконечно значительным является для некоторых людей, когда находят такие вещи, как недавно найденный в пустыне Гоби динозавр. Это, конечно, значительная вещь, однако, ведь, это составляет отдельные крохи прошлого, в то время как спиритуально действительно можно проникнуть в тайны мира. Итак, исторические документы навеяны не произвели бы особого впечатления на этого средневекового исследователя. Однако, другим способом приходил он к знанию, что некогда достигали космического познания, что теперь можно проникнуть только к духам природы, которые стоят за элементами, за воздушным, огненным, водным. Дело, собственно, обстоит таким образом: в определенные моменты, когда производились определенные наблюдения над природой или производились эксперименты над природой, когда, следовательно, подходили к сфере духов природы, тогда появлялись духи природы, которые говорили: некогда существовали люди, которые состояли в связи с космическими Интеллигенциями. Это было мучительным, пронзающим, доставляющим страдание для этого

средневекового исследователя, что духи природы рассказывали ему о древнем времени, когда люди стояли в связи с космическими Интеллигенциями. И люди должны были сказать себе: духи природы еще рассказывают о старом времени, которое исчезло в пропасти человеческого знания и человеческого бытия. Итак, дар средневековых алхимиков приближаться к духам природы действительно не был сомнительным. С одной стороны приходили к духам природы, к духам воздуха, к духам воды, к гномам, силфам и ундинам в их живой действительности. С другой же стороны среди них были такие духи, которые рассказывали о вещах, которые подавляли, ибо они показывали, что некогда человек состоял в связи не только с духами природы, но и с теми Интеллигенциями, с которыми эти духи природы и теперь состоят в живой взаимосвязи, люди же утратили эту связь. Это было переживанием этих средневековых алхимиков, и часто это выражалось гораздо более грандиозным, трагически грандиозным образом, чем у гетевского Фауста, как бы прекрасно и грандиозно ни выражалось это там.

Однако выражение: к Луне, к серебряному сиянию лунного света, в котором хочет искупаться Фауст, это выражение с еще большей глубиной произносилось некоторыми исследователями в период между десятым и пятнадцатым столетием, когда духи природы рассказывали кое-что о тайне углерода-серебра, интимно связанной с человеком. Ибо чем же было то, о чем узнавали одновременно с этим в те древние времена? Ведь тогда узнавали не только то, как связано золото с Солнцем, но и то, как действует золото в человеке, как действует в человеке серебро и углерод, и как другие, родственные с планетами металлы, действуют в человеке. Однако, в те древние времена это переживали в циркуляции крови; сознательно переживали течение, струение крови через голову, ощущая в образе всю Землю, когда действительно ощущали течение крови через голову. И в сфере, где голова не замкнута костями, а открывается книзу, по направлению к сердцу, к груди, переживали отображение того, что от Земли поднимается в атмосферу. И таким образом в том, что узнавали из Космоса, переживали как раз то, что внутренне в человеке происходило. И следовали за планетами при этом прохождении через все органы. Тут устанавливалось то, что таким проникновением образом говорится у Гете в строках Мефистофеля: Кровь есть совершенно особый сок. Ибо кровь в своей метаморфозе отражает эти великолепные метаморфозы от углерода к серебру. Все это также живет в человеческой крови.

И таким образом этот средневековый исследователь рассматривал утрату познания Космических Интеллигенций как утрату собственной человечности. И это является лишь слабым отблеском, когда Фауст открывает книгу Макрокосма и хочет подняться к космическим Интеллигенциям, и опять захлопывает ее, потому что он не может этого, и останавливается только на Духе Земли; по существу, это — лишь слабый отголосок того, что крайне трагически переживали в себе как раз лучшие средневековые исследователи, имена которых не дошла до потомства — когда от духов природы, в сферу которых они проникали посредством своего алхимического исследования, они слышали, что некогда существовала связь человека с космическими Интеллигенциями.

И опять-таки, все это состоит в тесной связи с тем, что должно было выработаться еще в древней Греции, когда возникла необходимость, чтобы то, что я описал вчера или позавчера как Самофракийские Мистерии, Мистерии Кабиров, должно было быть ослаблено до философии Аристотеля, которая затем именно в Средневековье играла такую большую роль; тогда, именно до пятнадцатого столетия, под поверхностью того, что было аристотелизмом, трагическим образом продолжало действовать то, маленький фрагмент чего я смог обрисовать тут. И было так, что за македонским временем, вплоть до Греции, лежала сущность Мистерий, —

подробнее об этом будет сказано в последующих исторических лекциях, — существо Мистерий, взирающее глубоко в тайны мировых субстанций, в их взаимосвязь с космическими Интеллигенциями, сущность Мистерий, при которой нисходили от космических Интеллигенции к духам природы. Взор был как бы охвачен, прикован этими космическими Интеллигенциями, но направлен он был к духам природы. Это был кризис, сошедший во время Аристотеля-Александра. В том, что происходило тут повсюду, могли еще видеть, вглядываясь в аристотелизм, что абстракции Аристотеля основываются на древней сущности Мистерий. Я бы сказал: тот, кто знает, как обстоит с тайной углерода-серебра, а затем читает замечания Аристотеля, дедские до последующих времен, — ибо, ведь, самые значительные из них не дошли до следующих поколений, — читает там написанное относительно тайны Луны, тот наверняка сразу поймет, какой является взаимосвязь с этими древними временами.

Более подробное освещение эти вещи найдут в последующих лекциях, которые я бы хотел прочесть об историческом развитии человечества с точки зрения антропософии.